

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(39)
2026**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
председателя Экспертного совета по праву ВАК
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор юридических
наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, профессор
факультета мировой экономики и мировой
политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор политологии Оксфордского университета

ПРОРОК Владимир, доктор философии
Пражского университета имени
Яна Амоса Коменского (Чешская Республика)

Главный редактор Гасанов И.Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2026

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Chairman
of the Expert Council on the Law of the Higher
Attestation Commission under the Ministry
of Science and Higher Education of the Russian
Federation, Associate Member of RAS, Doctor
of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich,
Director of the Institute of Europe of RAS,
Associate Member of RAS, Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, Professor
at the Faculty of World Economics and World
Politics of the National Research University
Higher School of Economics,
PhD (Pol.Sci.)

PROROK Vladimir, Doctor of Philosophy,
Jan Amos Komensky University Prague
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I.B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Director Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, научный руководитель магистратуры, профессор кафедры церковно-практических дисциплин Перервинской духовной семинарии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук, доцент

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Supervisor of the Master's program, Professor of the Department of Church and Practical Disciplines of the Perervinsky Theological Seminary of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences, Associate Professor

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University, named after V.N. Tatishchev, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Конституционное право

11 А.Г. Головин

Избирательная система как институт, обеспечивающий делегирование власти народом

28 И.А. Митусова

Участие Федерального Собрания Российской Федерации в обеспечении конституционно-правового пространства

Избирательное право

36 О.Н. Шерстобоев

Усмотрение в деятельности избирательных комиссий: между должным и возможным поведением

47 А.А. Макарецв

Акты избирательных комиссий: к вопросу о критериях обоснованности

Молодежь и политика

57 Р.Р. Садыков, М.В. Михайлов, Л.Ф. Нугуманова

Трансформация молодежных избирательных формирований современной России

Политические институты

72 И.Б. Гасанов

О философии выборов: сторонний взгляд

Парадигмы развития

99 Ю.Н. Гаврилец, Н.И. Ильин, А.В. Кудров

Моделирование социально-экономических и общественно-политических процессов

Актуальная трибуна

118 С.В. Кабышев

Управляя неизбежным: правовые приоритеты развития политических институтов в эпоху развития искусственного интеллекта

128 И.Г. Чистобородов

Стратегические императивы государства в общественно-политической сфере

Политические технологии**138 А.И. Серавин**

Инструменты политического маркетинга в компаниях:
концептуализация проблемы и практика воплощения

Ракурс**149 А.В. Павлушкин**

Правовой мониторинг в системе защиты прав и свобод граждан

Полемические страницы**159 Э.С. Юсубов**

Обоснование конституционного долга в активном
избирательном праве

Пространство молодого ученого**168 Х.Х. Хьа**

Роль вьетнамской молодежи в сетевизации
и цифровизации страны

176 Е.С. Серегина

Правовой статус педагога высшей школы
в Российской Федерации: проблемы и перспективы

Реплика**186 В.В. Сошников**

О некоторых вопросах информирования электората
избирательными комиссиями

Конкурс «Атмосфера»**190 М.В. Лунина, Ю.С. Отт, М.А. Романов, Д.А. Авдеев**

Электоральное поведение студенческой молодежи:
факторы формирования и тенденции развития

203 Сведения об авторах

Constitutional Law

- 11 A.G. Golovin**
The Electoral System as an Institution Ensuring the Delegation of Power by the People
- 28 I.A. Mitusova**
Participation of the Federal Assembly of the Russian Federation in Ensuring the Constitutional Legal Space

Electoral Law

- 36 O.N. Sherstoboev**
Discretion in the Actions of Electoral Commissions: Between Obligatory and Possible Conduct
- 47 A.A. Makartsev**
Election Commission Reports: on the Question of Validity Criteria

Youth and Politics

- 57 R.R. Sadykov, M.V. Mikhailov, L.F. Nugumanova**
Transformation of Youth Electoral Formations in Modern Russia

Political Institutions

- 72 I.B. Gasanov**
On the Philosophy of Election: an Outside View

Development Paradigms

- 99 Y.N. Gavrilets, N.I. Ilyin, A.V. Kudrov**
Modeling of Socio-Economic and Socio-Political Processes

Actual Tribune

- 118 S.V. Kabyshev**
Managing the Inevitable: Legal Priorities for the Development of Political Institutions in the Era of Artificial Intelligence
- 128 I.G. Chistoborodov**
Strategic Imperatives of the State in the Socio-Political Sphere

Political Technologies

- 138 A.I. Seravin**
Tools of Political Marketing in Companies: Conceptualization of the Problem and Practice of Implementation

Foreshortening

- 149 A.V. Pavlushkin**
Legal Monitoring in the System of Protection of Citizens' Rights
and Freedoms

Polemic Pages

- 159 E.S. Yusubov**
Justification of Constitutional Duty in Active Suffrage

Young Scientist's Space

- 168 H.H. Hua**
The Role of Vietnamese Youth in the Networking and Digitalization
of the Country

- 176 E.S. Seregina**
Legal Status of Higher Education Teacher in the Russian Federation:
Problems and Prospects

Remark

- 186 V.V. Soshnikov**
On Some Issues of Informing the Electorate by Electoral Commissions

Contest «Atmosphere»

- 190 M.V. Lunina, J.C. Ott, M.A. Romanov, D.A. Avdeev**
Electoral Behavior of Student Youth: Formation Factors
and Development Trends

- 203** Our Authors

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТИТУТ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТИ НАРОДОМ

Аннотация. В статье с позиций последовательно развиваемой автором конституционно-правовой концепции ответственного делегирования власти народом в Российской Федерации рассматривается понимание избирательной системы в широком и узком смыслах, включая их соотношение. Анализируются научные подходы к пониманию избирательной системы, затрагиваются исторические, компаративные и системно-структурные аспекты закрепления и использования этой правовой категории. Показана роль избирательной системы как института, обеспечивающего процесс делегирования народом властных полномочий формируемым органам публичной власти. В целях дальнейшей научной и практической проработки и обсуждения сформулированы и аргументированы предложения по возможному закреплению в избирательном законодательстве легальной дефиниции понятия «избирательная система, применяемая на выборах».

Ключевые слова: демократия, выборы, делегирование власти, концепция делегирования власти народом, ответственное делегирование власти, гарантии избирательных прав, избирательная система, закрепление понятия избирательной системы в законодательстве, избирательная система, применяемая на выборах.

THE ELECTORAL SYSTEM AS AN INSTITUTION ENSURING THE DELEGATION OF POWER BY THE PEOPLE

Abstract. The article examines the understanding of the electoral system in a broad and narrow sense, including their correlation, from the perspective of the author's consistently developed constitutional law concept of the people's responsible delegation of power in the Russian Federation. It analyzes scientific approaches to understanding the electoral system and addresses historical, comparative, and systemic-structural aspects of the consolidation and use of this legal category. The article highlights the role of the electoral system as an institution that ensures the people's delegation of power to the formed public authorities. In order to further develop and discuss the issue, proposals have been formulated and

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, начальник отдела мониторинга законодательных инициатив и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, г. Москва

substantiated for the possible inclusion of a legal definition of the concept of «electoral system used in elections» in electoral legislation.

Keywords: *democracy, elections, delegation of power, the concept of delegation of power by the people, responsible delegation of power, guarantees of electoral rights, the electoral system, the consolidation of the concept of the electoral system in legislation, the electoral system used in elections.*

Избирательная система — одна из ключевых электорально-правовых категорий, занимающая видное место в понятийно-категориальном аппарате науки избирательного права и конституционного права в целом. О ее содержании и понимании в различных аспектах написано много, однако в законодательном закреплении и использовании в текстах нормативных актов понятия избирательной системы всё еще можно усмотреть дискуссионные моменты, заслуживающие внимания исследователей.

В данном тексте мы с позиций конституционно-правовой концепции ответственного делегирования власти народом в Российской Федерации [о сути этой концепции см. подробнее, например: 1, с. 34–45; 2, с. 50–65; и др.] исследуем феномен избирательной системы в разных признаваемых правовой наукой смыслах этой категории, исходя из того, что в любом из пониманий избирательная система является конституционно-правовым институтом, обеспечивающим легитимное делегирование народом власти органам, формируемым выборным путем.

Избирательная система неразрывным образом связана с политической системой и организацией политических отношений в обществе, а также с демократией как правовым состоянием, предполагающим проведение периодических выборов, что следует как из буквы Конституции Российской Федерации (далее — Конституция), так и духа конституционных установлений. Следует согласиться с суждением, что «если в преамбуле Конституции речь идет о демократии как характеристике политической жизни страны и политической системы общества, то в ее статье 1 главным образом говорится о демократическом политическом режиме именно как явлении государственной жизни, совокупности приемов и способов формирования и функционирования государственной власти и ее институтов» [3, с. 5]. Указанные начала конституционного текста предполагают наличие развитой избирательной системы, без которой подлинная современная демократия немислима ни в правовом, ни в политическом смысле.

С.Е. Заславский пишет: «Функция легитимации, аккумуляции и выражения интересов, социально-регулятивная и социально-интегративная функции выборов в своем единстве обеспечивают устойчивость системы, в которой периодически происходит обмен социальными ролями: простые граждане в качестве избирателей формируют ответственную перед ними власть» [4, с. 4–5]. Именно этот органично функционирующий политико-правовой механизм обеспечивает избирательная система, являясь формой

воплощения процесса делегирования народом властных полномочий избираемым органам публичной власти. При этом презюмируется и органичная обратная связь: как отмечал В.И. Фадеев, «все органы публичной власти должны осуществлять свою деятельность в соответствии с волей народа, выражаемой через формы непосредственной демократии, и в интересах народа» [5, с. 20].

В то же время избирательная система служит и одним из ключевых механизмов, обеспечивающих реализацию комплексного конституционного права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства, являющегося, по своей сути, «основополагающим принципом взаимоотношений между демократическим государством и его гражданами» [6, с. 13].

Ниже мы остановимся на нормативном понимании термина «избирательная система», то есть на том, как он закрепляется в правовых актах, как раскрывается его содержание. Богатый спектр взглядов на понимание избирательной системы давно и основательно проанализирован в работах ряда авторов [7, с. 6–16; 8, с. 10–21; 9, с. 26–27; 10, с. 6–7; 11, с. 12–19; 12, с. 34–36; 13, с. 40–45]. Отметим лишь, что разные исследователи акцентируют внимание на различных составляющих понятия избирательной системы, традиционно рассматриваемого в широком и узком смысле.

По мнению М.В. Баглая, понятие избирательной системы складывается из всей совокупности правовых норм, регулирующих порядок предоставления избирательных прав, проведения выборов и определения результатов голосования [14, с. 359]. При таком подходе во главу угла ставится совокупность правовых норм, что приближает понимание избирательной системы к понятию избирательного права в объективном смысле.

С.А. Авакьян характеризует избирательную систему как реально существующий порядок подготовки и проведения выборов депутатов и выборных должностных лиц государственной власти и местного самоуправления [15, с. 163]. «Под избирательной системой в Российской Федерации большинство исследователей понимают порядок выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, проводимых в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований» [10, с. 5]. Поскольку внимание здесь акцентируется уже на порядке, установленном правовыми нормами и реализуемом в соответствующих правоотношениях, такое понимание избирательной системы в некоторой части приобретает сходные черты с категорией избирательного процесса.

Отдельные авторы включают в широкое понимание избирательной системы также и самих избирателей. Р.Т. Биктагиров и Б.И. Кинзягулов пишут, что избирательную систему Российской Федерации (в широком плане) «следует определить как совокупность государственных и общественных

отношений и избирателей, входящих в правовые отношения по поводу формирования путем всеобщих выборов органов государственной власти и местного самоуправления, регламентированные избирательным правом» [16, с. 117]. Однако включение в состав избирательной системы носителей субъективных избирательных прав представляется спорным. С точки зрения рассматриваемой нами концепции делегирования власти избирательная система функционирует именно для обеспечения делегирования власти народом, объективированного, в данном случае, в реализации избирательных прав граждан, с учетом чего между избирателями и избирательной системой, представленной, в том числе организаторами выборов, существует, скорее условно, субъект-субъектное взаимодействие, а не обезличенная включенность граждан-избирателей непосредственно в избирательную систему.

Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян считают, что избирательная система представляет собой совокупность определенным образом упорядоченных общественных отношений, связанных с выборами органов публичной власти, осуществлением конституционных прав граждан избирать и быть избранными, реализацией избирательных процедур на всех стадиях избирательного процесса, в том числе в ходе предвыборной агитации. При этом они отмечают, что общественные отношения, характеризующие избирательную систему, являются лишь ее материальным выражением. В реальном же ее проявлении как института политической демократии избирательная система раскрывается как система средств, создаваемых государством и используемых им для организации своей власти [17, с. 23–24].

Б.А. Страшун полагал, что в широком смысле избирательная система — это система общественных отношений, связанных с выборами органов публичной власти. Сфера этих отношений весьма велика. В нее входят вопросы определения круга избирателей и избираемых, инфраструктуры выборов (создание избирательных единиц, избирательных органов и др.), отношения, складывающиеся на каждой из стадий избирательного процесса. Избирательная система регулируется нормами избирательного права, понимаемого в так называемом объективном смысле как система правовых норм, которую нередко называют подотраслью конституционного (государственного) права. Однако, по мнению Страшуна, не вся избирательная система регулируется правовыми нормами. В ее состав входят также некоторые виды отношений, регламентируемые корпоративными нормами (в частности, уставами политических партий, иных общественных политических объединений), а также электоральными обычаями и традициями данного общества [18, с. 106].

По мнению Е.Е. Скосаренко, избирательная система есть политико-правовая категория, представляющая собой результат фактических (как урегулированных нормами права, так и не урегулированных) общественных отношений по формированию органов власти в государстве посредством выборов [8, с. 21].

Избирательную систему в широком смысле, с точки зрения И.Б. Борисова, можно рассматривать как законодательно установленный и действующий механизм формирования органов государственной власти и местного самоуправления, который включает в себя законодательно определенную систему выборных органов; законодательно определенные процедуры организации и проведения выборов; законодательно установленную систему определения результатов голосования по передаче властных полномочий [19, с. 76]. Приведенное определение обращает на себя внимание прежде всего тем, что в нем, по сути, понимание избирательной системы в узком смысле (система определения результатов голосования по передаче властных полномочий) включено в качестве неотъемлемого элемента в общее, широкое понимание, что представляется концептуально верным.

На наш взгляд, в обобщающем ключе под избирательной системой в широком смысле следует понимать совокупность регулируемых нормами законодательства о выборах общественных отношений в сфере функционирования непосредственного народовластия в форме выборов, а также правовых, организационных, финансово-экономических, информационных и иных гарантий и механизмов, обеспечивающих реализацию избирательных прав граждан.

Важным в таком понимании видится указание на взаимосвязь избирательной системы с гарантиями избирательных прав, поскольку всё правовое регулирование отношений в сфере выборов строится в нашей стране на основе концепции таких гарантий [см. подробнее: 20, с. 2–9]. На ту же концепцию должна быть ориентирована правоприменительная деятельность организаторов выборов, всех органов публичной власти, вовлеченных в правоотношения, складывающиеся в рамках избирательного процесса.

Понятие избирательной системы в узком смысле [об этом очень подробно и в контексте мировой электоральной практики см.: 21, с. 5] имеет иное содержание.

Некоторые исследователи отмечают смещение акцентов в рассмотрении избирательной системы с ее широкого понимания на узкое. Например, Е.И. Колюшин пишет, что в советском избирательном праве под избирательной системой понималась совокупность общественных отношений, возникающих в ходе выборов. Тем самым избирательная система отождествлялась с выборами. Современное избирательное право включает в себя определение избирательной системы в более узком и конкретном смысле. Речь идет о способах и методах определения результатов выборов, то есть заключительной стадии выборов [22, с. 202–203].

А.В. Иванченко, А.В. Кынев* и А.Е. Любарев полагают, что под избирательной системой в узком смысле следует понимать совокупность правовых норм, определяющих, каким образом итоги голосования избирателей трансформируются в результаты выборов [23, с. 10–16].

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

Б.А. Страшун считал, что избирательная система в узком смысле — это способ определить, кто из баллотировавшихся кандидатов избран на должность или в качестве депутата. При этом он справедливо отмечал, что в зависимости от того, какая будет установлена избирательная система, результаты выборов при одних и тех же итогах голосования могут оказаться совершенно различными. Поэтому политические силы нередко борются между собой за более выгодную для себя избирательную систему (впрочем, оценивая ее выгодность, они могут и ошибиться) [18, с. 106].

И.Б. Борисов пишет об избирательной системе в узком смысле как о порядке распределения мандатов по результатам выборов [24, с. 9].

Полагаем обоснованным придерживаться понимания избирательной системы в узком смысле как законодательно установленных условий признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов — допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядка распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов.

Зарубежные ученые в значительной степени склонны оперировать понятием избирательной системы именно в узком смысле (хотя у авторитетных исследователей избирательных систем встречаются и примеры широкого, даже иногда расширительного подхода; так, по интересному выражению Р. Таагеперы, «избирательная система состоит из избирательных законов и умений, которые люди проявляют в их использовании» [25, р. 678]). При этом для них характерно рассматривать избирательную систему через призму процесса перехода голосов в места («votes to seats», используется даже сокращение «v2seats») [26, р. 1].

Вот примеры такого понимания: избирательные системы — способ, которым голоса, поданные на всеобщих выборах, переводятся в места в легислатуре [27, р. 2]; функция избирательной системы — определить средства, которыми голоса переводятся в места в процессе избрания политиков на должности [28, р. 3]; избирательная система означает способ, которым голоса переводятся в места [29, р. 1]; избирательные системы оказывают исключительно механическое воздействие на то, как голоса преобразуются в места [30, р. 14].

В данном контексте обращает на себя внимание такое наблюдение: разница в употреблении понятия избирательной системы «создает барьеры между нашими и зарубежными учеными в понимании сущности избирательной системы и при обмене научным опытом» [8, с. 11]. Однако для отечественной науки и практики традиционно характерно употребление понятия избирательной системы в двух разных смыслах, в связи с чем в научном диалоге с зарубежными коллегами неизбежна необходимость уточнения смысла используемой терминологии.

Для полноты анализа обратимся к исторической ретроспективе, а также к зарубежному и международному опыту использования понятия избирательной системы в правовых актах.

В советский период развития государства понятие избирательной системы имело длительную историю конституционного закрепления¹. Впервые глава (XI), носящая название «Избирательная система», появилась в структуре Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденной Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 года². Анализ положений указанной главы, содержащей нормы об избирательных правах граждан и избирательных цензах, принципах избирательного права, выдвижении (выставлении) кандидатов, а также об отчетах депутатов перед избирателями и отзыве депутатов, показывает, что понятие избирательной системы, безусловно, использовалось в широком смысле. Аналогичный подход, естественно, был воспринят и Конституцией (Основным законом) РСФСР 1937 года (см. гл. XII «Избирательная система»). Глава 13 Конституции (Основного закона) СССР, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года³, а вслед за ней и глава 11 Конституции (Основного закона) РСФСР 1978 года⁴ также носили название «Избирательная система», и содержание этого понятия раскрывалось в конституционных нормах столь же широко. Таким образом, употребление в нормативных правовых актах понятия избирательной системы именно в широком смысле имеет в нашей стране давнюю традицию.

В современном мире в конституции ряда стран стали включаться структурные единицы (главы, разделы), содержащие в названии понятие «избирательная система»⁵ [здесь и далее тексты конституций иностранных государств цитируются по: 31; 32]. В них понятие избирательной системы было использовано в широком смысле. Вместе с тем в ряде конституций

¹ Следует при этом отметить, что первая советская Конституция — Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года (см.: СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.), не использовала понятие избирательной системы, оперируя термином «производство выборов» (см.: Глава четырнадцатая «О производстве выборов»). В Основном законе (Конституции) СССР 1923 года (см.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. 7 июля) и Конституции (Основном законе) РСФСР 1925 года (см.: СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218) понятие избирательной системы также не использовалось. Формулировка «производство выборов» являлась наследием законодательства Российской империи (см., например: Положение о выборах в Государственную Думу. Издание 1907 года // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. С.-Петербург: Русское Книжное Товарищество «Дьятель», 1912. Кн. первая. Т. I—III. С. 48).

² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.

³ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

⁵ Такие структурные единицы появились, например, в Конституции Туркменистана от 26 сентября 2008 года (разд. V «Избирательная система, референдум»), Конституции Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года (гл. XXIII «Избирательная система»). Отметим, что в ряде государств конституции обновлялись, однако для целей настоящего исследования нам интересен сам факт наличия соответствующей терминологии и структурных единиц на определенных этапах.

встречалось и понятие избирательной системы в узком смысле⁶. Широкое понимание избирательной системы находило отражение и в международных документах, в том числе посвященных сотрудничеству в области избирательных систем [33, с. 150–151; 34, с. 29–31]⁷.

Анализ показывает, что использование понятия избирательной системы в разных смыслах как в национальных, так и в международных правовых актах — устоявшаяся традиция. Хотя и не лишено резона утверждение, что «с точки зрения науки каждое понятие должно употребляться не в „широком“ и „узком“, а только в одном смысле» [35, с. 23 (цитируется по: 7, с. 11)], однако избежать указанного дуализма вряд ли удастся. Вместе с тем возможно нормативное уточнение одного из «смыслов», которое будет предложено ниже.

В настоящее время примечательной особенностью российской законодательной регламентации избирательной системы является то, что в самом федеральном законодательстве о выборах и референдумах не содержится легального определения понятия «избирательная система».

Представляется логичным, что дефиниция избирательной системы как одного из базовых понятий для всей правовой терминологии в сфере выборов и избирательного права как такового должна была бы найти место в статье 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁸ (далее — Закон об основных гарантиях), где закреплены основные термины и понятия. Однако в указанной статье законодатель это понятие обошел молчанием.

При этом такая дефиниция была закреплена законодателем в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁹. Согласно части 3 статьи 23 «Муниципальные выборы» названного Федерального закона (в настоящее время утратила силу) «под избирательной системой в настоящей статье понимаются условия признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов — допущенными

⁶ Например, в Переходной Конституции Непала от 15 января 2007 года упоминались и смешанная, и пропорциональная избирательные системы (ст. 63); в Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года — пропорциональная система (ч. 2 ст. 70); в Конституции Республики Индия от 26 ноября 1949 года — система пропорционального представительства на основе «единственного передаваемого голоса» (ст. 66, 171); в Конституции Исламской Республики Пакистан от 12 апреля 1973 года — система пропорционального представительства (ст. 106); в Акте о Шотландии 1998 года (составной части Конституции Великобритании) — мажоритарная система и пропорциональная система (ч. 1 «Шотландский парламент») и т.д.

⁷ Например, в Меморандуме о взаимопонимании между Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и Верховным избирательным судом Федеративной Республики Бразилии в области избирательных систем, подписанном в Москве 16 мая 2011 года; в абзаце 6 пункта 3 Протокола о сотрудничестве между Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и Центральным избирательным советом Доминиканской Республики, подписанного в Москве 4 июня 2014 года, и др.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов». Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹⁰ сохранил терминологическую преемственность в отношении указанного понятия: в части 5 его статьи 44 закреплена дословно аналогичная дефиниция.

Рассуждая о причинах такого подхода федерального законодателя, можно предположить, что решение не закреплять дефиницию избирательной системы в основной статье-гlossарии избирательного законодательства было продиктовано разным содержанием этого понятия для целей Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в его первоначальной редакции) и других федеральных законов, регулирующих отношения в сфере конкретных видов выборов. Изначально оно фигурировало в некоторых нормах Закона об основных гарантиях в широком смысле, то есть как избирательная система в целом. Вместе с тем в иных законодательных актах отражено его понимание и в узком смысле (например, в упомянутом законодательстве в сфере местного самоуправления, а также в нормах федеральных законов о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации разных лет о распределении депутатских мандатов).

В Законе об основных гарантиях понятие избирательной системы используется прежде всего в широком смысле, например, в подпунктах «в» и «ж» пункта 9 статьи 21, согласно которым ЦИК России обеспечивает реализацию мероприятий, связанных с развитием избирательной системы в Российской Федерации, а также осуществляет международное сотрудничество в области избирательных систем (здесь законодатель явно имеет в виду избирательную систему в широком смысле). Вместе с тем в названном Федеральном законе в ходе его дополнения новыми нормами появилось понятие избирательной системы, используемое в узком смысле, — в пункте 7¹ статьи 18, согласно которому в случае, если схема одномандатных и (или) многомандатных избирательных округов не может быть применена при проведении выборов в связи с изменением положений конституции (устава) субъекта Федерации, закона субъекта Федерации, устава муниципального образования, устанавливающих соответственно число депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Федерации, представительного органа муниципального образования *и (или) вид избирательной системы, применяемой на соответствующих выборах* (курсив мой — А. Г.), а также в связи с изменением границ муниципального образования, законодательный (представительный) орган государственной

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

власти субъекта Федерации, представительный орган муниципального образования вправе по представлению организующей выборы избирательной комиссии утвердить новую схему одномандатных и (или) многомандатных избирательных округов не позднее чем через 30 дней со дня вступления в силу соответствующих положений конституции (устава) субъекта Федерации, закона субъекта Федерации, устава муниципального образования. Здесь понятие избирательной системы явно используется в узком смысле.

Аналогично употребление этого понятия в узком смысле в избирательном законодательстве субъектов Федерации. Например, в соответствии с частью 11 статьи 12 Закона города Москвы от 6 июля 2005 года № 38 «Избирательный кодекс города Москвы»¹¹ в случае, если схема одномандатных избирательных округов по выборам депутатов Московской городской Думы не может быть применена при проведении выборов депутатов Московской городской Думы в связи с изменением положений Устава города Москвы, названного Кодекса, устанавливающих число депутатов Московской городской Думы и (или) вид избирательной системы, применяемой на выборах депутатов Московской городской Думы, а также в связи с изменением границ муниципального образования, Московская городская Дума вправе по представлению Городской комиссии утвердить новую схему одномандатных избирательных округов не позднее чем через 30 дней со дня вступления в силу соответствующих положений Устава города Москвы, названного Кодекса.

Следует отметить, что в избирательном законодательстве субъектов Федерации встречаются и упоминания конкретных видов избирательных систем. Например, глава 11 Закона Ленинградской области от 15 марта 2012 года № 20-оз «О муниципальных выборах в Ленинградской области»¹² носит название «Особенности проведения муниципальных выборов с использованием мажоритарной избирательной системы», глава 12 — «Особенности проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований с использованием пропорциональной избирательной системы», а глава 13 — «Особенности проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований с использованием смешанной пропорционально-мажоритарной избирательной системы».

Встречается и формулировка «избирательные системы, на основе которых проводятся выборы». Например, статья 6 Закона Свердловской области от 29 апреля 2003 года № 10-ОЗ «Избирательный кодекс Свердловской области»¹³ носит название «Избирательные системы, на основе которых проводятся выборы депутатов Законодательного Собрания Свердловской области, Губернатора Свердловской области, органов местного самоуправления».

¹¹ Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2005. № 43.

¹² Вестник Правительства Ленинградской области. 2012. № 34.

¹³ Собрание законодательства Свердловской области. 2003. № 4. Ст. 219.

Статья 4 Закона Московской области от 4 июня 2013 года № 46/2013-ОЗ «О муниципальных выборах в Московской области»¹⁴ имеет наименование «Избирательные системы при проведении выборов»; статья 10 Закона Архангельской области от 8 ноября 2006 года № 268-13-ОЗ «О выборах в органы местного самоуправления в Архангельской области»¹⁵ — «Избирательные системы, которые могут применяться при проведении выборов»; статья 4 Закона Калужской области от 25 июня 2009 года № 556-ОЗ «О выборах в органы местного самоуправления в Калужской области»¹⁶ — «Виды избирательных систем»; статья 4 Закона Удмуртской Республики от 13 апреля 2007 года № 18-РЗ «О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики»¹⁷ — «Избирательная система по выборам депутатов Государственного Совета»; статья 3 Закона Рязанской области от 30 июля 2009 года № 85-ОЗ «О выборах депутатов Рязанской областной Думы»¹⁸ — «Избирательная система на выборах депутатов областной Думы»; статья 5 Закона Республики Тыва от 22 августа 2011 года № 781 ВХ-1 «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования, выборного должностного лица местного самоуправления в Республике Тыва»¹⁹ — «Виды избирательных систем, применяемые при проведении муниципальных выборов, и численность депутатов представительных органов муниципальных образований» и так далее.

Таким образом, в отсутствие единого терминологического ориентира в статье-гlossарии Закона об основных гарантиях в избирательном законодательстве наблюдается определенная «палитра» формулировок: избирательная система, применяемая на выборах; избирательная система, используемая на выборах; избирательная система, на основе которой проводятся выборы; избирательная система при проведении выборов; избирательная система по выборам; избирательная система на выборах и другие.

С точки зрения системности избирательного законодательства и единства используемого в нем понятийного аппарата представляется целесообразным рассмотреть вопрос о закреплении определения понятия «избирательная система» непосредственно в статье 2 Закона об основных гарантиях.

При этом, как показывает настоящее исследование, использование понятия «избирательная система» в двух смыслах — широком и узком — является устоявшимся и имеющим давнюю историческую традицию не только в науке, но и в нормах права, закрепляемых в актах разных уровней. Это понятие использовалось и будет использоваться в двух разных смыслах даже в рамках одних и тех же законов, в связи с чем нет ни реальной возможности,

¹⁴ Ежедневные новости. Подмосковье. 2013. № 102.

¹⁵ Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов четвертого созыва. 2006. № 13.

¹⁶ Весть. 2009. № 235–237 (ст. 1–15); № 239–240 (ст. 16–72).

¹⁷ СЗ УР. 2007. № 11.

¹⁸ Рязанские ведомости. 2009. № 147–148.

¹⁹ Тувинская правда. Приложение 32. Спецвып. 2011. 24 авг.

ни необходимости пытаться изменить статус-кво и закрепить понимание избирательной системы только в одном из этих смыслов.

Ввиду этого представляется возможным пойти по пути уточнения понятия «избирательная система», используемого в узком смысле. Во избежание смешения этих понятий, используемых в узком и широком смыслах, представляется возможным конкретизировать понятие, например, сформулировав его как «избирательная система, применяемая на выборах», что позволит отграничить его от понятия избирательной системы в широком смысле, используемого в указанных выше нормах.

Выбор формулировки «применяемая» не случаен. Это можно аргументировать, в частности, использованием подобной формулировки в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств, заключенной в Кишиневе 7 октября 2002 года [36, с. 362–385]. Согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 3 названной Конвенции на вес голоса (голосов) избирателя не должна влиять *применяемая* (курсив мой. — А.Г.) в государстве избирательная система.

Кроме того, федеральный законодатель уже давно пользуется именно такой формулировкой. Статья 3 Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²⁰ озаглавлена «Избирательная система, применяемая на выборах депутатов Государственной Думы», что стало в 2014 году новшеством по сравнению со всеми предыдущими федеральными законами о выборах депутатов Государственной Думы.

Таким образом, было бы возможным внести в статью 2 Закона об основных гарантиях изменение, дополнив ее, например, подпунктом 33¹ следующего содержания: «33¹) избирательная система, применяемая на выборах, — условия признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов — допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов;».

Реализация этого предложения потребует внесения взаимосвязанного изменения в статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», заключающегося либо в дополнении части 5 после слов «Под избирательной системой» словами «, применяемой на выборах,» (вариант уточнения аналогичного определения), либо в исключении из указанной статьи определения избирательной системы (вариант устранения излишнего дублирования дефиниций). Второй вариант предпочтительнее, поскольку наличие в Федеральном законе, устанавливающем общие принципы организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, определения

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 740.

избирательной системы — одного из базовых для избирательного законодательства понятий — не вполне соотносится с предметом регулирования этого Федерального закона.

Представляется возможным высказать рекомендацию законодательным органам тех субъектов Российской Федерации, в избирательном законодательстве которых используются иные варианты формулировок, в перспективе в процессе внесения изменений в законы о выборах соответствующих субъектов Федерации скоррелировать используемую терминологию с ориентирами, задаваемыми федеральным законодательством о выборах.

Относительно же роли избирательной системы в широком смысле (в ее значении, включающем в себя и избирательную систему, применяемую на выборах) как института, обеспечивающего делегирование власти народом Российской Федерации, необходимо также отметить, что в таковом качестве она имеет характер конституционно значимой ценности, служащей связующим звеном субъективных избирательных прав граждан, народного суверенитета и самого народа, обладающего учредительной властью, и единой системы публичной власти, получающей изначальную легитимацию именно от народа.

Нашему пониманию ответственного делегирования власти народом созвучны рассуждения И.Б. Гасанова о том, что «ответственность за свой выбор избиратель несет только перед самим собой», при этом «самообман и безответственность в отношении собственного выбора — тоже выбор. Голосует не население, голосуют граждане, то есть люди, по определению способные нести ответственность за себя и за свои поступки, — как за действия, так и за бездействие» [37, с. 56]. В этом ключе стоит добавить, что избирательная система лишь создает необходимые правовые и организационные условия для реализации ответственного выбора граждан, а чувство глубокой внутренней ответственности за принимаемые в ходе демократических процедур решения и за делегирование властных полномочий органам публичной власти должно корениться в собственном электоральном правосознании и электорально-правовой культуре граждан. Избирательная система в широком смысле, включающая в себя и избирательные системы, применяемые на выборах, выступает надежным институтом, создающим мост (или стабильный канал связи — какая метафора здесь больше нравится) между ответственным подходом народа к делегированию власти и формируемыми легитимными органами публичной власти, равно как и в целом стабильно и независимо от каких-либо внешних факторов функционирующей общественно-политической и государственной системой, основанной на незыблемом фундаменте современного конституционализма.

Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова справедливо указывает на то, что «посредством повсеместного торжества выборного народовластия отечественной избирательной системе удалось создать демократический контекст, базовую основу российской власти, вне которой продвижение

вперед невозможно» [38, с. 12] и подчеркивает, что избирательная система в России самая открытая и прозрачная в мире, доверие к ней в последние годы выросло вдвое²¹.

Обратим особое внимание, что понимание избирательной системы в широком смысле нашло свое отражение и даже, с уверенностью можно сказать, высокое признание в еще одном важном документе. Указом Президента Российской Федерации от 10 мая 2024 года № 322²² установлено почетное звание «Заслуженный работник избирательной системы Российской Федерации», а также утверждено Положение о почетном звании «Заслуженный работник избирательной системы Российской Федерации», согласно которому указанное звание присваивается членам Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и иных избирательных комиссий с правом решающего голоса, а также высокопрофессиональным работникам аппаратов избирательных комиссий и работникам учреждений и организаций, созданных для обеспечения деятельности избирательных комиссий, за личные заслуги, в том числе в развитии избирательной системы в Российской Федерации. В названном нормативном акте Президента Российской Федерации отражено именно понимание избирательной системы в широком смысле, показанном выше в настоящей работе, как института, системно взаимосвязанного с функционированием непосредственного народовластия в стране как такового, и тем самым заслуженно отмечена и признана роль высокопрофессиональных кадров, работающих в этой очень значимой для государства и общества сфере.

Стабильная демократическая избирательная система имеет важное значение для обеспечения государственного суверенитета как такового. Полной поддержки научным сообществом и практиками заслуживает, на наш взгляд, системно и последовательно развиваемая в работах И.Б. Борисова концепция электорального суверенитета [19; 39, с. 31–39; 40, с. 88–103], для обеспечения, защиты и укрепления которого необходима самостоятельная и независимая, имеющая прочные правовые основы и институциональные механизмы избирательная система, отвечающая национальным интересам государства, устойчивая к любым внутренним и внешним вызовам и угрозам, каковой и является избирательная система Российской Федерации.

Нельзя согласиться с утверждениями, подобными следующему: «избирательная система Российской Федерации постоянно находится в состоянии становления» [41, с. 562]. Хотя, возможно, авторы процитированного исследования имели в виду регулярность реформирования отдельных

²¹ См.: Элла Памфилова назвала российскую избирательную систему самой открытой и прозрачной в мире. Материал на сайте Первого канала от 26 июля 2025 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.1tv.ru/news/2025-07-26/516317-ella_pamfilova_nazvala_rossiyskuyu_izbiratelnyuyu_sistemu_samou_otkrytoy_i_prozrachnoy_v_mire (дата обращения: 28.10.2025).

²² Указ Президента Российской Федерации от 10 мая 2024 года № 322 «Об установлении почетного звания „Заслуженный работник избирательной системы Российской Федерации“». Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2589.

аспектов избирательной системы и просто неудачно выразились. Ни о каком «постоянном состоянии становления» речи быть не может, поскольку путь становления избирательная система постсоветской России прошла еще в конце прошлого столетия, в настоящее же время правомерно говорить лишь о ее стабильном развитии, отвечающем реалиям исторической эпохи, вызовам времени, задачам внедрения новых технологических решений (в том числе сообразно эволюции информационно-коммуникационных технологий) и общему вектору государственного строительства. Более взвешенной видится позиция, состоящая в том, что «постепенная эволюция и последовательное улучшение различных элементов избирательной системы в Российской Федерации ведут к построению современного, правового и подлинно демократического государства» [42, с. 35].

Избирательная система Российской Федерации, прошедшая долгий успешный путь развития, вобравшая в себя многие передовые правовые, организационные и цифровые решения и продолжающая совершенствоваться, должна быть предметом гордости российского общества как одна из лучших в мире, обладающая самобытностью и уникальностью, а также весьма важным в настоящее время свойством стабильности и способностью противостоять любым вызовам и угрозам.

Список литературы

1. Головин А.Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1.
2. Головин А.Г. Ответственное делегирование власти народом в Российской Федерации: ключевые понятия конституционно-правовой концепции // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3.
3. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11.
4. Заславский С.Е. Институциональные основы избирательной системы России: в перекрестье памятных дат // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4.
5. Конституция Российской Федерации [Предисловие Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, доктора юрид. наук, профессора В.Д. Зорькина]. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина под руководством д.ю.н., профессора Е.И. Козловой. Издание третье, дополненное, переработанное и уточненное. М.: Библиотека «Российской газеты», 2009.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / Под редакцией доктора юридических наук, профессора В.В. Комаровой. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.
7. Мясников А.П. Избирательные системы: становление и развитие. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовск. ун-та, 2003.

8. Скосаренко Е.Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М.: Формула права, 2007.
9. Дмитриев Ю.А., Исраелян В.Б. Избирательное право. Учеб. М.: Юстицинформ, 2008.
10. Избирательное право. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Под ред. К.К. Гасанова, А.С. Прудникова, В.А. Виноградова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.
11. Бородулина К.Ю., Поспеловская Е.Г. Избирательные системы на региональных и муниципальных выборах: ключевые моменты правового регулирования // Избирательное право. 2014. № 4.
12. Ескина Л.Б. Избирательная система как фактор легитимации представительной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5.
13. Берлявский Л.Г., Махова А.В. Избирательные системы, применяемые на муниципальных выборах в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6.
14. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.
15. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учеб. курс. В 2 т. Т. 2. М., 2007.
16. Биктагиров Р.Т., Кинзягулов Б.И. Курс современного избирательного и референдумного права России: теория, законодательство, практика. Учеб. и науч. изд. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Уфа, 2007.
17. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М.: Формула права, 2005.
18. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учеб. для вузов / Отв. ред. А.А. Вешняков. М.: НОРМА, 2003.
19. Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010.
20. Головин А.Г. Система гарантий избирательных прав как опорная юридическая конструкция механизма делегирования власти народом // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 2.
21. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: избирательные системы. Под общ. ред. И.Б. Борисова. СПб.: ИВЭСЭП, 2015. 200 с.
22. Колюшин Е.И. Конституционное право России. Курс лекций. М., 2006.
23. Иванченко А.В., Кынев* А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.
24. Борисов И.Б. Российская избирательная система на федеральном уровне // Журнал о выборах. 2007. № 5.
25. Taagepera R. Oxford handbook. Chapter 28 «Electoral systems» // URL: <http://www.socpol.unimi.it/corsi/compol/materials/Taagepera%20in%20Oxford%20handbook.pdf> (дата обращения: 25.04.2015).
26. Jaime-Castillo A.M. ELECTOOL. Some Tools for the Analysis of Electoral Systems (University of Granada) // URL: <http://fmwww.bc.edu/repec/bocode/e/electool.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).
27. Menocal A.R. Why electoral systems matter: an analysis of their incentives and effects on key areas of governance (Overseas Development Institute) //

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

- URL: <https://gsdrc.org/document-library/why-electoral-systems-matter-an-analysis-of-their-incentives-and-effects-on-key-areas-of-governance/> (дата обращения: 28.11.2025).
28. Farrell D.M. Electoral Systems, Parties and Voters: A Comparative Overview (University of Manchester) // URL: <http://www.hkdf.org/seminars/001021/farrell.doc> (дата обращения: 25.04.2015).
 29. Norris P. Choosing Electoral Systems: Proportional, Majoritarian and Mixed Systems (Harvard University) // URL: <http://hks.harvard.edu/fs/pnorris/ Acrobat/IPSR%20Choosing%20 Electoral%20Systems.pdf> (дата обращения: 25.04.2015).
 30. Renwick A. Electoral System Change. Oxford Handbooks Online. Online Publication Date: Nov 2017 // URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10040167/3/Renwick_oxfordhb-9780190258658-e-5.pdf (дата обращения: 28.11.2025).
 31. Конституции государств Азии. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010.
 32. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония. Учеб. пособие. 8-е изд., исправ. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
 33. Вестник ЦИК России. 2011. № 4.
 34. Вестник ЦИК России. 2014. № 5.
 35. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательные системы России: теория, практика и перспективы. СПб., 2003.
 36. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. 2005. № 35 (ч. 1).
 37. Гасанов И.Б. О философии выборов: сторонний взгляд // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 3(37).
 38. Избирательные процессы и практика: актуальный взгляд. Монография / коллектив авторов; под общ. ред. Б.С. Эбзеева, И.Б. Гасанова. М.: РЦОИТ, 2018.
 39. Борисов И.Б. Обеспечение и защита электорального суверенитета // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2024. № 1–2(208–209).
 40. Борисов И.Б. Обеспечение электорального суверенитета во внешних отношениях // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2(32).
 41. Худoley Д.М., Худoley К.М. Предложение по реформированию избирательной системы Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3.
 42. Комарова Г.И. Эволюция порядка формирования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: на пути к оптимальной избирательной системе // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9.

УЧАСТИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В условиях реформирования, проводимого Президентом России, не менее важную роль в законодательном обеспечении единства нормативных основ государственной и общественной жизни на общенациональном уровне и в регионах играет Федеральное Собрание Российской Федерации — орган законодательной власти, который занимает особое положение в системе разделения властей. Именно оно создает нормы поведения, которым следуют исполнительная и судебная ветви власти. Посредством законодательной власти обеспечиваются конституционная законность и правопорядок в государстве. Законодательная власть, как элемент политико-правовой системы, в условиях реформирования страны укрепила свои позиции. Усиление роли парламента обуславливает формирование и развитие конституционно-правовых механизмов для совершенствования деятельности органов власти, участвующих в обеспечении конституционно-правового пространства. **Ключевые слова:** законодательная власть, система разделения властей, Совет Федерации, парламент, конституционный контроль, конституционная законность, нормативные правовые акты, правовое пространство, конституционные акты.

PARTICIPATION OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING THE CONSTITUTIONAL LEGAL SPACE

Abstract. In the context of the reforms carried out by the President of the Russian Federation in our country, the Federal Assembly of the Russian Federation, the legislative body that occupies a special position in the system of separation of powers, plays an equally important role in ensuring the unity of the regulatory framework for state and public life at the federal level and in the constituent entities of the Russian Federation. This is because the legislative branch creates the norms of behavior that the executive and judicial branches follow, ensuring constitutional legality and order in the state. The legislative branch, as an element of the political and legal system, has strengthened its position over time as the country has been reformed. The increased role of the parliament has led to the formation and development of constitutional and legal mechanisms to improve the activities of government bodies involved in ensuring the constitutional and legal framework.

Keywords: *legislative power, separation of powers, Federation Council of the Russian Federation, parliament, constitutional control, constitutional legality, regulatory legal acts, legal space, constitutional acts.*

Обеспечение единства правового пространства Российской Федерации представляет собой процесс сохранения территориальной целостности государства и его суверенитета, цель которого состоит в упорядочении российского законодательства на федеральном и региональном уровнях правового регулирования.

Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства представляет собой систему органов государственной власти, а также мер правового, организационного, материально-технического характера, определенных Конституцией Российской Федерации (далее — Конституция) и иными нормативными источниками, в целях формирования эффективной правовой системы, устранения коллизий нормативных актов и создания условий для единообразного применения норм Основного закона и иных нормативных правовых актов органами государственной власти, организациями и должностными лицами [1, с. 20]. Это — сложная и многоуровневая структура, состоящая из федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, которые в свою очередь и на своем уровне осуществляют различные меры в пределах закрепленных за ними полномочий. В единстве между собой они формируют взаимосвязанную и эффективную систему функционирования, обеспечивающую качество и стабильность законодательства.

Признаки единства конституционно-правового пространства определяются содержанием принципов основ конституционного строя России. Имея свою специфику, данные признаки согласуются с отдельными юридическими свойствами федеральной конституции, различными направлениями государственной деятельности по правовому регулированию и правоприменению. Некоторые признаки единого правового пространства закреплены в нормативных актах Президента, Правительства и других органов власти Российской Федерации [2].

Конституционно-правовое пространство обеспечивается за счет базового принципа — принципа разделения властей между органами власти как способа защиты законодательных актов и контроля за ними.

Связь принципа разделения властей и контроля обусловливается диалектичным характером, когда в отсутствие данного принципа контроль сводится к иерархической подотчетности нижестоящих органов вышестоящим. Потребность в неиерархических способах контроля возникает исключительно при формировании совокупности органов власти, не подчиняющихся друг другу. «Взаимный контроль ветвей власти, таким образом, не только не противоречит идее разделения властей, но и является ее закономерным порождением» [3, с. 241].

Принцип разделения властей представляет собой механизм сдержек и противовесов. Конституционный Суд обратил внимание на то, что разделение властей является одним из принципов демократического правового федеративного государства. Являясь одной из основ конституционного строя, данный принцип обязателен как для федерального, так и для регионального уровней. Он необходим не только для распределения властных полномочий между различными ветвями государственной власти, но и для их взаимного уравнивания, а также невозможности ни для одной из ветвей власти подчинить себе другие¹.

В настоящее время в отечественной конституционной науке исследуются вопросы разделения власти по вертикали, к которым относятся разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами, проблемы федерализма. Кроме того, анализируется деление государственной власти по горизонтали в рамках принципа разделения властей, изучаются особенности его реализации в современной России, включающие в себя систему сдержек и противовесов, создание органов власти с особым статусом, а также новых ветвей власти [4, с. 36].

Федеральное Собрание, реализуя законотворческую функцию, принимает общеобязательные правовые предписания, в соответствии с которыми органы государственной власти, общественные формирования, а также граждане осуществляют свою деятельность. Таким образом, законодательный орган оказывает существенное влияние на основы государственной и общественной жизни [5]. Поскольку важнейшей функцией Федерального Собрания является законотворчество, восприятие роли обеих его палат в жизни страны в сильной степени зависит от интенсивности законодательного процесса. Хотя в принципе понятно, что роль палат проявляется в круге других вопросов, ставших предметом их рассмотрения (реакции на политические события, международные акции, действия других государств, а также субъектов Федерации). И все-таки влияние на законодательный процесс и участие в нём — это один из ключевых моментов во взаимодействии палат и других государственных органов, в том числе региональных [6, с. 401].

Непосредственное взаимодействие в целом Федерального Собрания, а в частности и Государственной Думы с регионами проявляется в процессе принятия федеральных законов. Субъектом инициативы такой законодательной деятельности может выступить законодательный (представительный) орган субъекта Федерации. По мнению С.А. Авакьяна, «на практике существенен вопрос о том, что является предметом законодательной инициативы указанных органов. Достаточно ясно, что они не ограничены кругом вопросов, и речь идет о том, когда их законодательная инициатива целесообразна. Предметом законопроектов могут стать: узорегиональные интересы,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 28 Закона Республики Коми „О государственной службе Республики Коми“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

имеющие одновременно общедоделальное значение; межрегиональный „групповой“ интерес нескольких регионов; общедоделальные проблемы, которыми озабочены, в частности, в данном субъекте Российской Федерации». Здесь С.А. Авакьян задается вопросом «о неясности процессуальных аспектов осуществления права законодательной инициативы регионами — например, утверждать законопроект, который будет вноситься в Думу, законом или постановлением. Если это сделано в форме закона, тогда его подписывает глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации, и получается как бы совместная инициатива обеих ветвей власти» [6, с. 285].

Конституция отводит Федеральному Собранию роль представительного и законодательного органа государственной власти с соответствующими функциями. При этом Государственная Дума представляет интересы всего населения (народная палата), а Совет Федерации — субъектов Федерации (палата регионов) [7].

По мнению Конституционного Суда, функция народного представительства обеих палат Федерального Собрания не должна быть рамочной, а должна находить практическую реализацию во внутреннем устройстве палат, актах парламента, процедурных правилах, которые должны воплощать интересы общества².

Совет Федерации выступает общегосударственным органом государственной власти, соединяющим в своем устройстве федеральный и региональный уровни государственной власти, представляющим субъекты Российской Федерации, которые участвуют в управлении государством в силу федерального характера своего правового статуса [8, с. 25].

Наличие второй палаты в российском парламенте олицетворяет принцип федерализма, характерный для устройства нашего государства [9, с. 24], так как деятельность Совета Федерации направлена на взаимодействие федерального центра с субъектами Федерации и на их единство.

В 2018 году Совет Федерации провел круглый стол на тему «О взаимодействии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках законодательного процесса», на котором были рассмотрены различные направления взаимоотношений Федерации и ее субъектов, в том числе по законодательному регулированию и праву законодательной инициативы российских регионов.

Предназначение Совета Федерации проявляется в обеспечении единства и сбалансированности федерального и регионального законодательства по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Во взаимодействии с региональными законодательными (представительными) органами государственной власти Совет Федерации должен учитывать

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 № 2-П «По делу о толковании статей 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

интересы субъектов Федерации при принятии федеральных законов. Для достижения этих целей необходимо выполнить в том числе и ряд задач, которые обсуждались на заседании круглого стола:

- поиск наиболее эффективных путей взаимодействия при рассмотрении законодательных инициатив;
- повышение качества юридико-технической подготовки документов;
- оказание всесторонней помощи законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации при подготовке финансово-экономического обоснования к проектам федеральных законов;
- обеспечение приоритетного порядка прохождения законопроектов, разработанных законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, и, по возможности, сокращения сроков их рассмотрения³.

Стоит отметить, что Советом Федерации в обязательном порядке рассматриваются законы по предметам исключительного ведения Федерации по таким важным вопросам, как международные договоры, бюджет, финансы, защита безопасности страны. Такая функция присуща палате регионов с учетом практики государств с федеративным устройством, где проблемы подобного характера рассматриваются верхними палатами парламента, которые при принятии решений опираются на мнение субъектов федерации. Посредством обсуждения в верхней палате, где осуществляют свою деятельность представители всех регионов России на равноценной основе, происходит согласование законных интересов Федерации и ее субъектов [9, с. 84].

В компетенцию российского парламента помимо представительной и законодательной функций входит и функция контроля. В целях ее реализации в Российской Федерации был принят закон «О парламентском контроле» [10], регулирующий общественные отношения по осуществлению Федеральным Собранием расследования фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, которое, по нашему мнению, является наиважнейшей формой парламентского контроля. Аналогичную точку зрения высказывают многие ученые-правоведы [11], которые поддерживают точку зрения Н.В. Михалевой и Т.Ю. Дьяковой о том, что «парламентское расследование является особой формой парламентского контроля, позволяющей реагировать на наиболее острые проблемы государства» [12, с. 104].

В частности, С.А. Авакьян считает, что «действенность данной формы парламентского контроля является важнейшим показателем жизнеспособности государственного механизма, готовности к „самоочищению“ и разрешению

³ Рекомендации утверждены на заседании Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (протокол № 187 от 20 декабря 2018 г.) // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/99981/> (дата обращения: 21.01.2026).

сложных проблем государственного строительства. Поэтому от качества нормативной основы парламентских расследований, а главное — от сложившейся практики ее реализации, зависит эффективность иных форм парламентского контроля» [11] (иные формы парламентского контроля перечислены в ст. 5 Федерального закона «О парламентском контроле»⁴).

В целом парламентское расследование направлено на изучение обстоятельств, связанных с фактами грубого или массового нарушения прав и свобод человека и гражданина, возникновением чрезвычайных ситуаций техногенного характера, а также с негативными последствиями чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Примечательно, что институт парламентского расследования в нашей стране сформировался как на федеральном, так и на региональном уровне [13, с. 26], хотя надо сказать, что роль федерального парламента повышается очень медленно, «в частности, бюрократия всячески препятствует внедрению полномочий парламентского контроля... а между прочим, в законе говорится о контроле только за соблюдением законодательства, что является естественным свойством парламентского контроля... Уже никто не поднимает вопрос о том, чтобы формирование если не всего Правительства Российской Федерации, то хотя бы ключевых фигур было под контролем палат парламента. А ведь всего лишь достаточно обратить взор на столь любимые многими США, где это делается Сенатом» [14].

Инициирование парламентского контроля, как правило, требует поддержки определенного числа депутатов, чтобы придать инициативе публичный характер. При этом она должна быть мотивированной и содержать информацию о фактах, являющихся основанием для парламентского расследования. К примеру, статьей 5 Закона Еврейской автономной области «О депутатском расследовании» определено, что право осуществления инициативы проведения депутатского расследования принадлежит депутатам областного парламента. Группа депутатов численностью не менее пяти человек вправе внести на рассмотрение Законодательного Собрания области проект постановления о проведении депутатского расследования, в котором указываются: факты и обстоятельства, подлежащие депутатскому расследованию; состав комиссии; срок проведения депутатского расследования.

Инициатива проведения парламентского расследования обычно завершается принятием решения законодательным (представительным) органом власти субъекта Федерации о проведении парламентского расследования. Так, Законодательная Дума Томской области приняла постановление от 29.04.2010 № 3216 «О назначении депутатского расследования по вопросу законности приватизации детских садов в городе Томске и изменения их правового статуса»⁵.

⁴ См. статью 5 Федерального закона от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле».

⁵ См.: Постановление Государственной думы Томской области от 29 апреля 2010 года № 3216 «О назначении депутатского расследования по вопросу законности приватизации детских садов в городе Томске и изменения их правового статуса» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/951834997> (дата обращения: 21.01.2026).

Современная российская государственность проходила становление как асимметричная федерация. Определенные проблемы и ошибки при проведении политики федерализма, региональный сепаратизм, дезорганизация законодательного регулирования между Центром и субъектами Федерации привели к дезорганизации всего правового поля страны и нарушению взаимосвязей внутри него, а к определенному моменту, в особенности в 1990-е годы, поставили под угрозу принцип верховенства закона, федеральной конституции, государственной и территориальной целостности страны.

Несоответствие региональных нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, вмешательство субъектов Федерации в область исключительного ведения центральной власти, ограничение конституционных прав и свобод граждан стали довольно распространенным явлением. Однако к началу XXI века усилиями Президента России удалось достичь тенденции к централизации федерализма. Как следствие, возникла необходимость создания целостного механизма по обеспечению единства правового пространства страны, способного оптимизировать соотношение федерального и регионального законодательства, основываясь на положениях Конституции, и содействовать субъектам Федерации в региональном правотворчестве.

На сегодняшний день остается актуальной проблема взаимоотношений федеральных органов власти и органов власти субъектов Российской Федерации в правотворческой сфере в контексте развития единого правового пространства на всей территории страны. При принятии законодательного акта регионы осуществляют самостоятельный конституционный контроль посредством сопоставления содержания и формы своего закона на предмет соответствия федеральной Конституции и федеральным законам. При этом механизм сопоставления федеральных и региональных законодательных норм в настоящее время носит противоречивый характер и временами приводит к возникновению спорных ситуаций между федеральным центром и субъектами. Такое положение заставляет искать эффективные правовые средства нормоконтроля, способные устранить возникающие противоречия в законодательной деятельности субъектов Российской Федерации [15, с. 3].

В настоящее время существует возможность обеспечить единство законодательства страны, при этом, исходя из практики, необходимо учесть, что для этого требуется ряд условий. Одним из них является эффективная деятельность Конституционного Суда как специализированного органа в области конституционного контроля, который дает официальное толкование положений федеральной Конституции, проверяет и признает нормативные правовые акты конституционными или неконституционными, и разрешает споры о компетенции. Эффективность конституционного правосудия зависит в основном от того, насколько четко исполняются его решения. При этом нужно иметь в виду и важнейшую роль законодательного органа власти,

которая заключается в создании действенной нормативной базы. Только гармоничное и системное взаимодействие всех органов власти может привести к единству конституционно-правового пространства.

Список литературы

1. Филиппов А.Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации: понятие и содержание // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4.
2. Ишеков К.А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование: монография. М.: РПА Минюста России, 2013. 275 с.
3. Лексин И.В. Контроль в системе разделения властей: специфика Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 51.
4. Комарова В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
5. Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России: монография. М.: Юстицинформ, 2015. 188 с.
6. Авакьян С.А. Федеральное Собрание — Парламент России. М.: Российский юридический издательский дом. 1999. 432 с.
7. Вихарев А.А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: вопросы конституционной теории и практики: [Монография] / А.А. Вихарев. М.: Эслан, 2003. 148 с.
8. Алексин А.Е., Ромайкин И.А. Об объединительной природе Совета Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1.
9. Амиантов А.А. Конституционные принципы парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18.
10. Булаков О.Н. О представительной функции Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
11. Авакьян С.А., Баженова О.И., Ежукова О.А., Кененова И.П., Старостина И.А., Троицкая А.А., Шевердяев С.Н., Шустров Д.Г. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) (отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Авакьян). М.: Юстицинформ, 2016. 568 с.
12. Михалева Н.В., Дьякова Т.Ю. Формы парламентского контроля // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4.
13. Мусаева Р.М. К вопросу о правовом регулировании парламентских исследований в субъектах РФ // Вестник Дагестанского государственного университета. 2010. № 2.
14. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3.
15. Батманов С.В. Проблемы обеспечения единства законодательства в конце XX — начале XXI века в Российской Федерации // История государства и права. 2007. № 18.

УСМОТРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ: МЕЖДУ ДОЛЖНЫМ И ВОЗМОЖНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

***Аннотация.** Решения избирательных комиссий, принятые по усмотрению, включают все признаки дискреционных административных актов. Следовательно, законность актов избирательных комиссий должна проверяться при помощи критериев, выработанных доктриной административного права. Важнейшими критериями такой оценки являются цель, ради достижения которой орган получил дискреционное полномочие, а также пределы полномочий, которым орган обязан следовать, реализуя свои возможности. В статье усмотрение избирательных комиссий разбирается на примере дополнительных способов голосования, прежде всего, голосование по почте. В этом случае управленческая цель заключается в организации выборов, предотвращении нарушений, но цель более высокого порядка продиктована Конституцией Российской Федерации и требует от избирательных комиссий создания условий, при которых все избиратели смогли бы проголосовать. При этом выборы — это форма народовластия, а избиратели представляют российский народ. То есть они должны быть ответственными гражданами и прилагать усилия для того, чтобы отдать свой голос в общем порядке. Это означает, что избирательные комиссии, принимая решение о возможности дополнительного способа голосования, обязаны взвешивать все обстоятельства и отказывать в этом тем избирателям, которые явно злоупотребляют своим активным избирательным правом. Важно обращать внимание и на массовое стремление к обходу общего порядка голосования.*

***Ключевые слова:** избирательные комиссии, акты избирательных комиссий, административное усмотрение, дискреционные полномочия, критерии оценки усмотрения.*

DISCRETION IN THE ACTIONS OF ELECTORAL COMMISSIONS: BETWEEN OBLIGATORY AND POSSIBLE CONDUCT

***Abstract.** Decisions of electoral commissions based on discretionary powers contain all the characteristics of discretionary administrative acts. Thus, the legality of such acts of electoral commissions must be considered taken into account the criteria developed by the doctrine of administrative law. The purpose which the authority is to pursue, as well as the limits of its power to achieve this purpose, are important criteria for assessing such acts. In this article*

ШЕРСТОБОЕВ Олег Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва

uses additional voting methods, in particular postal voting, as a key example of discretion of electoral commissions. In this case, the administrative purpose is to organised election and prevent violations, but there is also a higher purpose established by the Constitution. It demands to electoral commissions create the conditions under which all voters could vote in elections. At the same time, elections are a form of democracy, and voters represent the Russian people. That is, they must be responsible citizens and make efforts to cast their vote in the general order. This means that when deciding whether to use an additional voting method, electoral commissions must weigh all the facts and deny it to voters who have clearly abused their right to vote. It is also important to pay attention to the widespread desire to circumvent the general voting procedure.

Keywords: *electoral commissions, acts of electoral commissions, administrative discretion, discretionary powers, criteria for assessing discretion.*

Усмотрение в праве можно оценивать по-разному: как залог эффективности управления в сфере деятельности органа власти, его должностных лиц или как деструктивный фактор, связанный с произволом и проявлениями коррупции. От объема дискреционных полномочий зависит схема управленческого воздействия, стиль управления, особенности защиты прав невластных участников правоотношений. Избирательная сфера в научной литературе все чаще воспринимается как объект управленческого воздействия. В частности, А.А. Макарецв и Э.С. Юсубов отмечают: «Без управления, которое представляет обязательное внутренне присущее свойство избирательного процесса, невозможно организовать и провести выборы в органы власти» [1, с. 238].

Если исходить из подобного контекста, то решения избирательных комиссий нужно проверять с учетом выработанных в доктрине административного права методологических подходов, оценивающих функционирование органов публичного управления по формуле «связанное управление — административное усмотрение». В этом случае остается выявить сферы, в которых избирательные комиссии скованы нормами права и не могут отклоняться от точных формулировок, а также области, где они действуют относительно свободно. Интересно посмотреть на нечеткие законодательные формулировки, реализация которых требует толкования, что может вызвать неоправданное мнение о наличии усмотрения. Избирательные комиссии принимают решения на коллегиальной основе, и это добавляет изюминку к исследованию проблем усмотрения в их деятельности.

Доктринальные представления об усмотрении в административном праве были сформулированы в первой половине XX века. Это было связано с представлением о праве судов и иных органов внешнего контроля проверять законность данного вида деятельности. В итоге практически во всех правовых порядках были выработаны схожие идеи [2, с. 77–80; 3, с. 31; 4, с. 258–262; 5, с. 32, 37]. Усмотрение возможно при выборе оснований применения правовой нормы и/или результата ее реализации. Его законность определяется через критерии оценки дискреционных актов и действий.

Такие критерии встраиваются в законодательство или выводятся из него при помощи приемов толкования правовых норм. Они опираются на конституционную основу и, как правило, объясняются принципами разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина, эффективной правовой защиты граждан в их отношениях с органами публичной власти.

В своем большинстве критерии формулировались судами и/или юридической доктриной. В отечественной науке система этих критериев была представлена в 1948 году А.Е. Луневым, С.С. Студеникиным и Ц.А. Ямпольской (были и более ранние работы, но данная версия оказалась наиболее полной и отвечающей реалиям своего времени) [6, с. 77–101; 7, с. 66–72; 8, с. 3–12]. Авторы обращали внимание на относительно определенные и абсолютно неопределенные гипотезы и диспозиции правовых норм.

Конструируя нормы, законодатель намеренно допускает зафиксированную в юридических рамках свободу, позволяя органам управления пользоваться ею для решения общественно значимых задач [9, с. 14–16, 63]. Критерии оценки дискреционных актов и действий могут закрепляться в законодательстве (полностью или, что более распространено, частично), а иногда они существуют без формализации в источниках позитивного права. К настоящему времени в административно-правовой доктрине и практике сложился относительный консенсус.

Основными показателями оценки законности акта, вынесенного по усмотрению, являются законная цель, для достижения которой органу вручили дискреционное полномочие, и нормативные пределы его реализации. Дополнительными критериями выступают общие принципы, которыми орган руководствуется, выбирая лучшее решение. Этот вывод справедлив и для актов избирательных комиссий.

* * *

Тем не менее напрашивается вопрос об усмотрении в избирательном законодательстве как таковом. Может быть, нормы права жестко связывают избирательные комиссии и не позволяют выбирать основания и последствия своих решений? Хотя в науке имеется мнение, что усмотрение проявляется на всех стадиях избирательного процесса [10, с. 18], на наш взгляд, для получения ответа на данный вопрос следует обратиться к еще одному тезису из теории усмотрения: оно допускается в силу прямого указания закона, отсутствия подробного регулирования и наличия правовой неопределенности.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) не использует термин «усмотрение». Чаще всего дискреция скрывается в словах-маркерах, самым популярным из которых является слово «может». Например, статья 63.1 данного Закона предоставляет право избирательной комиссии, организующей выборы, референдум, принять решение о голосовании в течение нескольких дней.

Закон определяет пределы дозволенного: не более трех дней, десятидневный срок принятия акта. Интересно, что он же и запрещает пересмотр данного решения (п. 1 ст. 63.1). Комиссии, принявшей его, разрешается устанавливать «дополнительные возможности реализации избирательных прав, права на участие в референдуме» (п. 4 ст. 63.1).

Таким образом, в одной статье используется несколько юридико-технических приемов, обеспечивающих реализацию дискреционных полномочий. Норма закрепляет материальные пределы компетенции (если принято решение о назначении выборов, то можно установить не более трех дней голосования), процессуальные пределы (усмотрение осуществляется в десятидневный срок) и возможность выбора заранее установленных в законе вариантов поведения.

Еще одним примером усмотрения в избирательном законодательстве являются нормы пунктов 14 и 15 статьи 64 Закона об основных гарантиях. Он касается права избирательной комиссии принять решение о голосовании по почте и/или электронном голосовании. В первом случае основания и порядок реализации полномочия устанавливаются ЦИК России. Во втором — дискреция изначально принадлежит ЦИК России, которая может передать указанное право избирательной комиссии субъекта Федерации.

Интерес вызывает норма о голосовании по почте. Формулировка пункта 14 статьи 64 свидетельствует о практически полной дискреции. В ней нет оснований для принятия дискреционного решения и не установлены пределы реализации полномочия. ЦИК России воспользовалась правом, которое предоставлено законодателем, и существенно ограничила усмотрение в решении вопроса о голосовании по почте¹. К примеру, такое голосование допускается в регионах, где оно предусмотрено соответствующим региональным законом; воспользоваться услугами почты могут не все избиратели. Общее усмотрение в части принятия решения о голосовании по почте здесь разбито на несколько возможностей избирательной комиссии, организующей выборы. Так, она назначает срок, в течение которого принимаются заявления избирателей, заявивших намерение проголосовать через почтовые отделения; комиссия оценивает основания, указанные заявителем, и может принять решение о ненаправлении ему избирательного бюллетеня (то есть отказать в праве проголосовать по почте). Последнее основание требует пояснения.

Голосование по почте допускается по основаниям, установленным ЦИК России. Они сводятся к невозможности избирателя проголосовать по месту жительства. Голосование по почте не допускается, если избиратель имеет возможность отдать голос иными нормативно предусмотренными способами. Усмотрение реализуется при принятии решения о ненаправлении

¹ Временный порядок голосования по почте при проведении выборов в органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, референдума субъекта РФ, местного референдума / Приложение к Постановлению ЦИК России от 5 октября 2011 года № 41/353-6. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/26015/> (дата обращения: 26.10.2025).

или направлении заявителю избирательного бюллетеня, если адреса его временного пребывания и места жительства находятся в пределах одного избирательного округа.

* * *

Здесь дискреционная оговорка конструируется по формуле (орган принимает решение, если выполняется условие, но результат его действия находится в сфере его усмотрения). Еще одна норма об усмотрении сформулирована при помощи союза «или». Избирательная комиссия принимает «решение о направлении или ненаправлении» избирательного бюллетеня, предназначенного для голосования по почте, если избиратель документально не подтвердил основание о невозможности проголосовать по своему месту жительства. В этом случае комиссии предстоит оценить лишь само основание, указанное в заявлении избирателя.

Принимая решение, комиссия связывает основания, достаточные для его принятия, с его последствиями. То есть, если гражданин не представил документы, подтверждающие объективную невозможность проголосовать по месту жительства, то избирательная комиссия все равно обязана дать заключение по указанным основаниям. Представляется, что такое заключение необходимо формировать и по методу «от противного»: значит, смоделировать то, что произойдет, если избирателю отказать в праве отдать голос по почте, соответственно, он не сможет реализовать активное избирательное право. Иначе говоря, от избирательной комиссии требуется конкретизация законной цели.

Здесь учитывается логика избирательного процесса, призванная обеспечить возможность проголосовать всем избирателям. В этом заключается конституционно-правовой смысл соответствующих правил. На это обстоятельство указывал Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд), связавший субсидиарные способы голосования с реализацией принципа всеобщности избирательного права: «Разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует и росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности». Возможность дистанционного электронного голосования преследует цель «обеспечения избирателям дополнительной возможности отдать свои голоса на выборах сообразно собственным предпочтениям»².

В свою очередь, голосование воплощает в себе как личный интерес избирателя в «принятии непосредственного участия в управлении делами

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лобанова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ“, „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ“ и „О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве“, а также положениями Закона города Москвы „О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования“ и Порядка дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года» // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision641789.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).

государства», так и публичный интерес в объективных итогах выборов, что необходимо для формирования важнейших органов публичной власти³. То есть цель высшего порядка, обеспечиваемая дискреционными полномочиями избирательных комиссий, заключается в формировании условий, позволяющих всем избирателям реализовать активное избирательное право.

В этом смысле от избирательных комиссий требуется взвесить обстоятельства, сопутствующие проведению избирательной кампании, и принять решение о дополнительных способах голосования (в пределах дозволенного законом). Принимая решение о выдаче/невыдаче избирательного бюллетеня, также следует сопоставлять условия, которые важны для избирателя. Есть мнение, что дополнительные способы голосования обусловлены закрытым перечнем оснований, которые подтверждаются документально. В таком случае минимизируется возможность злоупотребления избирателем своими правами, а усмотрение избирательной комиссии фактически стремится к нулю. Представляется, что эта позиция недопустима, так как законодатель предусмотрел определенную долю усмотрения, а Конституционный Суд подтвердил его необходимость для достижения законной цели. Умаление возможностей избирательных комиссий снизит и эффективность реализации ими своих полномочий.

* * *

Есть еще один вопрос: обязаны ли избирательные комиссии выдавать бюллетени для голосования любым избирателям, которые не смогли подтвердить объективную невозможность прибыть на избирательный участок в дни голосования? В поиске ответа можно обратиться к норме о досрочном голосовании. В пункте 2 статьи 65 Закона об основных гарантиях приведен «стандартный» перечень оснований для принятия решения о предоставлении гражданину возможности досрочного голосования. Они вполне просчитываемые, — каждый из них описывает очевидную жизненную ситуацию (отпуск, командировка, труд, учеба, публичные обязанности, здоровье). Каждый пункт может быть подтвержден документально. Тем не менее законодатель оставил перечень открытым, чем предоставил избирательной комиссии право самостоятельно оценивать иные основания и выбирать лучший вариант решения о досрочном голосовании.

Следовательно, возникает некоторое множество непросчитываемых и неофициальных ситуаций, которые воспринимаются избирателями как важные. Это может быть поездка на дачу, — ведь урожай собирают с учетом погодных условий, а дни голосования приходится на довольно жаркую уборочную пору; возможно, что кто-то планировал съездить к родственникам,

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 № 11-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 65 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ“ в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

могут быть и иные случаи, которые во всём их многообразии предусмотреть и закрепить в источниках права невозможно. Значит, данная сфера остается почти в полном усмотрении избирательной комиссии.

Любое усмотрение, даже самое широкое, не должно быть «свободным», как оно понималось более века назад, то есть подчиняться лишь собственным ничем не объясняемым умозаключениям должностного лица, принимающего решение. В избирательной сфере дискреция опирается на ярко выраженные конституционные установки.

Во-первых, выборы — это форма народовластия, а избиратели представляют суверена, которым является многонациональный российский народ. Избирательные комиссии в таком понимании лишь помогают, обеспечивая реализацию прав. Если в административной процедуре, направленной на организацию выборов, избирательные комиссии безусловно являются властными субъектами, а все остальные участники отношений обязаны им подчиняться, то с конституционной точки зрения властным субъектом на выборах представляется народ, который состоит из избирателей, а значит, комиссии в значительной части связаны с их волей.

Во-вторых, как уже говорилось, основная цель избирательных комиссий заключается в формировании условий, при которых все граждане смогли бы проголосовать. Конституционный Суд неоднократно указывал на эти обстоятельства и пришел к выводу, что избирательные процедуры направлены на проведение честных, прозрачных, беспристрастных выборов, на предотвращение возможных злоупотреблений, «необоснованных ограничений» и «чрезмерных, вынуждающих к отказу от участия в голосовании обременений»⁴.

В-третьих, власть, которая имеется у избирателей, нельзя понимать исключительно как совокупность прав. Власть предполагает определенные обременения, она обязывает и направляет на достижение ее целей. То есть от избирателей — главных субъектов народовластия, так же, как и от органов власти, ожидается забота о формировании системы выборной власти.

* * *

Н.С. Бондарь указал на связь между реализацией субъективных избирательных прав и действительными итогами выборов, когда учитывается не столько формальная сторона, сколько возможность установить реальное волеизъявление избирателей. Поэтому права избирать и быть избранным выступают частью «конституционного статуса личности» и «важнейшим элементом собственно института выборов»⁵. Получается, что, придя или

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 № 11-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 65 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ“ в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области».

⁵ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря // Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных

не придя на участок для голосования, избиратель не только определяет меру и вид возможного поведения, но также принимает публично-значимое решение, которое может определить состав выборного органа, а значит и его позицию по важнейшим общественно-значимым вопросам.

Б.С. Эбзеев связывает эту правовую конструкцию с «социальной солидарностью», «взаимной ответственностью личности и государства», рассматривает ее в контексте «позитивной обязанности» гражданина участвовать в достижении публичного интереса. При этом, пишет Б.С. Эбзеев, свобода гражданина выражается в выборе цели и средства ее достижения, но такой выбор не является произволом, поскольку субъект свободы поступает ответственно. Такая ответственность заключается в следовании нормам и стандартам, установленным в обществе [11, с. 169–175].

Позитивная ответственность связывает гражданина нормативными установками и напоминает конструкцию административного усмотрения. От гражданина, как и от органа, требуется следовать по пути к достижению законной цели и не выходить за установленные в законодательстве пределы. В России, в отличие от некоторых стран [12, с. 55–56], уклонение от участия в голосовании не наказывается, что вовсе не освобождает избирателей от ответственного поведения внутри избирательного процесса. Наказать не проголосовавшего избирателя невозможно, но в некоторых случаях избирательные комиссии могут оценить его поведение и принять неблагоприятное для него решение. Например, не выдать бюллетень для голосования по почте. Конечно, важно сформулировать критерии оценки оснований для принятия подобных актов (о допуске к дополнительным возможностям участия в голосовании и других).

* * *

В доктрине административного усмотрения по общему правилу защита субъективного публичного права гражданина связывает человека с его добросовестным поведением. Субъект, добившийся принятия нужного ему административного акта обманом, скрывший от органа информацию, лишается права на защиту доверия. Такой акт должен быть признан недействительным.

Эта идея находится в основе теории о благоприятных/неблагоприятных административных актах. В российском правопорядке ее постулаты нашли отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 (2022)⁶. Иными словами, избиратель, как

положений ст. 64 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ“ и ст. 92 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ“ в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 626.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ» // Российская газета. 2022. № 149.

ответственное лицо, может оставить некоторые личные дела в стороне, найти время прийти на участок для голосования и реализовать активное избирательное право. В условиях трехдневного голосования сделать это скорее всего не составит большого труда. Поэтому альтернативные возможности следует рассматривать как субсидиарные к основному способу голосования. Они не составляют общее правило. Если избиратель заявляет неофициальное, непроверяемое основание (например, намерение провести выходные с семьей за городом), то, возможно, такое основание не окажется весомым для положительного решения. При этом, если такая поездка планировалась, избиратель приобрел билеты и забронировал отель, то, возможно, комиссия сочтет его заявление обоснованным.

В таком понимании альтернативные способы голосования не будут массовыми, что позволит минимизировать вероятность злоупотребления правом и снизит риски манипуляций с волеизъявлением избирателей. Значительное число желающих проголосовать нестандартными способами должно быть важным показателем, на который избирательными комиссиям следует обращать пристальное внимание. С учетом дискреционного характера полномочий им следует более тщательно проверять заявленные избирателями причины невозможности проголосовать на участках для голосования.

Негативные последствия массового голосования по почте демонстрирует электоральная практика США. Если не принимать во внимание американские выборы последних лет, ознаменовавшиеся значительными скандалами в том числе из-за применения дистанционного голосования, то следует обратиться к президентским выборам 2000 года, когда избирательные комиссии штата Флорида впервые столкнулись с большим числом бюллетеней, которые присылались по почте, в том числе и из-за границы.

На тот момент американские суды выработали два противоположных подхода к проверке законности решений о признании/непризнании голосов, отданных по почте. Строгий вариант предписывал исполнения всех требований закона, включая требование к оформлению присланного бюллетеня. В мягкой версии суды не признавали соблюдение всех правил относимым обстоятельством, а проверяли лишь избирательную цель, которая заключалась в том, что избиратель смог проголосовать.

Как следствие, члены избирательных органов были дезориентированы и к «обычному» усмотрению добавилась необходимость выбирать один из вариантов принятия решения о действительности бюллетеня. Если избирался первый тест, то решение могло быть максимально строгим, — голос не засчитывался из-за несоблюдения формального и малозначащего требования. Во втором случае итоги подводились слишком либерально [13, р. 806–810]. Очевидно, что усмотрение — это не подарок законодателя, а принятие дискреционного решения, и оно связано с тщательным взвешиванием всех обстоятельств дела и сопоставлением их с обстоятельствами аналогичных случаев.

* * *

Единых рецептов, пригодных для всех ситуаций при реализации дискреционных полномочий быть не может. Усмотрение предполагает тщательную оценку фактических обстоятельств каждого дела и выбор наиболее приемлемого для каждого случая решения. Такую логику можно найти и в позиции Верховного Суда о проверке дискреционных актов. В частности, нижестоящим судам нельзя определять их законность тестируя «лишь формальное соответствие требованиям правовых норм», а нужно определить все важные факты, проверить пределы компетенции органа, принявшего акт, а также соотнести законную цель и выбранное органом средство ее достижения⁷.

В случае с избирательными комиссиями такое средство может заключаться, к примеру, в невыдаче избирательного бюллетеня, поскольку, исследовав фактические данные, комиссия пришла к выводу, что избиратель может проголосовать на участке для голосования в установленные для этого дни. При этом комиссия отвечает и за негативные последствия, выраженные в данном отказе, поскольку она установила, что ее решение не является для избирателя критичным с точки зрения тех возможностей, от которых ему придется отказаться (например, поедет загород на час позже или немного опоздает на встречу одноклассников).

Итак, решения избирательных комиссий, принятые по усмотрению, сопоставимы с дискреционными административными актами. Очевидно, что законодатель не в состоянии предусмотреть все нюансы, с которыми избирательные комиссии сталкиваются, организуя выборы. Важно учитывать критерии оценки законности их дискреционных решений. Основным критерием является цель, для достижения которой комиссиям вручены дискреционные полномочия и границы компетенции. Она продиктована конституционно-правовым смыслом выборов, как одной из важнейших форм народовластия. Реализуя ее, избирательные комиссии обязаны решать оперативные задачи, связанные с развитием избирательного процесса, но также и обеспечением возможности проголосовать максимальному числу избирателей. Поэтому дополнительные ресурсы, расширяющие возможности избирателей, приобретают особое звучание. Нужно понимать, что любое отклонение от общего порядка может использоваться во благо, но может быть направлено на злоупотребление избирательными правами и совершение правонарушений. В таких условиях избирательным комиссиям нужно принимать дискреционные решения после тщательной оценки всех обстоятельств, которые открывают избирателям субсидиарные возможности. Особого внимания требует массовость желающих ими воспользоваться.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ».

Список литературы

1. Макарецев А.А., Юсубов Э.С. Управление избирательным процессом как социально-правовой институт // Право. Государство. Управление: общетеоретические и отраслевые аспекты: [коллективная монография] / Э.Ю. Балаян, А.В. Баранов, С.В. Ведяшкин [и др.]; под ред. М.М. Журавлева, С.В. Ведяшкина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020.
2. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже. М.: Издание Н.Н. Клочкова, 1909. 148 с.
3. Ченерелли А. Геракл против Лернейской гидры, или Суд и дискреционное административное полномочие // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 2.
4. Laun R. Das freie Ermessen und seine Grenzen. Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1910.
5. Jellinek W. Verwaltungsrecht. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1931.
6. Евтихийев А.Ф. Усмотрение (das freie Ermessen) администрации // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5.
7. Загряцков М. Право жалобы. Теория и виды жалобы, административный процесс, юридические свойства решения // Право и жизнь. 1923. Кн. 9, 10.
8. Одарченко А.Н. О пределах административного усмотрения // Право и жизнь. 1925. Кн. 6.
9. Лунев А.Е., Студеникин С.С., Ямпольская Ц.А. Социалистическая законность в советском государственном управлении. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 136 с.
10. Хвалёв С.А. Правоприменительное усмотрение в деятельности избирательных комиссий // Избирательное право. 2014. № 1.
11. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.
12. Граф И.В., Жаромских Д.Г. Правовые способы преодоления абсентеизма в зарубежных странах // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2.
13. Lee S.H. Judicial Review of Absentee Voting Laws: How Courts Should Balance State Interests Against the Fundamental Right to Vote Going Forward // Iowa Law Review. 2020. Vol. 105. Is. 2.

АКТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ: К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОБОСНОВАННОСТИ

Аннотация. В статье обращается внимание на отсутствие в настоящее время механизмов, в полной мере гарантирующих исполнение избирательными комиссиями норм законодательства и выполнение решений вышестоящих избирательных комиссий. В связи с тем, что ряд авторов рассматривают избирательные комиссии как органы управления избирательным процессом, предлагается применять к управленческим актам комиссий средства оценки правомерности дискреционных административных актов, сформулированных в науке административного права. По мнению автора, содержание решения избирательных комиссий необходимо соотносить с такими критериями, как разумность, пропорциональность и так далее. Этому могло бы способствовать обязательное обоснование на их основе решений избирательных комиссий по определенным вопросам. Эти критерии на уровне Центральной избирательной комиссии Российской Федерации можно было бы признать универсальными и годными для широкого применения в ходе рассмотрения избирательных споров. Реализация подобного подхода сделала бы возможным формирование единообразной практики в разрешении электоральных споров в деятельности избирательных комиссий.

Ключевые слова: избирательное право, кандидат, избиратель, дискреционные акты, избирательные комиссии, усмотрение избирательной комиссии, субъективное избирательное право.

ELECTION COMMISSION REPORTS: ON THE QUESTION OF VALIDITY CRITERIA

Abstract. The article draws attention to the current absence of mechanisms that would guarantee the full implementation of legislative norms by electoral commissions and the execution of decisions of higher electoral commissions. In connection with the fact that a number of authors consider electoral commissions as bodies managing the electoral process, it is proposed to try to extend to their administrative acts the means of assessing the legality of discretionary administrative acts, formulated in the science of administrative law. According to the author, the content of the decisions of electoral commissions must be correlated with such criteria as reasonableness, proportionality, etc. This could be facilitated by the mandatory justification of decisions of electoral commissions on certain issues on their basis. These criteria at the level of the Central Electoral Commission of the Russian

Federation could be recognized as universal, suitable for wide application in the course of considering electoral disputes. The implementation of such an approach would make it possible to develop a uniform practice in the resolution of electoral disputes in the activities of election commissions.

Keywords: *electoral law, candidate, voter, discretionary acts, electoral commissions, discretion of the electoral commission, subjective electoral law.*

Как показывает избирательная практика, действующее российское избирательное законодательство не всегда предусматривает четкие гарантии принятия избирательными комиссиями решений, соответствующих законодательству и позициям вышестоящих комиссий. Например, в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Собрания депутатов муниципального образования «Сельсовет Хаджалмахинский» Левашинского района Республики Дагестан 16 августа 2021 года решением участковой избирательной комиссии № 0944 была аннулирована регистрация Н. в качестве кандидата. Как отмечалось в решении избирательной комиссии, основанием принятия данного вердикта являлось личное заявление кандидата. В действительности Н. заявления не писал. В связи с этим он обратился с жалобой в территориальную избирательную комиссию Левашинского района, которая ответила ему отказом.

9 сентября 2021 года Н. обратился с жалобой в Избирательную комиссию Республики Дагестан. Последняя своим постановлением от 10 сентября 2021 года признала ее обоснованной и удовлетворила: оспариваемые решения участковой и территориальной избирательных комиссий об отмене регистрации Н. были признаны незаконными и отменены. При этом на комиссии была возложена обязанность незамедлительно включить кандидата Н. в избирательный бюллетень. Но это не помогло: Н. так и не смог принять участие в выборах в качестве кандидата. В дальнейшем ему пришлось обжаловать правомерность действий комиссий в судебном порядке. В итоге административное дело кассационным судом было направлено на новое апелляционное рассмотрение¹.

Нередки случаи, когда по аналогичным делам избирательные комиссии могут принимать противоречащие друг другу решения. В качестве примера, подтверждающего этот факт, можно привести судебный спор, возникший в ходе избирательной кампании по выборам Совета депутатов города Новосибирска. В суд поступил административный иск от кандидата Б. об отмене решения окружной избирательной комиссии по одномандатному избирательному округу № 47 Совета депутатов Новосибирска седьмого созыва № 7/11 от 29 июня 2020 года «О регистрации кандидата в депутаты Совета депутатов г. Новосибирска, выдвинутого избирательным объединением

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2022 г. № 88А-7253/2022, № 2а-104/2022.

„Новосибирское областное отделение политической партии П.“ по одномандатному избирательному округу № 47 С.»².

По мнению заявителя, избирательная комиссия при проверке листов не учла нарушение, связанное с их оформлением, в части неуказания в них сведений о партийной принадлежности кандидата, которая нашла отражение в заявлении о согласии баллотироваться. Этим самым были нарушены требования, закрепленные пунктом 9 статьи 37 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях).

Обосновав отсутствие в подписном листе информации о членстве в политической партии выходом из нее, кандидат при подаче документов на регистрацию не уточнил сведения о себе в этой части, хотя в законодательстве предусматривается возможность доведения до избирательной комиссии информации об изменении данных. Избирательная комиссия посчитала нарушение законодательства несущественным и приняла решение о регистрации кандидата. К сожалению, в настоящее время не представляется возможным узнать позицию суда по этому делу, так как его производство было прекращено³ на основании того, что 10 августа 2020 года соответствующей избирательной комиссией было принято решение об аннулировании регистрации кандидата, являвшегося административным истцом, из-за отзыва его избирательным объединением⁴.

Иной подход в разрешении аналогичного дела нашел отражение в избирательном споре, возникшем в ходе избирательной кампании по выборам Совета депутатов городского округа Воскресенск Московской области. Ч., будучи кандидатом по пятимандатному избирательному округу № 3, указал в заявлении о согласии выдвигаться информацию о том, что является членом одной из политических партий. При этом в подписных листах данные о его партийной принадлежности не были отражены. В связи с этим избирательная комиссия решением от 30 июля 2024 года № 63/554-6 отказала Ч. в регистрации в качестве кандидата. Судебные органы, предметом рассмотрения которых являлось это дело, жалобу Ч. на решение комиссии оставили без удовлетворения⁵.

² Решение Окружной избирательной комиссии по одномандатному избирательному округу № 47 Совета депутатов г. Новосибирска седьмого созыва № 7/11 от 29 июня 2020 г. «О регистрации кандидата в депутаты Совета депутатов г. Новосибирска, выдвинутого избирательным объединением „Новосибирское областное отделение политической партии П.“ по одномандатному избирательному округу № 47 С.». URL: http://www.novosibirsk.izbirkom.ru/news_tik/29/29.

³ Определение Советского районного суда г. Новосибирска от 10 августа 2020 г. по делу № 20-1838/2020. URL: <http://sovetsky.nsk.sudrf.ru/>.

⁴ Решение Окружной избирательной комиссии по одномандатному избирательному округу № 47 Совета депутатов г. Новосибирска седьмого созыва «Об аннулировании регистрации кандидата Б.». URL: http://www.novosibirsk.izbirkom.ru/news_tik/29/29.

⁵ Определение Воскресенского городского суда Московской области от 12 августа 2024 г., Определение судебной коллегии по административным делам Московского областного суда от 19 августа 2024 г., Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 сентября 2024 г. № 88а-31425/2024 (УИД 50RS0003-01-2024-003892-43).

* * *

Представляется, что классическим примером, который может продемонстрировать наличие у избирательных комиссий и их членов различных подходов в разрешении аналогичных дел, может быть понимание термина «адрес места жительства», который находит отражение в подписных листах. Несмотря на то, что статья 2 Закона об основных гарантиях изначально закрепляла необходимость при заполнении в подписном листе данных об участнике избирательного процесса прописывать субъект Федерации, в котором он проживает, до определенного времени существовала практика, которая в случае проживания кандидата, сборщика подписей либо избирателя в административном центре субъекта Федерации позволяла не отражать в подписном листе название региона [1, с. 26].

Соглашаясь с этим подходом, избирательные комиссии принимали решения о регистрации кандидатов (списков кандидатов). Формированию единообразной практики способствовало кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд) от 15 февраля 2008 года № КАС08-96⁶, в котором делался вывод, что «не указание лицом, осуществлявшим сбор подписей, в адресе места жительства наименования субъекта Российской Федерации, в котором расположено место его жительства, а равно не указание иных требуемых в соответствии с п. 12 ст. 36 Федерального закона „О выборах Президента Российской Федерации“ реквизитов», является нарушением законодательства и основанием признания соответствующих подписей недействительными. Подход, заключающийся в обязательном отражении в подписном листе субъекта Федерации и населенного пункта, в котором проживает избиратель, реализуется и в настоящее время⁷.

Отсутствие у избирательных комиссий единых подходов к разрешению аналогичных электоральных споров вкупе с фактическим отсутствием механизмов, гарантирующих выполнение ими положений законодательства и исполнение решений вышестоящей комиссии, поднимает вопрос о формировании средств, обеспечивающих проверку актов избирательных комиссий на предмет соблюдения законности процедуры и оснований их принятия, полномочий органа, установление цели, на достижение которой было ориентировано действие и соотнесение ее с целью примененного акта.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 15 февраля 2008 г. № КАС08-96 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.02.2008 № ГКПИ08-268, которым оставлено без удовлетворения заявление об отмене Постановления Центризбиркома РФ от 27.01.2008 № 92/710-5 „Об отказе К. в регистрации кандидатом на должность Президента РФ“ и обязанности Центризбиркома РФ зарегистрировать кандидатом на должность Президента РФ К.» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 3 сентября 2024 г. № 88а-29592/2024(8а-27600/2024). Административное дело № 2а-2792/2024 (УИД 61RS0009-01-2024-003186-16).

Реализация избирательными комиссиями различных форм государственно-управленческой деятельности позволила ряду исследователей отнести их к органам управления избирательным процессом [2, с. 5]. Являясь субъектом данного процесса, они получают свои полномочия от единственного источника власти — народа, и в то же время управляют им в период избирательной кампании, реализуя свои государственно-властные полномочия [3, с. 37].

Подход, в русле которого органы, организующие выборы, являются органами управления, получил распространение и в других странах мира [4; 5]. В связи с данным обстоятельством на акты избирательных комиссий, как на управленческие акты, можно было бы попытаться распространить средства оценки правомерности дискреционных административных актов, сформулированные в науке административного права. Это было бы логично еще и потому, что ряд авторов утверждает о наличии у избирательных комиссий усмотрения [6, с. 15], которое в настоящее время выступает, можно сказать, одним из широко используемых понятий в сфере государственного управления.

По мнению С.А. Хвалёва, именно усмотрение избирательной комиссии, следствием которого можно считать появление дискреционных полномочий, является единственным инструментом, способствующим разрешению избирательного спора или достижению избирательного блага [7, с. 17].

Как отмечает Л.И. Шарнина, в конституционном праве административное усмотрение, по сути, сводится к усмотрению именно избирательных органов в процессе проведения выборов и референдумов. Еще в 2009 году она, как мы видим в настоящее время, вполне справедливо отметила, что в подходе законодателя к административному усмотрению в избирательном праве можно обнаружить тенденцию к сокращению области его применения, и именно в рамках защитных правоприменительных отношений [8, с. 7].

Рациональное взвешивание обстоятельств, нацеленность на легальный результат отличают дискрецию административного права от произвола администрации, являющегося правонарушением [9, с. 78]. Так, Э. Шмидт-Ассманн к критериям принятия решения относит соблюдение цели закона [10, с. 205–207]. А. Ченерелли отмечает: «Причина в том, что такие принципы, как пропорциональность, разумность и беспристрастность, осуществляют чрезвычайно важную функцию в регулировании исполнения дискреционных административных полномочий. Если выбор оптимального решения предоставлен органу исполнительной власти, такой выбор должен быть соразмерным, разумным и беспристрастным» [11, с. 32].

Административные суды во Франции при проверке законности проверяют ее «внешнюю» и «внутреннюю» стороны. К *внешним критериям* законности относятся компетенция органа, принявшего акт, его форма

и процедура принятия. *Внутренним критерием* считается проверка возможности нарушения закона, то есть сопоставление содержания административного акта с вышестоящими нормами, целеполагание акта и правильность выбора норм [12, с. 79].

В отношении внешних критериев декан факультета права, экономики и управления Университета Лотарингии во Франции профессор Пьер Тифин говорит, что рассмотрение внешней законности акта в первую очередь касается проверки компетентности лица, издавшего такой акт, а это — средство обеспечения общественного порядка. Судьи также выявляют наличие процессуальных и формальных недостатков акта, которые не являются средствами обеспечения общественного порядка и, следовательно, должны быть вынесены на обсуждение самими сторонами [13, с. 98].

* * *

В нашем случае речь фактически идет о необходимости создания четких механизмов, соотносящих содержание решений избирательных комиссий с такими критериями, как разумность, пропорциональность, целеполагание и тому подобное. Реализации этой задачи могло бы способствовать обязательное обоснование решения избирательных комиссий по определенным делам на основе названных принципов. Эти критерии на уровне ЦИК России можно было бы признать универсальными, годными для широкого применения в ходе рассмотрения избирательных споров.

Обоснование решения будет являться не просто формальностью, но и юридическим критерием допустимости управленческого выбора. Следствием этого могут быть более бережное отношение избирательной комиссии к своей позиции и более глубокий анализ обстоятельств дела. Это будет способствовать более масштабному удовлетворению законных интересов участников избирательной кампании, которых, как отмечается в научной литературе, возникает огромное множество [14, с. 150]. Наличие содержательной стороны обоснования позволит рядовым гражданам принять обдуманное и аргументированное решение об обжаловании акта, а судам, в случае обжалования последнего, значительно облегчит работу.

Актуальность этого вопроса связана еще с одним обстоятельством: несмотря на то, что избирательные комиссии признаются органами управления избирательным процессом, их нельзя отнести к полноценным органам управления. Это связано и с природой избирательного процесса как с процедурой формирования органов публичной власти на основе волеизъявления избирателей, способом формирования избирательных комиссий и с коллегиальным порядком принятия решений.

* * *

Формулирование универсальных критериев для оценки содержания решений избирательных комиссий необходимо еще и потому, что деятельность

избирательных комиссий как органов управления избирательным процессом привела к некоторой их «профессионализации». В итоге в ущерб ценностным ориентирам избирательного законодательства в части реализации субъективных избирательных прав на первый план выходят управленческие цели.

Здесь к месту вспомнить статью Неоми Рао «Ежик и лиса в административном праве» [15, с. 220]. В ее основу положено эссе философа Исаяи Бёрлина «Еж и лиса» [16], анализ которого достаточно подробно приводится в работе Э.М. де Вогюэ «Еж и Лиса. Странное сочетание мозга английского химика с душой индийского буддиста» [17]. Взяв за основу древнегреческую притчу о том, что «лиса знает много вещей, а еж знает одну большую вещь», И. Берлин разделял писателей и мыслителей на две категории: ежи, которые смотрят на мир через призму одной определяющей идеи (Платон, Лукреций, Данте, Гегель, Достоевский, Ницше и др.), и лисы, опирающиеся на широкий спектр опыта, и для которых мир не может быть сведен к одной идее (Геродот, Аристотель, Эразм Роттердамский, Шекспир, Мольер, Пушкин и др.).

Н. Рао рассматривает проблему реализации конституционных ценностей в государственной системе с точки зрения того, как действуют органы исполнительной власти: «проблема ежа рассматривается с точки зрения лисы». По мнению автора, данная дихотомия проливает свет на фундаментальную дискуссию в административном праве о том, является ли административное государство конституционным? С точки зрения ежа, конституция — это высший закон, единственный акт, который закрепляет полномочия и ограничения правительства. В реальности, «даже с точки зрения функционализма конституционные ценности, описанные сторонниками административного государства, оказываются больше фантазиями, чем фактами».

Рао отмечает, что, имея значительные возможности для регулирующих действий, иногда один бюрократ может обладать полномочиями, превышающими полномочия члена парламента. Каждый год и отдельные парламентарии, и их группы предлагают сотни законопроектов, большинство из которых отклоняется. При этом фактически почти все акты исполнительной власти вступают в силу и действуют [15, с. 220–241].

* * *

При проведении параллелей с реализацией полномочий избирательных комиссий с точки зрения ежа конституционные ценности избирательного права могут оказаться в большей степени фантазиями, чем фактом. Так что же должно в первую очередь лежать в основе мнения члена избирательной комиссии при принятии решений: защита конституционно закрепленных избирательных прав или эффективность управленческой деятельности, достижение ее цели, как ее представляют члены комиссии, часть из которых — представители общественных объединений, являющихся участниками выборов? При этом позиция лисы из статьи Рао,

которая отличается многогранностью знаний, может оказать существенное влияние на избирательный процесс, — у избирательной комиссии, ее члена оказываются достаточно большие полномочия, реализуемые на основе своего усмотрения.

Может возникнуть парадоксальная ситуация, описанная в работе А.В. Малько и В.В. Субочева [14, с. 211–212] и в данном контексте сводимая к следующему: избирательная комиссия, которая выполняет возложенные на нее функции, обязывающие реализовывать публичные интересы и стоять на страже законных прав участников избирательного процесса, не делает ни того, ни другого, добиваясь осуществления именно ведомственных и управленческих интересов. А они заключаются в необходимости провести выборы так, чтобы их результаты нельзя было бы отменить в предусмотренном законом порядке; здесь ценность избирательных прав отходит на второй план.

Принимая решение, избирательная комиссия и ее члены иногда имеют более значительные возможности для достижения своих целей (соответствующих/несоответствующих закону) в правовом регулировании, чем депутаты, принимающие закон, на основании которого комиссии осуществляют свои полномочия. При этом, если законопроекты проходят соответствующую экспертизу, то в отношении решений избирательных комиссий, вступающих в силу почти сразу, контроль почти не осуществляется, что влечет за собой негативные последствия как для правопорядка, так и для носителей прав.

Актуальность рассматриваемой проблемы повышается еще и в связи с тем, что по ряду вопросов акты избирательных комиссий могут приниматься на основе единоначалия. Эта возможность была подтверждена Определением Верховного Суда в 2011 году⁸ и Постановлением Пленума Верховного Суда в 2023 году⁹. В частности, согласно пункту 16 названного Постановления непринятие избирательной комиссией коллегиального решения по вопросам, не указанным в законе, не является уклонением от принятия соответствующего решения.

* * *

В настоящее время отсутствуют механизмы, в полной мере гарантирующие исполнение избирательными комиссиями норм законодательства, выполнение решений вышестоящих избирательных комиссий. В связи с этим на акты избирательных комиссий, как на управленческие акты, можно

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2011 г. № ГКПИ11-1977 «В принятии заявления об оспаривании уклонения Центральной избирательной комиссии РФ от разрешения по существу обращения, исключении из списка кандидатов в депутаты отказано, поскольку возложение судом на избирательную комиссию обязанности рассмотреть обращение на своем заседании и дать на него ответ в форме коллегиального решения означало бы вторжение в компетенцию избирательной комиссии» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 10 июня. № 149.

было бы попытаться распространить средства оценки правомерности дискреционных административных актов, сформулированные в науке административного права.

Речь здесь идет о необходимости создания механизмов, соотносящих содержание решений избирательных комиссий с такими критериями, как разумность, пропорциональность и тому подобное. Таким механизмом могло бы быть обязательное обоснование решений избирательных комиссий по определенным делам на основе этих принципов. Эти критерии на уровне Центральной избирательной комиссии Российской Федерации можно было бы признать универсальными, годными для широкого применения в ходе рассмотрения избирательных споров.

О возможном увеличении полномочий избирательных комиссий в сфере определения порядка подготовки нормативных актов уже высказывалась точка зрения в научной литературе. Так, С.В. Кабышев предлагает, вводя «соответствующие изменения в законодательство, наделив Центральную избирательную комиссию и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации полномочиями по официальному толкованию избирательного законодательства, упорядочить процесс подготовки и издания ими нормативных актов» [18, с. 40].

Обоснование решения будет являться не просто формальностью, но и юридическим критерием допустимости управленческого выбора. Следствием этого станет более бережное отношение избирательной комиссии к своей позиции, более глубокий анализ обстоятельств дела. Наличие содержательной стороны обоснования позволит рядовым гражданам принять обоснованное решение об обжаловании акта, а судам, в случае обжалования последнего, значительно облегчит работу. Реализация подобного подхода сделала бы возможным формирование единообразной практики в разрешении электоральных споров в деятельности избирательных комиссий.

Список литературы

1. Макарецв А.А. Подписной лист как средство реализации пассивного избирательного права: проблемы формы и содержания // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 1.
2. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11.
3. Чистобородов И.Г. Государственное управление избирательным процессом в Российской Федерации. М.: Юнити-Дана, 2022. 417 с.
4. Tham J.C. Deliberative Democracy and Electoral Management Bodies: The Case of Australian Electoral Commissions / J.C. Tham // Election Law Journal. 2013. Vol. 12. Is. 4.
5. The Future of Election Administration. Cases and Conversations. Mitchell Brown, Kathleen Hale Bridgett A. King Editors. Palgrave Macmillan, 2019. 266 p.
6. Хвалёв С.А. Правоприменительное усмотрение в деятельности избирательных комиссий // Избирательное право. 2014. № 1.

7. Хвалёв С.А. Предел усмотрений: на примере правоприменительной деятельности избирательных комиссий // Журнал российского права. 2018. № 6.
8. Шарнина Л.А. Виды усмотрения в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15.
9. Шерстобоев О.Н. Дискреционные административные акты: проблемы определения и судебного контроля // Журнал российского права. 2022. № 6.
10. Schmidt-Aßmann E. Das Allgemeine Verwaltungsrecht Als Ordnungs idee: Grundlagen und Aufgaben der Verwaltungsrechtlichen Systembildung. 2nd Edition, Kindle Edition. Heidelberg, 2006. 500 p.
11. Ченерелли А. Геракл против Лернейской гидры, или Суд и дискреционное административное полномочие // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 2.
12. Курьиндин П.А. Судебная проверка законности административных актов: французский подход // Журнал российского права. 2022. № 5.
13. Тифин П. Введение в административное право Франции. М.: Проспект, 2025. 512 с.
14. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр ПРЕСС», 2004. 359 с.
15. Neomi Rao The Hedgehog & the Fox in Administrative Law // Daedalus, Summer 2021, Vol. 150, No. 3, The Administrative State in the TwentyFirst Century: Deconstruction and/or Reconstruction (Summer 2021), Published by: The MIT Press on behalf of American Academy of Arts & Sciences Stable.
16. Berlin I. The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History – Second Edition. Edited by Henry Hardy. Foreword by Michael Ignatieff. 2013. 144 p.
17. De Vogüé E.M. The Hedgehog and the Fox A queer combination of the brain of an English chemist with the soul of an Indian Buddhist // URL: <https://assets.press.princeton.edu/chapters/s9981.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).
18. Кабышев С.В. О правовых позициях избирательных комиссий // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1.

Р.Р. САДЫКОВ
М.В. МИХАЙЛОВ
Л.Ф. НУГУМАНОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению существующих молодежных избирательных формирований современной России, созданию единой системы молодежных избирательных органов и ее взаимосвязи с иными молодежными объединениями. Объектом статьи являются нормативно-правовые акты Российской Федерации о молодежи, молодежной политике и ее организации, а также положения отдельных молодежных формирований. Предмет исследования – нормы, содержащиеся в соответствующих нормативно-правовых актах и положениях. Цель статьи носит практический характер: сформулировать авторскую концепцию развития молодежной избирательной системы нашей страны и определить перспективы ее деятельности. Методологическая основа работы заключается в формально-логическом, информационно-аналитическом, сравнительно-правовом и формально-юридическом методах.

Ключевые слова: избирательная система, молодежная политика, молодежные формирования, молодежная избирательная система, молодежные избирательные формирования.

TRANSFORMATION OF YOUTH ELECTORAL FORMATIONS IN MODERN RUSSIA

Abstract. This article examines existing youth electoral formations in contemporary Russia, the creation of a unified system of youth electoral bodies, and its relationship with other youth organizations. The article focuses on the regulatory legal acts of the Russian Federation regarding youth, youth policy, and its organization, as well as the regulations of individual youth formations. The subject of this study is the norms contained in the relevant regulatory legal acts and regulations. The purpose of this article is practical: to formulate the author's

САДЫКОВ Рамиль Риназович – член Экспертного совета Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ», г. Казань

МИХАЙЛОВ Михаил Викторович – член Экспертного совета Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

НУГУМАНОВА Лилияна Фаритовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ», г. Казань

concept for the development of a youth electoral system in our country and determine the prospects for its operation. The article's methodological framework is based on the formal-logical method, the information-analytical method, the comparative legal method, and the formal-legal method.

Keywords: *electoral system, youth policy, youth formations, youth electoral system, youth electoral formations.*

В современных реалиях в России происходит активное стимулирование молодежной деятельности. По ее различным направлениям государство стремится создавать программы и проекты, тем самым обращая внимание молодого поколения на необходимость совершенствования и решения стоящих перед властью задач. Свидетельством этого выступают нормативные правовые акты в сфере молодежной политики: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года»², Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»³, который отдельно прописывает, что в приоритете государственной политики находится развитие молодежи и ее объединений.

Отправной точкой кардинальных изменений молодежной политики стал 2020 год. Именно тогда она встала во главу государственной повестки и началась повсеместная организация молодежных объединений, в частности, молодежных органов как институтов, обеспечивающих новые реалии демократического устройства страны.

В содержании организационных актов, учреждающих молодежные органы, есть нормы, устанавливающие понятия таких формирований. В основном такие положения представляют собой консультативно-совещательные образования при государственном или муниципальном органе, в которых они создаются. Среди таких органов следует выделить молодежные парламенты и молодежные правительства, обладающие достаточно четкой структурой и широким кругом последователей. Существуют также молодежные формирования, связанные с избирательной системой, однако они во многом имеют неорганизованный характер и всё еще обладают множеством нерешенных проблем.

Ныне продолжается практика образования новых молодежных формирований, в том числе в избирательной системе. Клубы молодых избирателей,

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/1> (дата обращения: 10.11.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/52494/> (дата обращения: 15.11.2025).

³ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20.

молодежные территориальные избирательные комиссии, молодежные избирательные комиссии субъектов Федерации, молодежные советы и Союз молодежных избирательных комиссий Российской Федерации (далее — КМИ, МТИК, МИК, МС, Союз МИК) — все эти общественные институты существуют уже сейчас, и их число продолжает расти.

В то же время нельзя сказать, что мы имеем идеально выстроенную систему молодежных избирательных формирований; что они привлекают к себе внимание со стороны молодежи; что отсутствуют какие-либо замечания или предложения к их деятельности. Изъяны в функционировании таких молодежных формирований хотя и не указывают на наличие кардинальных проблем, но всё же сказываются на качественном представлении у молодежи образа институтов, созданных для их многостороннего развития.

Клубы молодых избирателей в организационной структуре молодежных избирательных формирований

Клубы молодых избирателей (КМИ) стоит рассматривать как добровольное объединение граждан в целях формирования активной жизненной и гражданской позиции молодежи. Их задачами являются привлечение внимания молодежи к избирательному праву и процессу, формирование у нее позитивного представления и ответственного отношения к избирательной системе, а также вовлечение молодежи в общественную жизнь и обучение ее требуемым для этого навыкам.

Зачастую они создаются при образовательных учреждениях — это могут быть как школы, техникумы, лицеи, так и высшие учебные заведения. С недавнего времени проявляется новая практика образования таких клубов внутри общественных объединений и предприятий.

Предлагается не вводить каких-либо жестких ограничений по отбору кандидатов в члены КМИ в связи с тем, что такое формирование является клубом молодежи и представляет собой собрание по интересам. Данное правило следует распространить и на возраст членов данных клубов, большинство которых устанавливает самые широкие возрастные рамки, которые указаны в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», а именно от 14 до 35 лет, но не все. Например, КМИ «Голос молодежи» города Твери определил лишь верхнюю возрастную границу, то есть его членом может стать лицо в возрасте до 30 лет⁴, а в Белебеевском районе Республики Башкортостан возраст членов клуба закреплён в диапазоне от 14 до 21 года⁵.

⁴ Положение о клубе молодых избирателей «Голос молодежи» // Избирательная комиссия Тверской области. URL: <http://centrtik.izbirkom69.ru/index.php?page=klub-molodogo-izbiratelya> (дата обращения: 10.12.2025).

⁵ Положение о Клубе молодого избирателя муниципального района Белебеевский район Республики Башкортостан // МАУК Центральная межпоселенческая библиотека муниципального района Белебеевский район Республики Башкортостан. URL: <https://belebeycs.ru/wp-content/uploads/2020/12/polozhenie-o-klube-molodogo-izbiratelya.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

В Нижнекамске в 2023 году членами молодежного клуба был разработан кодекс этики, правила которого можно было бы распространить на другие КМИ нашей страны. Согласно данному кодексу этики, члены клуба должны: уважительно относиться к традиционным ценностям, сохранять и укреплять их в процессе своей деятельности, уважать честь и достоинство каждого человека, проявлять уважение к обычаям и традициям народов России, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию, проявлять корректность, выдержку, такт и внимательность в общении с каждым человеком, быть доступными для общения, открытыми и доброжелательными, стремиться к нравственному, духовному и физическому развитию и самосовершенствованию, выполнять требования положения о клубе, добросовестно выполнять поручения руководящих органов клуба, избегать конфликтных ситуаций [1, с. 15–18]. Ответственность за несоблюдение таких правил может быть исключительно дисциплинарная. Виды же дисциплинарных взысканий могут варьироваться от замечания до исключения из состава клуба.

Структура КМИ может быть совершенно разнообразной. Самый простой тип системы управления — это несколько членов и председатель клуба. Но бывают и сложные организационные структуры внутри клубов (рис. 1).

Рис. 1. Сложная организационная структура управления КМИ

Источник: Методическое пособие по организации Клуба молодых избирателей (на примере Клуба молодых избирателей Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан) [1, с. 13]

Между тем, КМИ имеют свои проблемы. Первая из них связана с отсутствием положения о клубе. Возраст, цели, задачи, формы участия, права и обязанности членов и многое, о чем было упомянуто ранее, и есть само положение. В случаях, когда отсутствует хотя бы одна часть такого документа, клуб представляет собой уже нечто иное. Например, если положение

не будет содержать цель клуба, то как понять его сущность; по каким основаниям называть это объединение клубом избирателей; чем данное формирование будет отличаться, к примеру, от клуба любителей шахмат?

То же самое касается и отсутствия в положении закрепления возраста участников. В таком случае в клуб могут привлекаться не только молодые люди. Если проанализировать данную проблему более детально, то клуб может состоять не только из представителей молодежи. Тогда по каким основаниям называть это формирование клубом молодых? Может ли вообще функционировать клуб, в котором его члены не обладают правами и не имеют никаких обязанностей?

Это касается исключения лишь одного ключевого пункта из положения, а его полное отсутствие приводит к еще большему замешательству. Как ни одна другая организация и объединение не может функционировать без своего учредительного документа, так и КМИ без своего положения не может просвещать молодежь, поскольку нигде должным образом не определяются основы его деятельности.

Еще одна часто встречаемая ситуация, которая присутствует в деятельности КМИ — это назначение и очень частая смена председателя клуба. Она выглядит менее сложной и опасной, поскольку на первый взгляд представляется лишь частью первого вопроса, но всё же ее наличие оказывает серьезное деструктивное воздействие на сам клуб. Вместо легально избранного руководителя по предусмотренному положением клуба механизму избрания на должность на данную позицию назначается лицо по решению образовательной организации. Да, возможно, на начальном этапе работы можно опустить эту проблему, поскольку клуб только запускается, и ни один из его членов еще не имеет должного представления, как его правильно организовать. Но с появлением у членов клуба осознанного понимания его деятельности и своей роли в достижении успеха формирования, следует провести выборы в руководящие органы КМИ.

Кандидаты должны представить свои предвыборные программы, содержащие информацию о направлении развития клуба, его взаимодействии во внутреннем и внешнем контуре. Это позволит сплотить между собой членов клуба, а также повысит авторитет как избранного председателя, так и самого формирования в глазах его участников.

Назначаемые председатели зачастую не особо справляются со своей задачей, что влечет за собой снятие их с должности и назначение нового председателя. Но, очевидно, что при постоянной смене лидера клуб не может нормально функционировать.

Практические форматы взаимодействия с КМИ подтверждают, что информация о клубе и его председателе зачастую не обновляется, хотя в самом клубе происходит активная ротация руководящих лиц, а бывший председатель клуба полностью разрывает свою связь и отношения с клубом. Это приводит к тому, что лица, действующие в рамках внешнего контура,

не могут свободно выйти на связь с клубом, поскольку размещенная информация уже недействительна.

Проблема быстро сменяющихся руководителей проявляется и в деятельности КМИ при муниципальных образованиях, но в более яркой форме. Если клубы создаются и функционируют в рамках организаций, учреждений, предприятий и так далее, то существует еще одно интересное явление в виде клубов молодежи муниципального образования. По своему статусу они превосходят другие клубы, но имеют свои проблемы. Мало того, что им присущи все те недостатки, которые были отмечены ранее, так по своей активности и действительной пользе для населения они в значительной мере уступают клубам, функционирующим в высших учебных заведениях. Собрать молодежь в рамках муниципального образования для обсуждения вопросов в сфере избирательной системы гораздо сложнее, чем в рамках заведения, где молодежь проводит свое время практически ежедневно.

Неправильно и то, что КМИ, действующие на территории всего муниципального образования, формируются при органах местного самоуправления. Если всё же клуб создается как общемуниципальный, то для этого нужны условия, в том числе наличие сильного и компетентного органа, например, территориальной избирательной комиссии, которая способна оказать методологическую поддержку клубам. Также необходимо наличие сильного руководителя и заранее сформированной команды, способной включиться в работу клуба с самого начала его деятельности.

Институт клубов муниципальных образований — это искусственное формирование, поскольку, как отмечено выше, КМИ должен рассматриваться как объединение лиц, интересующихся вопросами избирательной системы, а клубы, работающие в границах муниципального образования, используя свой авторитет, начинают выполнять еще и некоторые административные функции. Соответственно, происходит подмена категорий «Клуб молодых избирателей» и «Молодежная территориальная избирательная комиссия», поскольку КМИ такого масштаба и функционала создаются в большей мере в тех субъектах, где отсутствуют молодежные избирательные комиссии.

Молодежные территориальные избирательные комиссии в организационной структуре молодежных избирательных формирований

Молодежная территориальная избирательная комиссия (МТИК) является постоянно действующим совещательным и консультативным органом при ТИК, созданным с целью оказания ей содействия в повышении правовой культуры молодых и будущих избирателей, в формировании у молодежи осознанной гражданской позиции и интереса к избирательному процессу, привлечении молодежи к участию в реализации мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов и референдумов на территории

муниципального образования, в обучении молодых организаторов выборов и в подготовке кадрового резерва территориальной избирательной комиссии.

В рамках данного определения прослеживаются основные направления деятельности МТИК: правовое просвещение молодежи, взаимодействие с молодежными объединениями, обсуждение и проведение совместно с территориальной избирательной комиссией основных мероприятий. Однако, в положениях некоторых из них закрепляется возможность проведения ими выборов в Молодежный парламент муниципального образования и органов ученического самоуправления. В связи с этим функционал таких формирований шире по сравнению с клубами молодых избирателей.

Хотя во многом МТИК схожа с КМИ, в частности в структуре молодежной комиссии присутствуют те же руководящие органы, что и в клубе, важное значение имеет время их деятельности, поскольку у разных МТИК свои сроки полномочий. Оптимальным вариантом видится закрепление двухлетнего срока в связи с тем, что положения комиссий не устанавливают ограничения для бывших членов на участие в деятельности нового состава.

Основная деятельность таких комиссий — проведение выборов в молодежные органы муниципального образования. Для этого они могут создавать временные Молодежные участковые избирательные комиссии (далее — МУИК) по месту голосования. МУИК в нашей стране — редкое явление. Они есть, но в них нет острой нужды, так как по своей сути они представляют собой нечто смежное между КМИ и МИК субъекта Федерации. Но всё же ключевая идея заключается в необходимости создания МТИК, поскольку отсутствие таких комиссий в системе молодежных избирательных формирований приводит к переложению их функций на КМИ.

Молодежные избирательные комиссии субъектов Федерации в организационной структуре молодежных избирательных формирований

Ключевыми молодежными формированиями для избирательной системы России являются молодежные избирательные комиссии субъектов Федерации (МИК) или молодежные советы. В Татарстане Молодежный совет функционирует при Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан.

МИК — это постоянно действующий консультативно-совещательный орган при избирательной комиссии субъекта Федерации. Она создается в целях оказания содействия соответствующим избирательным комиссиям в деятельности по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей, формированию активной гражданской позиции молодежи, осознанного интереса молодежи к вопросам развития избирательной системы, привлечения и поддержки молодых людей, обладающих организаторскими способностями, лидерскими качествами, воспитания у них гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения

к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов России, подготовки рекомендаций для избирательных комиссий субъектов Федерации при формировании кадрового резерва.

Таким образом, в деятельности одной лишь МИК обозначена реализация нескольких пунктов, содержащихся в Указе Президента от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»:

создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей;

увеличение доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, верящих в возможности самореализации в России, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность;

обеспечение функционирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи, основанной на принципах ответственности, справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию⁶.

Бесспорно, столь широкие и важные цели, которые преследует каждая МИК, демонстрируют важность и необходимость таких органов в каждом субъекте Федерации. Их положения предусматривают разные возрастные требования к членам комиссии. Так, например, положение о МИК Челябинской области устанавливает, что членами комиссии могут быть граждане в возрасте от 14 до 35 лет⁷, в Пензенской области предусмотрено, что членами МИК могут стать граждане в возрасте от 18 до 30 лет⁸, в Пермском крае — от 16 до 35 лет⁹.

Такие разногласия, особенно по верхней возрастной границе, связаны с тем, что положения этих комиссий были приняты до вступления в силу соответствующего федерального закона. Однако разница между молодежными комиссиями по нижнему возрастному порогу связана с тем, что по мнению одних экспертов привлекать в такую деятельность можно практически каждого молодого человека, имеющего желание быть ее участником, другие полагают, что у МИК субъекта Федерации задачи и масштабы сложнее

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20.

⁷ Положение о Молодежной избирательной комиссии Челябинской области от 29.05.2017 // Клуб молодых избирателей. URL: <https://mikrf.ru/upload/iblock/1fc/1fcb7fdb7217ba69956d1f089ce0ec00.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

⁸ Положение о Молодежной избирательной комиссии Пензенской области от 12.11.2010 // Клуб молодых избирателей. URL: <https://mikrf.ru/upload/iblock/c27/c2778d68335b4a0b8add70bd1bd89edc.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

⁹ Положение о Молодежной избирательной комиссии Пермского края от 04.04.2019 // Клуб молодых избирателей. URL: <https://mikrf.ru/upload/iblock/bba/bbacd7bb27e2b3a6e24567720ac1f7c3.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).

и объемнее, поэтому привлекаться в ее работу должны лица, имеющие более зрелые и профессиональные знания в избирательной сфере.

Заслуживает внимания и вопрос различия в количественном составе членов комиссий. Число членов в одних МИК может быть 7–8 человек, в других доходит до 15–20. Причем на практике такая разница не обусловлена размерами субъекта Федерации, а выражается исключительно в желании молодежной избирательной комиссии иметь в своем составе некий «кадровый запас», — в случае, если 7 членов не будут справляться с поставленными задачами, комиссия будет располагать дополнительными кадрами, которые помогут выполнить все задачи к заданному сроку. В то же время даже те комиссии, которые закрепляют в своих положениях большее количество членов, на практике привлекают в свою деятельность намного больше людей, нежели указано в положении соответствующей МИК.

Иначе данный вопрос регулирует положение о Молодежном совете при ЦИК Республики Татарстан, в котором имеется норма о гибком составе совета. Такую практику было бы разумно внедрить и в положения других МИК субъектов Федерации. Суть данной нормы сводится к тому, что для начала работы комиссии необходим минимум ее членов, собрав который, МИК сможет считаться сформированной и приступить к своей деятельности. В случае возникновения необходимости расширения ее состава нужно осуществить следующий процедурный процесс:

1. На заседании молодежной комиссии принимается рекомендация о добавлении в ее состав новых членов.

2. Председатель комиссии в течение 14 дней после принятия соответствующей рекомендации обращается в избирательную комиссию субъекта Федерации, указывает поводы и основания для расширения своего состава и прилагает список кандидатов на включение в состав и краткую характеристику о каждом из них.

3. Избирательная комиссия одобряет данную рекомендацию и самостоятельно отбирает кандидатов из предложенного списка для включения их в состав комиссии.

4. На следующем заседании МИК принимается решение о включении в его состав новых членов.

Такая процедура позволяет учитывать мнение всех членов МИК при принятии решения о необходимости расширения состава комиссии и выборе кандидатов в молодежную комиссию, исходить из позиции избирательной комиссии субъекта Федерации. В таком случае включение в состав МИК новых членов будет произведено, только если на всех стадиях такой процедуры будут приняты утвердительные решения.

Положение о Молодежном совете при ЦИК Республики Татарстан предусматривает необходимость создания кадрового резерва совета, члены которого имеют преимущественное право на включение их в списки кандидатов в основной состав совета, обучаются членами основного состава

и могут привлекаться для выполнения заданий, не требующих особых навыков и умений. В связи с этим возрастная планка для желающих попасть в кадровый резерв Молодежного совета понижена до 16-летнего возраста, в то время как правом на включение в основной состав могут воспользоваться только лица, достигшие 18 лет. Его кадровый резерв формируется самостоятельно и без участия Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан. И данную практику было бы уместно внедрить не только в молодежные избирательные формирования, но и в иные молодежные институты на территории нашей страны.

Каждая молодежная избирательная комиссия имеет свой объем компетенций, который приблизительно сводится к следующим полномочиям:

- заниматься регулярным мониторингом и анализом электоральной активности молодежи (явка молодежи на выборы всех уровней на территории субъекта Федерации, участие молодежи в выборах в качестве кандидатов, участие молодежи в работе избирательных комиссий всех уровней в качестве их членов);

- проводить молодежные добровольческие акции социальной, просветительской, информационной и иной направленности для различных категорий избирателей, оказывать правовую, методическую, организационную поддержку, проводить совещания, форумы, конференции, круглые столы и другие мероприятия;

- осуществлять общественный контроль за соблюдением прав и законных интересов молодых избирателей;

- разрабатывать рекомендации, участвовать в реализации планов мероприятий избирательной комиссии субъекта Федерации по повышению правовой культуры избирателей и обучению организаторов выборов в соответствующем регионе, проводить выборы органов ученического (студенческого) самоуправления общеобразовательных и высших учебных заведений, иные мероприятия по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей в рамках программ избирательной комиссии субъекта Федерации;

- участвовать в организации волонтерского движения на выборах;

- участвовать в организации наблюдения на выборах;

- вносить предложения в избирательную комиссию субъекта Федерации по вопросам, входящим в ее компетенцию и касающимся участия молодежи в избирательном процессе и в мероприятиях по повышению правовой культуры избирателей и обучению участников избирательного процесса;

- создавать и вести аккаунты в социальных сетях, освещать свою деятельность в традиционных средствах массовой информации и Интернете;

- содействовать деятельности избирательной комиссии субъекта Федерации при проведении выборов различных уровней на территории соответствующего субъекта, обращаться к органам государственной власти и местного самоуправления, а также к юридическим и должностным

лицам по вопросам, связанным с реализацией полномочий молодежных избирательных комиссий.

Всё перечисленное выше касается достаточно весомого ресурсного спектра, однако нужно выделить полномочия, которые не встречаются в положениях МИК. В первую очередь, речь может идти о возможности проведения выборов в молодежные парламенты субъектов Федерации. В положениях молодежных территориальных избирательных комиссий отчетливо отражаются их возможности проводить выборы в молодежные органы соответствующего муниципального образования. В положениях о МИК подобного нет. Однако обратная процедура, когда молодежные парламенты влияют на формирование МИК субъектов Федерации, существует [2, с. 155–156].

На наш взгляд, если за нарушения требований положения клуба в КМИ наступает дисциплинарная ответственность, действующая исключительно в рамках самого клуба, то для членов МИК и МТИК следует предусмотреть более широкую дисциплинарную ответственность, предусматривающую дальнейшую невозможность осуществления полномочий члена любой другой молодежной комиссии, но только в том случае, когда доказано, что член соответствующей комиссии оказал влияние на процесс выборов в молодежные органы, ученические и иные организации, и что такое влияние могло способствовать изменению результатов выборов. Это — первое.

Второе, на что следует обратить внимание — это то, что практически ни одно положение о МИК не предусматривает их взаимодействия с МТИК и тем более с КМИ. Молодежная избирательная комиссия не должна вмешиваться в деятельность более простых формирований, однако координировать работу как МТИК, так и КМИ по совместным мероприятиям, обсуждениям, обмену опытом, оказанию помощи и поддержки она просто обязана, поскольку такая организация всегда приводит к сплочению разнообразных молодежных избирательных объединений.

Молодежная избирательная комиссия федерального уровня в организационной структуре молодежных избирательных формирований

Если МИК является ключевым молодежным формированием в избирательной системе, поскольку она координирует деятельность нижестоящих формирований, то возникают вопросы: как быть во взаимоотношениях между разными МИК; как разрешить те противоречия в их положениях, что были показаны ранее; как совместно проводить свою деятельность и задавать новые ориентиры развития избирательной системы?

Ответом на эти вопросы может быть создание молодежной организации федерального уровня по осуществлению полномочий, аналогичных кругу компетенций МИК субъекта Федерации, но в масштабе страны с функцией представления молодежной избирательной системы Российской Федерации

на международном уровне. Именно к такому выводу пришел исполнительный директор Российского фонда свободных выборов М.А. Лесков, который 24 октября 2024 года высказал идею о необходимости формирования Молодежного общественного совета при ЦИК России [3].

Однако, у нас уже имеется молодежное формирование с похожим функционалом, которое существует несколько лет: Союз молодежных избирательных комиссий Российской Федерации (Союз МИК), образованный по итогам Всероссийского совещания участников молодежных избирательных комиссий субъектов Федерации 22 ноября 2017 года.

Согласно своему положению, Союз МИК является основанным на членстве добровольным самоуправляемым общественным объединением, созданным по инициативе председателей МИК субъектов Федерации, объединившихся на основе единства интересов для реализации общих целей, определенных положением¹⁰. Его задачами являются: формирование организационной структуры; разработка и внедрение внутренних механизмов взаимодействия между МИК субъектов Федерации; содействие в формировании новых МИК субъектов Федерации; обобщение опыта работы МИК; распространение и применение наиболее успешных практик и инициатив МИК; организация и проведение проектов регионального, федерального уровня, направленных на достижение целей Союза МИК; реализация проектов, а также организация и проведение обучающих и конкурсных мероприятий для повышения компетентности членов МИК субъектов Федерации.

Членами Союза могут быть только полномочные представители МИК субъектов Федерации, делегированные ими в его состав. От каждой МИК субъекта Федерации в Союз МИК может быть делегировано не более пяти представителей. При прекращении полномочий члена МИК субъекта Федерации, делегированного в состав Союза, он лишается права решающего и совещательного голоса, но может принимать участие в деятельности Союза в течение двух лет.

Союз МИК Российской Федерации имеет сложную систему руководящих органов, а также следующие структурные подразделения: окружные советы МИК субъектов Федерации; департаменты Союза; избирательную комиссию Союза; пресс-службу Союза; МИК субъектов Федерации.

По структуре и по задачам данного объединения видно, что, по сути, оно является общероссийской молодежной избирательной комиссией. Однако, если отбросить декларативную «шелуху», то безусловно назвать Союз МИК по-настоящему Всероссийским молодежным избирательным формированием нельзя по некоторым основаниям.

Первое из них — незначительное участие Союза в развитии избирательной системы в общем и молодежной избирательной системы, в частности.

¹⁰ Положение Союза молодежных избирательных комиссий России // Клуб молодых избирателей. URL: <https://mikrf.ru/upload/iblock/07d/07d6eecd3bf0a427bff046ba333712.pdf> (дата обращения: 26.11.2025).

Об этом свидетельствуют и социальные сети Союза, где в большинстве случаев рассказывается о мероприятиях, проводимых не Союзом, а МИК субъектов Федерации¹¹.

Второе — неправильно выстроенная система представительства, поскольку в случае, если данное формирование действительно начнет заниматься своими задачами, а также организацией и проведением выборов во всероссийские молодежные органы и объединения, тогда у многих МИК может возникнуть желание в большей мере контролировать его работу, направляя в состав Союза максимально предусмотренное число своих членов (до 5 человек), хотя некоторые МИК состоят менее чем из 10 членов (активных может быть меньше), что очевидным образом негативно скажется на деятельности МИК субъектов Федерации.

Третье — закрытая процедура избрания председателя Союза. Согласно соответствующему положению Союза кандидатом на должность его председателя может быть только один из председателей МИК субъекта Федерации. К тому же к голосованию допускается только один представитель от МИК, и зачастую это — председатель МИК¹². С учетом того, что в Союз принимаются до пяти представителей МИК субъектов Федерации, излишнее «загромождение» Союза «ненужными» членами не заставит себя долго ждать.

Четвертое основание заключается в отсутствии прямого взаимодействия Союза с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Для оценки деятельности подобных формирований можно вспомнить школьные ученические самоуправления в 2024 году, которые были организованы в рамках кампании «Твой выбор», реализуемой Российским союзом молодежи, к которой подключились около 1500 школ из 64 субъектов Российской Федерации, а общая явка избирателей в день голосования составила более 250 000 обучающихся¹³. Это означает, что Союз МИК не только не проводит выборы в молодежные органы страны, он и не координирует организацию и проведение данного процесса в органах ученического самоуправления по своему профильному вопросу, отдавая инициативу общим молодежным общественным объединениям.

Таким образом, в отношении данного формирования в качестве положительного момента можно выделить только институт представительства. Всё остальное явно заслуживает пересмотра и более свежих подходов при решении электоральных вопросов молодежи страны. Получается, что у нас

¹¹ Официальная страница ВКонтакте «Союз Молодежных избирательных комиссий России». URL: <https://m.vk.com/mikrf> (дата обращения: 10.12.2025).

¹² Положение о выборах председателя Союза молодежных избирательных комиссий Российской Федерации // Клуб молодых избирателей. URL: <https://mikrf.ru/upload/iblock/668/6680f69cc659c20a15fee0ab9f032805.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).

¹³ Завершилась Единая неделя выборов руководителей советов обучающихся общеобразовательных организаций // Российский союз молодежи. URL: <https://mos.ru/ru/press/news/zavershilas-edinaya-nedelya-vyborov-rukovoditeley-sovetov-obuchayushchikhsya-obshcheobrazovatelnykh/> (дата обращения: 07.12.2025).

есть два варианта: либо идею Союза МИК развивать до действенного уровня, либо формировать новую организационную структуру, способную стать ключевым молодежным избирательным формированием страны.

В деятельности последнего важно в первую очередь учитывать возможность саморегулирования, создания общих передовых стандартов деятельности МИК субъектов Федерации, принимаемых на общем заседании.

Мы исходим из того, что Союз МИК замыкает всю молодежную избирательную систему (рис. 2). Однако данное формирование должно функционировать при ЦИК России, поскольку в долгосрочной перспективе для успешного достижения поставленных целей необходимо предоставление организационно-методологического сопровождения со стороны сильного профессионально компетентного государственного органа.

Рис. 2. Молодежные избирательные формирования Российской Федерации
Источник: составлено авторами

Заключение

Молодежь — это будущее нашей страны. Используя достижения прошлых поколений она занимает более высокую стартовую позицию, чем ее предшественники. Развитие страны — это развитие ее населения; будущее нашего государства зависит напрямую от качества работы с каждой социальной и возрастной группой. Причем для эффективной работы с людьми необходим индивидуальный подход, а влияние на граждан должно вестись непрерывно, но без принуждения. Чем больше государство уделяет внимание молодежи, тем стабильнее будет оно само, а все нововведения будут восприняты адекватно.

Появление и повсеместное развертывание молодежных избирательных формирований оказывает существенное влияние на развитие политической

и правовой культуры молодежи, как категории населения, наиболее подверженной воздействию извне, знакомит ее с государственной гражданской службой и механизмами взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления [4, с. 59].

Изучив нормативно-правовую базу и отечественные научные исследования, можно прийти к выводу, что выбранная нами тема почти не отражается в научной литературе. Клубы молодых избирателей и молодежные избирательные комиссии имеются в большинстве субъектов Российской Федерации, однако качество их деятельности оставляет желать лучшего. Отсутствие закрепления единых основ функционирования и работа «на самотек», особенно в КМИ при органах местного самоуправления, не только не способствуют достижению поставленных целей, но и наносят ущерб представлению молодых людей о своем возможном вкладе в функционирование различных политических и государственных институтов внутри страны. Многие молодежные избирательные комиссии не в состоянии подстроить свои положения под требования законодательства, а некоторые клубы молодых избирателей и вовсе превращаются в одноразовые мероприятия.

Список литературы

1. Методическое пособие по организации Клуба молодых избирателей // Российский фонд свободных выборов. URL: https://rfsv.ru/uploads/Methodical_manual_on_the_organization_of_the_work_of_the_Club_of_Young_voters_of_the_Nizhnekamsk_municipal_district_of_the_Republic_of_Tatarstan.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
2. Толстолуцкая В.С. Правовой статус молодежных избирательных комиссий субъектов Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3(21).
3. Роль молодежи в обеспечении устойчивого демократического развития системы народовластия в России // Российский фонд свободных выборов. URL: <https://rfsv.ru/breaking-news/rol-molodezhi-v-obespechenii-ustoichivogo-demokraticheskogo-razvitiia-sistemy-narodovlastiia-v-rossii> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Пашенко И.Ю. Наставничество и опыт избирательной системы: молодежные избирательные комиссии и молодежные советы // Образование и право. 2023. № 7.

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД*

Аннотация. Третья часть статьи посвящена множественному контексту выборов и условиям, при которых они происходят. Здесь внимание акцентируется на политическом фоне, в частности, на той глобальной обстановке, которая в наши дни формируется и сооружается бизнес-сообществами, — мировым олигархатом, с одной стороны, и транснациональными компаниями, — с другой. На пути к образованию так называемого нового мирового порядка, которому присваиваются различные названия, в том числе «инклюзивный капитализм», «новая управленческая система», «четвертая промышленная революция» и так далее, применяются всякого рода неприемлемые в своем отрицании демократии инструменты. В их число входят навязывание как знаний, так и информации, политические и психологические технологии хаоса, насаждение страха и тому подобное. Важно то, что в планируемой мировой инфраструктуре, имеющей в большей степени политтехнологическую, чем политическую, экономическую и социальную основу, нет места ни выборам, ни референдумам. При этом инициаторы и проектировщики планируемого миропорядка не принимают в расчет практически бесконечный потенциал демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: выборы, избиратель, общество, власть, государство, эволюция, электорат, демократия, олигархат, транснациональные компании, «инклюзивный капитализм», «новая управленческая система», «четвертая промышленная революция», технологии.

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

Abstract. The third part of the article is devoted to the multiple contexts of elections — and the conditions under which they take place. Here attention is focused on the political background, in particular, on the global situation that is currently being formed and built by business communities — the global oligarchy, on the one hand, and transnational companies, on the other. On the way to the formation of the so-called new world order, which is given various names, including «inclusive capitalism», «new management system», «fourth industrial revolution» and so on, all sorts of unacceptable tools are used in their rejection of democracy. These include the imposition of both knowledge and information, political and psychological technologies of chaos, instilling fear, and the like. It is important that in the planned world infrastructure, which has more of a political technological basis than

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович — кандидат политических наук, г. Москва

* Продолжение. Начало см.: Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 3, 4.

a political, economic and social basis, there is no place for either elections or referendums. At the same time, the initiators and planners of the planned world order do not take into account the almost infinite potential of democracy and civil society.

Keywords: *elections, voter, society, power, state, evolution, electorate, democracy, oligarchy, transnational companies, «inclusive capitalism», «new management system», «fourth industrial revolution», technology.*

*Пока лев не научится писать,
во всех сражениях будет побеждать охотник.*
Пословица

Всегда, везде и всюду выборы проходят в определенном, но внутренне *неоднородном*, а зачастую *множественном контексте*. И здесь всё имеет значение, хотя под термином «контекст», как правило, подразумевается в том числе и среда, обстановка, окружающие обстоятельства, условия, фон, соотношения, взаимосвязи и многое другое. Речь в первую очередь может идти о наиболее явных географических, климатических и пространственных — локальных, региональных и национальных — контекстах. Не менее важны другие, не столь очевидные как в своей видимости, так и значимости контексты. Не особо углубляясь в подробности, можно включить в перечень обстоятельств, оказывающих то или иное влияние на организацию, проведение и ход выборов, интеллектуальный, психологический, ментальный, а также экономический, политический и социальный фон. Разумеется, этим дело не ограничивается, поскольку в содержании каждого из названных контекстов кроются свои *субконтексты*: в ментальном — в том числе этнический, в экономическом — формационный, в политическом — актуальный, в социальном — частный. В отношении электоральных процессов в целом контекст можно уподобить и почве, на которой они происходят, и небу, под которым идет голосование, но будет вернее, если сравнить его с воздухом, пропитывающим *атмосферу выборов*.

Если рассматривать избирательное поле с подобных, а еще лучше, более обширных и глубинных позиций, то очевидно, что итоги голосования — результат более чем громадного числа *влияний и воздействий*. Над муниципальными выборами довлеют одни обстоятельства, над региональными другие, а что касается национальных выборов, то довольно часто они находятся под прессингом более масштабных, а иногда и глобальных факторов. Здесь можно было бы обратиться к истории, но актуальная реальность в своей сложности и неоднозначности такова, что даст «фору» любым историческим обстоятельствам и примерам. Несколько отступая от темы нашего сюжета, попытаемся проанализировать *глобальную ситуацию*, влияние которой на выборы какого бы то ни было уровня невозможно оспаривать. Притом практически в любой точке земного шара. В настоящее время, прямо в минуты и секунды, когда эти строки набираются, человеческая цивилизация

подвергается более чем *серьезной опасности*. Речь не о каких-то милитаристских действиях, конфликтах и противостояниях, из которых разум в основном как-нибудь, но всякий раз находит выход. Нынешние проблемы обладают более глубинным характером, так как вектор их воздействия, *берущий начало в относительно недавнем прошлом и пронизывающий настоящее* (все мы свидетели их формирования, развития и даже первых уронов, наносимых ими мировому сообществу), *направлен на будущее*. Притом на далекое будущее не в меньшей мере, чем на ближайшие завтра.

Наш мир вступил в эпоху так называемой *перезагрузки*, которую в мизерной степени можно сравнить с исторически недавней отечественной *перестройкой*. Думается, что и этого достаточно, чтобы понять уровень и масштабы грядущего. За перестройкой ничего особенного не было, — она даже не была каким-то образом спланирована. Судя по всему (особенно, по ее итогам), в представлениях зачинателей перестройки было достаточно «ввязаться в бой», а дальше ситуация сама должна была себя вести. Она и повела, и даже довела, и мы знаем — куда. Примерно такое же положение складывается с глобальной перезагрузкой, *инициаторы* которой, в отличие от советских перестройщиков, имеют некий план, который уже начал реализовываться. Чуть выше по тексту нами было упомянуто слово «контекст», еще и с определенными пояснениями. Это не случайно. Дело в том, что для перезагрузки (своими авторами она обозначается как «*великая перезагрузка*») определен вполне себе наукообразный контекст под названием «*инклюзивный капитализм*». Что это такое с точки зрения терминологии, полагаем, читатель разберется сам, но хотелось бы сосредоточить внимание на некоторых деталях предлагаемой в качестве глобальной формации экономической системы.

Само понятие было введено в научный оборот профессором Мичиганского университета Прахаладом Коимбатуром Кришнарао (1941–2010) в книге «Удача на дне пирамиды», в предисловии которой автор задавал вопрос: «Почему мы не можем создать инклюзивный капитализм?». «Инклюзивный» (англ. inclusive) переводится как «включающий широкий круг предметов и явлений» и знаком значительному числу людей по названию туристической услуги «всё включено» (англ. all inclusive). Но более чем интересно значение данного термина, которое выдает *нейросеть*: «Инклюзивный означает „включающий, охватывающий“ и *подразумевает создание среды, где все люди, независимо от своих особенностей, чувствуют себя принятыми и уважаемыми*. Это касается образования, работы, общественного пространства и других областей. Инклюзивный подход направлен на то, чтобы *все люди имели равные возможности и могли участвовать в жизни общества наравне со всеми*» (курсив мой — И.Г.). Это объяснение характеризует не только *авторов проекта «инклюзивный капитализм»*, — оно сообщает нам кое-что и об *искусственном интеллекте*, — как минимум, говорит об *уровне его управляемости*.

Вообще-то данный проект — *плагиат* фашистской идеи Бенито Муссолини, который предполагал *союз государства и синдикатов*, — суть «инклюзивного капитализма» заключается в объединении государства с транснациональными корпорациями, а если использовать современную, более откровенную, можно сказать, даже слишком «искреннюю» терминологию, то с *глобальным олигархатом*. Более близкие по времени *исторические корни* «инклюзивного капитализма» заключены в *конвергенции* западного капитализма и советского социализма, опирающейся на два вида *прогрессизма* — левого (СССР) и правого (Запад). Но вдохновились «инклюзивисты» не только историей, но и, возможно, в первую очередь, слишком большими богатствами, оказавшимися в их распоряжении, и вытекающими отсюда *вседозволенностью и безнаказанностью*. Как ныне говорят, *триггером* для решительных шагов для них послужило *наступление компьютерной эры*. Но *революционная специфика* инклюзивного момента заключается именно в обозначенном чуть выше *союзе*, так как таким образом из глобального социального пространства выводится (изгоняется) его важнейший актор — общество (то есть, если эти планы сбудутся, то можно будет попрощаться как с демократией и выборами, так и с главным действующим лицом — избирателем; без главенствующей роли социума ни одному из этих акторов в политической системе места нет). Выразимся более конкретно: общество, и так с трудом сохраняющее свою *субъектность* в нелегких взаимоотношениях с государством, превратится в *объект* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Взамен, а значит вместо общества в новой реальности — в условиях так называемого *частного партнерства*, актором общественного управления станет *система транснациональных компаний* (маловероятно, что нынешние *реформаторы от больших материальных состояний* способны на изобретение чего-то особенно нового, — следовательно, систему изобразит нечто вроде совета директоров и не более) [см. 1].

Слово «капитализм» в названии новой идеи не совсем к месту. Как когда-то первобытно-общинный строй, рабовладельческая система, феодализм и социализм, так и капитализм в качестве общественной формации проявлял и проявляет себя с разных сторон и в данном восприятии *далек от стандартов*. Он отличается как от страны к стране, так и от этноса к этносу. Как бы человечеству ни навязывались различного рода *симулякры принципов*, как бы народы таким образом ни закрывались в своих этнических, государственных, традиционных, ментальных и иных границах, мир един в своем понимании окружающей реальности в той же степени, как и различен в восприятии. Иначе говоря, промежуток между восприятием и пониманием обычно заполняется специфическими смыслами, окрашивающими оказавшиеся в нем понятия в разные цвета. Кое-что разработчикам симулякров удастся. Нет ничего случайного в том, что соседствующие тысячелетиями народы познают друг друга *не непосредственным общением и взаимодействием, а через навязанные позитивные и негативные стереотипы*. Видимо (по крайней

мере в отношении этносов), в том числе и данным аспектом общественной ситуации «инклюзивисты» вдохновляются. К тому же относительно небольших материальных, информационных и интеллектуальных ресурсов достаточно, чтобы народам, веками живущим душа в душу, *навязать* какие угодно шаблонные представления.

Ладно бы только социальные и национальные стереотипы, — положение человечества уже таково, что людям *навязываются знания*. Речь не только о том, что большинство склонно потреблять исключительно рекламируемые ценности, — проблема гораздо глубже. *Психологические технологии* позволяют отдельным бенефициарам проникать в человеческие предпочтения практически во всех сферах. Удивительно, но модным может быть что угодно, хотя и это далеко не всё. Люди (нередко целые сообщества, этносы и народы), находясь внутри *информационной ямы*, свою жизнь строят по чужим — навязанным, более того, кому-то нужным *лекалам*. Исходят из *пропагандируемой истории* собственного прошлого, пребывая в *диктуемой со стороны системе ценностей*.

«Инклюзивисты», в течение долгих десятилетий (как минимум) готовившиеся к своей решительной атаке и на этом пути сумевшие превратить *одно из самых великих изобретений цивилизации — государство*, призванное управлять общественным пространством, — в *операционную систему* (почти в полном смысле слова), теперь, видимо, выйдя, по их мнению, на финишную прямую, почти ничего не скрывают. Если не обо всем, то точно о многом говорит то, что они своей главной удачей считают *проведение пандемии COVID-19* и называют ее «окном возможностей», заявляя, что за полгода пандемии сумели реализовать задачи, на решение которых в обычных условиях понадобились бы десятилетия.

За кулисами мировой политики, объявленной делом «великих», им удалось не только сформировать *свою обособленную от общественного поля инфраструктуру*, но собственную, лишенную всякой человеческой морали, *этику*, в пределах которой *возможно практически всё*, что человечество считает аморальным (тем, что *вне морали*). Скорее всего опираясь, во-первых, на материальные возможности, во-вторых, на глобальный административный ресурс (редко кто из глав государств и руководителей наднациональных организаций посмел возразить по поводу названной пандемии), они действуют открыто, полагая, что у них всё идет как по маслу. Но как обычно бывает в таких будто бы уже решенных вопросах, есть одна проблема, с которой, судя по крайне невыполнимым обещаниям «инклюзивистов», *переформатировки* глобального мира пока не знают, как поступить. Речь о *легитимации*, которую в течение какого-то времени можно не замечать, отмахиваться от нее, загонять во тьму незнания, скрывая за толстыми политическими «шторами», но через нее невозможно перепрыгнуть. Какой бы диктаторской или тоталитарной ни была власть, всякий раз наступает время, когда приходится *держат ответ* по поводу легитимности, у которой сегодня есть только

один источник [вокруг «инклюзивного капитализма» успела образоваться своего рода инфраструктура, включающая в себя не только его сторонников и противников, каждый из которых исходит из собственных соображений, а иногда — и интересов, но и литературный фон: см.: 2, 3, 4].

Это раньше таких источников было несколько. Когда-то в глубине эпох почти во всех сообществах *легитимность достигалась силой*. Это было, во-первых, физически затратно, во-вторых, ненадежно — на одну силу довольно быстро находилась другая. Но несмотря на это превращающее сохранение власти в весьма шаткое обстоятельство, тот вариант держался многие тысячи лет, так как это было время, когда сила по своей значимости существенно превосходила *интеллект*. Затем в «моду» вошло получение *легитимности от бога*, кое-где практикуемое по сей день. Относительно недавно — несколько веков тому назад, человечество обнаружило не то что бы более надежный, а скорее всего более транспарентный вариант использования для обретения легитимности так называемого *общественного договора*. Именно так называемого, так как этот общественный договор никто и никогда в глаза не видел, но он каким-то чудесным образом, притом полагаясь практически исключительно на интеллект, сработал. А местами и ныне работает. Возможно, его действенность была связана с *разностью интеллектуального багажа индивидов* — большинство, которому он был непонятен, воспринимало его как некую «вещь в себе» и слепо верило, что он где-то есть. И этого хватало. Правда, была проблема, и она заключалась в том, что от общественного договора сильно веяло *абстракцией*. Может быть, поэтому его век оказался не таким длинным, как у грубой всесокрушающей силы. Как бы там ни было, в итоге в той или иной мере и по-разному, но к нашему времени все названные версии добывания легитимности *морально устарели*.

Да и время потребовало чего-то более *рационального*, и человечество остановило свой взгляд на когда-то чуть ли не случайным образом придуманной и в течение долгого времени считавшейся не совсем пригодной форме правления — *демократии*, которая более чем неожиданно обнаружила себя с различных и очень интересных для политических процессов сторон и пригодилась. Выяснилось, что она, всеми фибрами (именно в первоначальном понимании) своего существа *опирающаяся на общество, социум и, как ни странно, на индивида*, то есть на так называемого *простого человека*, может предложить наиболее надежную вариацию получения легитимности. В итоге *источником власти был объявлен, а главное, признан народ*, который сегодня с разным уровнем успешности и надежности выполняет в том числе (без отрыва от своих постоянных обязанностей) *функцию производителя законности* практически любых форм власти.

Можно предположить, что «инклюзивисты», увлекшись *технологиями хаоса* пандемийного характера, внутри которого намереваются разыграть *свою партию*, момент легитимности не продумали. Искать ее в морально

устаревших направлениях они не сочли целесообразным и поэтому, как и все *соискатели власти*, хотели бы обратиться к народу. Судя по всему, разговаривать с ним и на его языке они не умеют, потому и пытаются строить диалог по собственным правилам лоббизма, коррупции, откровенных и неявных взяток, посулов, уговоров, а нередко и угроз. Обещают самое желаемое и недостижимое для каждого индивида — *счастье*. Как бы ставят во главу угла не только рациональность, целесообразность, здравый смысл, но и *гуманность и человеколюбие*. Неслучайно, что в числе предлагаемых ими реформ первые места отведены на создание более *справедливой и устойчивой системы, которая включает в себя повышение минимальной заработной платы, инвестиции в образование, упрощенный доступ к кредитам для семей и бизнесов с низким доходом, справедливое налогообложение, регулирование финансовых рынков*. Все их реформы в сочетании должны привести к *надежному экономическому росту, снижению общественного и экономического неравенства, социальной стабильности и так далее* [см. 5].

Но не зря сказано: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7:20). А «плоды» уже были. Кроме самого запоминающегося из них — *глобальной пандемийной аферы*, много чего не менее негативного случилось и продолжает случаться. Как минимум, состоялась «проба пера» — *Всемирная организация здравоохранения* (ВОЗ) под предлогом защиты здоровья сумела добиться немислимого, на время пандемии (на довольно долгое время) *остановив практически всю человеческую деятельность*. Этим она, в определенной мере *отодвинув в сторону* глобальную государственную систему, более того, *используя ее структуры* (чуть ли не до армии добралась), совершила переворот в управлении миром в частных и корпоративных целях. Здесь важно, что случился *прецедент*, который может открыть дорогу к повторениям состоявшейся ситуации. Дальше всё можно сделать с меньшими ресурсами и с большей смелостью, — посредством *преумножения* прецедентов (создания их множества) уже несложно сделать прецеденты *обычным делом*. С учетом того, что прецедент получился обширным, и в его контенте оказался в том числе и *подрыв общественного психического здоровья*, то возможные последствия случившегося не до подробностей, но почти очевидны.

На деле и практически в максимальной степени прошла *апробацию* такая *легитимная мера* государственного уровня, как «*чрезвычайное положение*». Уверен, что мы о нем еще не раз услышим в контексте введения «инклюзивного капитализма» или при продолжении «четвертой промышленной революции» (оба названия условны — возможно, носят в некоторой степени *кодовый* характер и со временем будут заменены на более откровенное обозначение вроде «нового дивного мира» [6]). Выяснено, что оно открывает перед новореформаторами, только приступающими к *ручной смене социальной формации*, невиданные горизонты. Одно то, что через применение «чрезвычайного положения» можно расширить масштабы так называемых непопулярных мер, особенно на начальном этапе «революции»,

стоит многого. Оно позволяет (притом в том высоком смысле, что делает легитимным) по-новому оформить мир, не оставляя в нем места ни морали, ни справедливости, ни логике; как это ни странно, одним лишь неприятием устраняет с общественного поля и закон вплоть до его высшего значения — конституции; может заменить пестрый во всем мир на *бинарное представление* (хорошо-плохо) и вводить в него *ранее неприемлемые* новые понятия. И так далее.

Надо сказать, что в ситуации с «инклюзивным капитализмом» чрезвычайное положение и весь остальной технический и организационный инструментарий имеют, как и обычно, подручный — временный — характер и такое же краткосрочное значение. Мир еще может быть свидетелем *открытых судебных процессов* над изобретателями пандемийного вируса, производителями вакцин, в одночасье ставших обладателями крупнейших государственных заказов глобального уровня, авторами и исполнителями физических, физиологических, психологических, гормональных и, наконец, экономических и политических манипуляций над массами людей, но важно понимать, что и они (судебные процессы) могут быть *частью «революции»*, а значит, очередной драмы, постигшей человечество. В настоящее время, находясь внутри *назревающей* деструктивной ситуации, цивилизация не видит различий между реальными делами и фоном, как их прикрытием. Пламя войны и дым конфликтов и противостояний, возгорающихся то тут, то там, по всему свету, не только многим народам, но и преобладающему большинству государств застилают глаза и не дают разобраться в том, что в действительности происходит с миром, а значит, и с ними *посредством введения единых смыслов, общих для всего человечества правил, всевозможных стандартов и шаблонов поведения* и так далее.

«Инклюзивисты», в собственном представлении «ухватившие бога за бороду», видят себя практически у цели; они осмелели настолько, что с определенной регулярностью выпускают на политическую арену *популистов* (Дональд Трамп — США; Хавьер Милей — Аргентина; вообще-то имя им — легион) и так называемых *«технократов»* (особенно тех, которые не просто уверены, но и рассчитывают на то, что «Атлант» рано или поздно «расправит плечи» [7], вроде Питера Тила и Илона Маска — США), притом в качестве как «запасных», так и «основных игроков».

Поскольку в нашем мире каждый хорош на *своем* месте (высочайшего уровня летчик-истребитель вряд ли может быстро освоить профессию пилота пассажирского лайнера), то пробные (обычно настоящие, но бывает, что и условные) «технократы», функциональные в кругу собственных, зачастую весьма гибких правил, встав к рулю (или около него) власти, по жизненной необходимости живущей и действующей по жестким законам, естественным образом исходят из *собственных знаний* и не просто очень быстро оказываются в *оппозиции к государственной системе*, но и приступают к ее *ломке*. А это, может быть, не сразу, а с отложенным эффектом, но

обычно (почти всегда) приводит к достаточно масштабным трудностям, из-под груды которых не всем удается выбраться без различного рода потерь.

Надо понимать, что *реальные технократы* — это выходцы из научной среды, если выразиться точнее, то приверженцы точных наук. Как правило, они далеки от гуманитарных знаний и в этом смысле в большей степени ведомые, чем ведущие. Ведь *если точные науки можно уподобить фонарику, то гуманитарные дисциплины — это компас*. Оказавшись в сфере политики и государственной службы, особенно в качестве руководителей, технократы пытаются, исходя из *собственного «устава»*, вносить в незнакомую им более чем *гибкую среду* собственные *строго линейные правила* — ту самую черно-белую бинарность. И почти всякий раз терпят фиаско. Дальше в дело вступает обычная людская *психология* со своими представлениями, эталонами, трафаретами, штампами, формулами, а нередко — ожиданиями, стремлениями, амбициями и тщеславием, приводящими к соответствующим результатам.

Есть тут и частного свойства проблема. «Противники» государства, рвущиеся к тому, чтобы посредством всяческих манипуляций, технологий, тактик и стратегий *ставить его себе на службу и тем самым уничтожить* как систему, *все свои состояния* заполучили, урвали и, если даже заработали, то заработали в *пределах государственного устройства и благодаря его правилам*. В этом обстоятельстве кроется еще одна, весьма значимая непредсказуемость. Более того, она заключает в себе один из множества моментов, который явно не запланирован. И в этом нет ничего удивительного, — история показывает, что революционерам (как и мятежникам, бунтарям, зачастую — даже радикальной оппозиции) вообще несвойственно *просчитывать свои действия* хотя бы на несколько ходов вперед. Нет никаких сомнений, что в случае своей победы (*по определению невозможной*) «инклюзивисты» сразу за первым поворотом истории окажутся не перед дилеммой, трилеммой или квадрилеммой, а целым сонмом полилемм, требующих немедленного решения.

Расчет на популистов и «технократов» (в отношении первых пояснения не требуются, что касается вторых, то речь здесь не о профессионалах технических отраслей, на которых практически вся экономика держится, а о тех самозванцах, возомнивших себя всезнайками, в том числе и в политических вопросах) может оправдать себя в более чем краткосрочной перспективе: первые чуть ли не физически состоят из одной лжи, у которой для стайерских дистанций ноги коротки; вторые *что-то* знают только в одной — *своей* — сфере, тогда как государственное управление нуждается в знаниях не только во многих областях и отраслях, но и как в огромном числе стихий, совокупностей, общностей, характеристик и тому подобного, так и в опыте.

Особенность классического «технократа» (за которых, как правило, выдают бизнесменов, в основном скороспелых богачей, ставших

миллиардерами под «крышей» государства и в государственной системе ценностей) заключается в его уверенности в том, что *он все умеет* (то есть может стать очередным «гегемоном»), а вот *народ ничего не умеет* (кстати, эта мысль в течение последних двадцати лет усиленно внедряется в головы людей). Почти любой из них, хотя бы одним пальцем зацепившийся за власть и оказавшийся в ней в качестве номинального «придворного», первым делом пытается *сократить (секвестировать) хоть что-нибудь*, а в основном — социальные расходы, не понимая, что всё его благополучие базируется на них, так как *между этими расходами, то есть социальностью государства и покупательской способностью связь прямая*.

Рассуждая шаблонами из школьных и университетских учебников, «технократ» кивает на рынок, что, мол, он всё расставит по своим местам. Хотя мог бы надеть на себя еще одни очки или внимательнее взглядеться, чтобы понять: во времена Адама Смита (XVIII век) ситуация как в экономике, так и в политике и общественной жизни была кардинально иной. На стороне рынка (по мнению Смита — всемогущего) выступали *кроме государства, власти, общества, еще и мораль (традиционная и религиозная) и человеческая ментальность* (неслучайно, до того, как взяться за свой великий труд о рынке [8], А. Смит написал книгу о *морали* [9]). При этом на всякий случай наготове находился *эшафот с плахой и виселицей*.

В нынешней действительности идея с «технократами» переживает свое развитие, — всё чаще то тут, то там (в разных странах) «технократы-бизнесмены» ни с того, ни с сего, оставляя свое процветающее дело (или передавая кому-то), то есть как бы отказываясь от карьеры, наработанной в известных корпорациях (в том числе транснациональных), *переходят на государственную службу*. Бывает по-разному, но очень часто они затем — через некоторое время и как бы по команде — возвращаются на свои места и к своим делам, будто побывав «своими среди чужих» и, пройдя некоторую практику по системе «*вращающихся дверей*». Складывается впечатление, что таким образом «инклюзивисты» *готовят кадры* для скорого будущего, расширяя «скамейку запасных» (кадровый резерв) за счет вливания «свежей крови». *Обратный процесс*, по крайней мере в той или иной регулярности, почти *не наблюдается*, — время от времени люди с государственной службы переходят в бизнес, но, как правило, не с целью его изучения изнутри, а зачастую навсегда (или насколько получится).

Еще одна «технократическая фишка» — *сокращение рабочих мест*. В сознании «технократа» следующему после этого сокращения шагу места нет. И когда он сталкивается с жизнью в лице безработицы и, соответственно, социальной напряженности, то, ни на минуту не задумываясь, объявляет граждан, оставшихся без работы, «*лишними людьми*». По этим и многим другим причинам опыт, сложившийся в последние полвека, свидетельствует о том, что «технократы» почти во всех действиях в качестве государственных

мужей оказываются своего рода «антимидасами»¹, превращая далеко не в золото всё, до чего дотягиваются, а особенно — дотрагиваются.

Разумеется, «инклюзивистам» и в голову не приходит на самом деле и в полной мере полагаться на популистов и делать ставку на «технократов», которых они «берут на вооружение» для решения промежуточных задач. Идея, особенно по поводу последних, простая, — понимая, что многие «измы» из-за долгого потребления истрепались, а главное, дискредитировали себя, они на каком-то этапе реализации своего проекта *могут изъять из его названия слово «капитализм»*. В запасе у них наверняка припасены всевозможные обозначения отвлекающего характера, но чем плох термин «технократия», вполне сочетаемый с «инклюзивностью», с которой новые реформаторы явно (судя по частому ее присутствию в различных — как в официальных и научных, так и информационных и художественных текстах) уже определились. К тому же он вполне подходит для того, чтобы с относительной безболезненностью быть *переименованным (или переделанным)* в словосочетание «технократическая диктатура».

С подачи самих «промышленных революционеров» экспертное сообщество называет их «инклюзивистами» (да и мы в своем повествовании их так обозначаем), придавая обычному *олигархату*, в значительной степени являющему собой сборище нуворишей, толстосумов, банальных воров и коррупционеров, некое загадочное значение *новоявленных спасителей* разумной цивилизации. Понятно, что, несмотря на фундаментальную подготовку, создание соответствующей ситуации, масштабность деструктивных проектов и практически невиданный напор и давление, оказываемые ими, с одной стороны, на мировое сообщество, с другой — на глобальную государственную (политическую) систему, всё затеянное — *не более чем фрагмент* в истории человечества.

Возможен и такой вариант (это в обозримом будущем должно выясниться), что *общемировой «фурункул»*, включающий в себя фиктивную экономику, безнравственную политику, масштабную несправедливость, то же неравенство, повсеместную ложь, симулякры реальности и многое другое, *созрел и нуждается в спускании всего накопившегося гноя*. Ведь не общество, на которое направлено острое «отравленного меча», и не государство, выбранное как возможный источник легитимности (если с обществом договориться не удастся) нового миропорядка и заодно его основателей и правителей, а именно сами «инклюзивисты» торопят события, предлагая то *убивать всех коров* (при наличии десятков тысяч промышленных предприятий, загрязняющих окружающую среду, оказывается, это коровы выделением метана приближают глобальное потепление), то *перейти на новую диету из насекомых* (якобы еды на всех не хватает), то *регулировать*

¹ Мидас — в греческой мифологии царь, за заслуги перед богом Дионисом получивший по своему желанию особый дар: всё, чего он касался, превращалось в золото. В итоге мог бы умереть от голода, но ему удалось выкрутиться — он покаялся и уговорил Диониса забрать дар обратно.

численность населения Земли посредством уничтожения большей части людей, то доставая из-под полы давно уже устаревшую чушь, подразумевающую разделение мирового сообщества на *пресловутый «золотой миллиард»* и всех остальных и так далее.

По всему миру тех же «лишних» людей — уже миллионы. Кто даст гарантию, что завтра (пока только условно) «инклюзивисты» или кто-то другой с их подачи не предложит *лишить их права голоса*. Предлогом может быть что угодно вплоть до истории и рациональности. Для начала — мол, пусть голосуют только те, *кто платит налоги*, чуть позже — исключительно те, *чьи налоги превышают определенную сумму*, а затем можно и на древних греков с их «демосом» сослаться (это слово означает «имеющие право»; в перечне состоятельности «демос» следовал за «олигархией») и заявить, что право голосовать может быть представлено только умеющим сочинять стихи и играть на музыкальном инструменте. Пусть «демос» (*специалисты, та же технократия*) правит, «плебос» (*простолюдины — те, кому можно голосовать*) выбирает, а «охлос» (*толпа, маргиналы*), как и «метеки» (*свои, но пришлые; понаехавшие и не сумевшие влиться в «плебос»*), в расчет не принимаются. И никакого «лаоса» (людей или в целом народа). И так далее. Чем не система?! А «олигархии» незачем пачкать руки о власть, — ее место за кулисами, к которым тянутся все нитки и откуда все решения диктуются.

Свой проект «инклюзивисты» называют «новым мировым порядком», условным (а может быть, и действительным, так как, несмотря на присутствие в наименовании идеи термина «капитализм» и, если исходить из обещаний авторов человечеству, — «у вас ничего не будет, но вы будете счастливы», — он выглядит *обновленной версией «коммунизма»*, который его основоположники в первом предложении своего манифеста назвали «призраком» [10, с. 23]) «политическим бюро» которого выступает *Всемирный экономический форум (ВЭФ)*, ежегодно собирающийся в швейцарском городе Давос. 19 мая 2025 года они сумели добиться (притом на уровне *Всемирной организации здравоохранения*, которой явно пора менять свое название *на более подходящее*) решения по принятию своего рода руководства к действию под видом «*Пандемического соглашения*», подписанного 124 (!) странами (всего 11 государств воздержались от голосования), которое, возможно, приходит на смену понятию «*общественный договор*», но только во вполне реальном воплощении. Кстати, судя по ее активности, за ВОЗ закреплено еще одно задание: *унифицировать* все медицинские и иные подобного рода *протоколы* так, чтобы прекращение общественной (а кое в чем и государственной) деятельности было элементарным делом.

Переход к «инклюзивному капитализму» (этот термин мы и дальше будем брать в кавычки, так как он, будучи *абсолютной фикцией*, ни в проектом, ни в возможном, а тем более в исполненном варианте ничего общего с реальностью не имеет, — это такая *антитеза утопии*, вроде *победы разума над добром*, — *дистопия, облеченная в одеяния социальной*

программы) обозначается как «четвертая промышленная революция» [см. 11]. Предполагается, что она будет осуществлена (или уже осуществляется) с опорой на компьютерные технологии, в основном на *цифровизацию и искусственный интеллект*. О *категориальном аппарате* этого проекта мир в большей или меньшей мере осведомлен, так как он в разных формах, с разной интенсивностью и посредством всего, чего только можно, но в том числе науки, культуры, искусства, всевозможных ценностей, различного рода стереотипов, перманентно навязывается человечеству в течение нескольких десятков лет, а особенно интенсивно — начиная с последней четверти прошлого века. Здесь и *умные города, умные дома, био- и геоинженерия, новая нормальность, макрзоны, кластеры, прорывные технологии, уже упомянутое устойчивое развитие, антропологический переход, «зеленая» проблематика, нанотехнологии, трансгуманизм, культура отмены, неоглобализм (видимо, как новый виток коммерческой глобализации), те же цифровизация с нейросетью* и так далее [см. 12].

Легко заметить, что в данном перечне *нет ни выборов и референдумов, ни демократии и народовластия*, — не исключено, что их, а вместе с ними многие гуманитарные понятия «инклюзивисты» *готовят к изгнанию* из актуальной мировой повестки. Зато есть, например, абсолютно нелогичная и по определению невозможная *вечная жизнь*, посредством которой «инициативная группа» нового «миропорядка» пытается «зацепить на крючок» и «перетащить» на свою сторону тех, кто обладает различными материальными и/или масштабными административными ресурсами. Или *аутсорсинг*, предполагающий, что чуть ли не все вопросы из сферы государственной деятельности можно передавать для выполнения сторонним (частным) организациям. То есть *для аутсорсинга запретных сфер нет*, хотя ясное дело, что посредством подобных форм *делегирования*, во-первых, и государство, и власть лишаются определенной части своих полномочий, а во-вторых, зайдя куда-то, аутсорсинг может оттуда что-то (очень может быть, запретное и нежелательное для чужих глаз) выносить. Параллельно в сознание людей вводится перечень элементов *отвлекающей терапии* вроде полета на Марс (расстояние до которого составляет 360 миллионов километров; для сравнения — расстояние до Луны — чуть меньше 385 тысяч километров), находящаяся у порога ядерная война, всякие алармизмы и катастрофы, какие-то глобальные вызовы (как будто возможны вызовы нерукотворного характера), которые прикрывают собой *античеловеческие эксперименты*, имеющие место уже в наши дни, — *пробные введения систем социального рейтинга и социального кредита*, по сути дела, *цифровизации жизни* с целью полного подчинения общества неизвестно кому.

При *полноценном властвовании над средствами массовой информации*, то есть при их практически полном подчинении, принцип действия «инклюзивистов» может быть (да и зачастую является) весьма примитивным: сначала в противовес мудрому предупреждению Уильяма Оккама о том,

что не следует множить сущее без необходимости, или иначе — не нужно привлекать новые сущности без крайней на то нужды, а значит — приумножать смыслы [13], в общественное пространство вбрасывается некое доселе неизвестное понятие из вышеизложенного перечня или в виде, например, *социального и биологического хакинга*, в реальности означающего набор способов «взлома» общественных и жизненных процессов. В то же время оно представляется как *система средств, «направленных на улучшение физического и психического здоровья, а также на повышение качества жизни за счет оптимизации различных факторов, таких, как питание, сон, физическая активность, психоэмоциональное состояние и использование различных технологий и средств. Он основан на применении научных знаний и технологий для индивидуальной оптимизации организма»* (так говорит искусственный интеллект — при других обращениях он может ответить несколько иначе, но суть его определения будет такой же). Так как не все люди верят в подобные объяснения, дальше можно полагаться на «окно Овертона» с довольно широким диапазоном, включающим в себя шесть этапов воздействия на разум общества: от «немыслимо» и «радикально» до «приемлемо» и «разумно», затем «популярно», а в итоге — «государственная норма».

Всё обстоит намного хуже *в сфере военно-промышленных комплексов* отдельных стран, охваченных *милитаризацией*, которая, глубже проникая в содержание и суть социума и тем самым *милитаризируя общественную жизнь*, в меньшей степени касается войны и мира, производства оружия, в общем вооружения и вооруженных сил, чем корпораций, задействованных в данной среде. Притом значительной частью в смысле «отмывания» денег.

В этих и им подобных вопросах государство *пожинает плоды своих деяний*. В свои «тучные годы» оно под руку с властью во имя сиюминутных и эфемерных задач лишает силы *своих союзников*. В первую очередь *социума*, сужая поле его деятельности, ограничивая развитие и тем самым замедляя его эволюцию в сторону возникновения, формирования и становления *гражданского общества*. Во вторую — *СМИ*, как независимого эксперта и исследователя, способного придать общественному пространству, политической системе, экономике и социальной жизни *прозрачность и гласность*. В третью — оппозиции, которая может послужить как власти, так и государству, пусть и не бескорыстно, но точно безвозмездно, *критиком, указывающим на случившиеся и возможные пробелы в их функционировании*. И тому подобное. И тем самым, во-первых, *отдаляет от себя* естественных союзников, а в особых случаях — и народ; во-вторых, *рубит сук, на котором сидит*. А в современной действительности, еще и *льет воду на мельницу своих врагов, в частности, «инклюзивистов», как собственных могильщиков*.

Здесь учесть нужно многое. В частности, на *фоне одной лишь пандемии* «инклюзивистам» удалось заполучить доступ к национальным бюджетам, да так, что прямо сейчас на одни только ожидания появления болезней («новых ковидов») ежегодно выделяются десятки миллиардов долларов,

хотя уже не раз доказано, что так называемые новые болезни — это *результат давным-давно наличествующих патогенов*, которые в прошлом из-за недостаточности научных возможностей нельзя было обнаружить. Таким образом, государственные бюджеты тратятся по *технологии реагирования*, — на то, что еще не случилось, и даже неизвестно — случится ли. Одновременно сокращается выделение средств на устранение реальных болезней, тех же туберкулеза и малярии, от которых человечество продолжает страдать. Именно по итогам *пандемийной истории*, когда *практически весь мир* был загнан под домашний арест (здесь точно кавычки не нужны), «инклюзивисты» настолько *осмелели*, что публично обсуждают *не только интеллектуальную деградацию* достаточно большого числа *политических лидеров высшего порядка*, с подачи продажной журналистики ставших *посмешищем* {очень может быть, что в данном вопросе присутствует подспудная задача превращения одних формальных национальных лидеров (кого посредством возможностей СМИ можно объявить достойными) в соучастников собственных «делишек», а других (тех, кого можно подкупить и включить в свои ряды в качестве пехоты или младшего командирского состава) — в поделывателей} или *реализацию пандемийных проектов в будущем*, но и *превращение человека в объект трансформации в абсолютно прямом понимании*.

Несложно заметить, что, по существу, речь идет не о каком-либо мировом порядке, так как само слово «порядок» и изначально означало совершенно другое, и сегодня на ментальном уровне воспринимается далеко не в технологическом качестве. Суть и содержание порядка таковы, что он не терпит *логических пробелов*, из которых чуть ли не целиком состоит «инклюзивный капитализм». Порядок в людском и общественном восприятии (а более высокого по своему значению восприятия не существует) состоит *сначала из морали, и только затем — из закона*. Выдавая *тоталитаризм* за порядок, притом за новый и мировой порядок, новоявленные реформаторы в корне заблуждаются в отношении общества. Им бы не помешало хотя бы почитать вузовский учебник по всемирной истории, и они точно обнаружили бы в нем то, на что обречен их проект, больше похожий на *пустую матрешку* (а скорее всего, и являющийся ею).

Поскольку лица, выступающие проводниками «инклюзивного капитализма», явно *всего лишь исполнители*, нам не известно, кто стоит у истоков проекта в качестве как «кукловодов», так и главных выгодоприобретателей. Даже не знаем, в чем здесь выгода. Ведь одной цифровизации достаточно, чтобы собрать в общую казну и, если не присвоить, то контролировать все ценности мира. Казалось бы, зачем городить огород дальше? Можно предположить, что цели «революционеров» распространяются на гораздо бóльшую территорию, чем мы ныне предполагаем. Следовательно, чтобы разобраться в том, что происходит с миром, то есть с нами со всеми (в том числе и с теми, кто полагает себя неуязвимым в силу статуса, социального положения или чего-то еще), по отношению к выдвигаемым на первый

план категориям, понятиям и особенно явлениям, нужно обзавестись даже не лупой, а микроскопом.

То же вышеозначенное *навязывание информации* — это суть деятельности некоторых (можно считать, что скоро они составят большинство) современных СМИ, которые, прибегая к рекламным технологиям, а точнее, трюкам, (как бы это ни звучало грубо, но во множестве таких случаев речь идет о всучивании и подсовывании) пытаются *оставить след* в сознании людей, а не *донести до них* те или иные новости и сведения, а это значит, выполняют *определенного рода заказ*. Принцип один и тот же, — как «инклюзивисты» *как бы ничего не скрывают*, стараясь *расширить круг «посвященных»*, так и многие средства массовой информации, следуя первоначальному замыслу, добиваются того, чтобы *информация, как всё навязываемое, отвергалась*, но при этом особым образом *запоминалась*. Притом последние, по направлению своей деятельности обязаны бить в набат, *разгоняют информацию*, не раскрывая ее сути. В результате она доходит до общественности в своем *целевом*, а нередко и вовсе *фейковом* варианте. Несложно догадаться, что здесь речь идет об изоцированной, политически и психологически нагруженной форме *общемировой цензуры*. Переформатирование ойкумены происходит почти открытым образом и на виду у всех, но — при застилании глаз как бы многозначительной, но при этом пустой и бессмысленной информацией, точнее, *«информационными погрешностями»* [см.: 14; 15].

Время показало, что империализм империализмом, — *в историческом «аду» у него свое место*, но другой, не менее значимой в своей отвратительности высшей формой капитализма выступает *монополизм*, пространство деятельности которого не только всё больше расширяется, но и подчиняет себе новые уровни и плоскости. Неслучайно, что именно данное разностороннее и вездесущее явление (как бы запрещенное и как бы незаконное, — одни только чуть ли не обязательные к наличию в государственных системах антимонопольные министерства чего стоят), процветающее пышным цветом практически всюду, выбрано в качестве одной из важнейших опор «инклюзивного капитализма». «*Близнецом*» монополизма, также порожденным капитализмом, является *либерализм* — прародитель большинства (если не всех) современных «измов», в течение веков *изображающих «борьбу нанайских мальчиков»* на либералистском «ковре». Кстати, в возвышении «инклюзивистов» и достижении ими столь значимых высот в политическом пространстве немаловажную роль сыграл либерализм, предоставивший в распоряжение реформаторов, с одной стороны, в качестве опоры, с другой — в виде инструмента, свои *как бы гибкие правила*. Он же, натянув на себя *непроницаемый «капюшон»* свободы, демократии, прав человека и многого другого, вместо того, чтобы выдвинуть на передний план крайнюю необходимость решения реальных цивилизационных и человеческих (глобальных, масштабных и частных) трудностей (голода, нищеты, неравенства, например, того, что одному проценту населения Земли достается 90 процентов

производимой продукции), заполнил глобальное общественное пространство *видимостью проблем, симулякрами назревших решений, подбоями действительных вызовов* времени в самых разных формах и вариациях, начиная от «озоновой дыры», гендерной тематики, феминистской повестки и до глобального похолодания (сначала, то есть совсем недавно — в 90-е годы прошлого века) и глобального потепления (в наши дни).

Спутников и попутчиков у государства предостаточно, но *союзник* у него один, и это — общество, которое никем и ничем незаменимо. То, что в течение многих веков государство *захватывает пространство социума* (чаще несправедливо и незаслуженно, чем наоборот), это их (государства и социума) внутреннее дело. На каком-то из последующих витков истории всё это пространство, возможно, в другом — более развитом и ухоженном виде, вновь окажется у общества. То есть речь идет всего лишь о взаимоотношениях партнеров, действующих в *эволюционный унисон*. Но ныне ситуация такая, что новоявленные глобальные реформаторы *пытаются вовлечь в свои сети государство посредством навязывания ему союза с транснациональными корпорациями (неофашизм)*, по своей сути, представляющими собой *частные организации, раздутые до невероятных размеров* из-за недосмотра контролирующих государственных структур. А значит — трансформировать государство, а вместе с ним, естественно, и власть, в свой инструмент всего лишь за «чечевичную похлебку». На их взгляд (кое в чем и общество так полагает), сотрудничество уже состоялось — *пандемийную аферу* вряд ли бы им удалось провести без привлечения *государственных ресурсов, заключающихся в том числе и в общественном доверии*.

Явно упускается из виду то, что государство — это *институциональная машина*. Оно, конечно, глыба, но при этом *состоит из институтов* как из каменных блоков. Завлечь государство (как явление, то есть любого рода — и так называемые «карликовые государства», и мировые державы с ядерным вооружением и империи) в свои сети «инклюзивисты», возможно, и смогут, но «блоки», обладающие определенной независимостью (чем они самостоятельнее, тем сильнее, устойчивее и сувереннее государство), вряд ли по мановению «капиталистической руки» поддадутся на пустые уговоры; пресловутым «инклюзивным счастьем» их тем более не удастся заманить. При всей своей серьезности государству не чужды манипуляции и игры. Когда замечает, что с ним играют, то оно с достаточным азартом включается в игру. «Инклюзивисты» не первые и не последние, кого государство *переварит и пойдет дальше*, хотя пока делает вид, что поддается, изображая слабость.

Главный ресурс (одновременно и союзник, и напарник, и даже единомышленник), на который оно опирается, из которого черпает свои силы словно из мирового океана, а может быть, как из космоса, практически не тронут и вовлекается в общие проекты исключительно при острой необходимости. Довольствуясь возможностями власти как инструмента

правления, государство, вразрез с пониманием своих врагов и недоброжелателей, в любой момент может обратиться к обществу, и его клич будет услышан мгновенно.

Кроме всего прочего государство *отдалено* от «инклюзивного капитализма» *принципиальными моментами*. Один из них кроется в том, что по своим сути, характеру и предназначению оно ориентировано на консолидацию власти, максимальная централизация которой составляет его жизненную силу, эффективность, действенность, устойчивость и живучесть. В то же время, возможно, главная из начальных задач «инклюзивистов» состоит в фрагментации, а то и распылении власти. Их идея не только в том, чтобы *«поженить» государство и систему транснациональных компаний, а в передаче существенной части власти* как последним (ТНК), так и своим другим предполагаемым, потенциальным и возможным союзникам и подопечным.

То есть в предполагаемой и подготавливаемой системе государству отводится место в одном ряду с его порождением, возникшим совсем недавно. Союз возможен только между равными, — как минимум теми, кто друг друга *воспринимает* как равных. Но государство, обладающее монопольным правом на насилие и, соответственно, имеющее в сфере своего подчинения армию, по определению не может быть равным кому бы то ни было, — тем же транснациональным компаниям, обладающим опытом взаимодействия с частными военными организациями. А если речь идет о том, чтобы вставить ТНК в государственную систему власти в качестве одного из важных элементов (например, вроде парламента), то, чтобы добавить в какую-либо машину новое звено, нужно сначала ее подготовить, определить в ней место для нового устройства, а затем — еще и приспособить к ней детали. Иначе инициатива с обновлением может обернуться немалым числом трудностей.

Так как система транснациональных компаний основывается на всём материальном, а в первую очередь — на владении и той же монополии, а государство — всё же (пусть даже в основном) на принципиально иного рода ценностях, то при их равноправной интеграции, а тем более при попытках подчинения государства каким-то (пусть и очень большим и даже громадным и глобальным) частным лавочкам конфликтов не избежать, притом конфликтов, исход которых более чем предсказуем. Кстати, здесь налицо технократический подход, при котором, как выше было обозначено, люди исходят из первых шагов, но не далее. Хотя кое-что может быть и просчитано.

Новые реформаторы явно не намерены ограничиваться *дроблением государства*. На общественном поле они уже на сегодня достигли больших успехов. Благодаря инертности, а во многом и вовсе бездействию власти и, пользуясь тем, что в странах, где власть уже находится в определенной мере в децентрализованном состоянии, им всё чаще удается *разделять социумы* на полярные по своим повседневным интересам классы и страты. Если сказать коротко, то — посеять рознь, смуту, раздор и откровенную вражду. Для них это некая *лабораторная практика* и своего рода *набивание рук*.

Превращением человека в *объект трансформации*, к которому они уже приступили, «инклюдивисты» вряд ли ограничатся — одним из их следующих шагов может быть *модификация общества* в соответствии с тактическими и стратегическими целями грядущего миропорядка.

Ключевых, стержневых и исходных средств на данном пути немало, но в «инклюдивном» исполнении особое место среди них принадлежит *страху*. Практически любой страх можно использовать в качестве *технологии управления*, но есть виды страха (например, ядерный, довольно долго доминировавший среди себе подобных; в современном мире место ядерной опасности готовятся занять — или встать рядом с ним — не только угрозы, связанные с наступлением эпохи искусственного интеллекта и цифровизации, но и всяких биткойнов и блокчейнов, как вполне обоснованные фобии второго порядка), которые отличаются *фоновыми и отвлекающими свойствами*. Они, словно гонщики на трассе, постоянно *меняются местами*: страх «*озоновой дыры*», отступая в сторону или на запасную полосу, предоставляет место возможному кризису из-за *дефицита пресной воды* или *преобладания в атмосфере углекислого газа*; затем на переднюю позицию может выйти *похолодание/потепление*; так они чередуются, пока на поле страха не появится какая-нибудь эпидемия вроде *свиного/птичьего* и еще какого-нибудь *гриппа*, или уже упомянутой *пандемии* с запоминающимся и пронумерованным (видимо, в силу своей перспективности) названием COVID-19. Здесь можно было бы упомянуть искусственно созданные *источники постоянного беспокойства* (Аль-Каида*, ИГИЛ*, демонизация отдельных этносов, объявление террористическими или изгоями целых государств, записывание в «исчадия ада» обычных людей и т.д.), разработку и вынесение на первый план общественной жизни *внутренних вызовов* в различных видах, но это — другой уровень технологий, в большей мере относящийся к *межгосударственной и внутригосударственной проблематике*, чем к социуму.

Так называемая *новая управленческая модель* — это только в *некоторой степени уловка*, в реальности и по своим целям и задачам она представляет собой *западню, ловушку или капкан*, где одно лишь *обещание счастья* (по сути, «инклюдивисты» больше ничего и не сулят, видимо, исходя из того, что каждый понимает его по-своему: для одних счастье — это всего лишь *постоянный насыщенный хлеб*, для других — уже упомянутая *вечная жизнь*) служит и «*бесплатным сыром*», и основой идеологии. Сразу после того, как проектировщики «нового дивного мира» перестанут нуждаться в легитимации от народа, они потеряют всякий интерес как к людским проблемам, так и к обществу в целом. Уже сейчас в ходу идея о том, что при новой экономической модели *средний класс*, который по большому счету составляет тот самый «демос», по древнегреческим меркам предназначенный для того,

* Организации, признанные в России террористическими.

чтобы править, и составляющий ближайший и важнейший потенциал власти и государства, *не понадобится* [см. 16].

В том числе и в данном направлении (в заманивании социума в «инклюзивную ловушку») определенный опыт есть: тот же капитализм (реальный, нынешний) функционирует и развивается по-разному *в зависимости как от страны, так и от этноса*. В том смысле, что одни страны и этносы находятся в более привилегированном положении, чем другие, и эта ситуация никакого отношения к цивилизационным достижениям не имеет, — *чего бы человечество ни добилося, бедные в глобальном мире остаются бедными, богатые — богатыми*. Несложно заметить, что даже *цифровизация и искусственный интеллект (нейросеть) функционируют и развиваются на конкретном, точнее, национальном, этническом и конфессиональном (на принадлежности к той или иной религии) базисе*. При наличии *сотен парламентов и наднациональных организаций*, как бы находящихся на страже национального и международного права, *человеческий мозг никак законодательно не защищен*, хотя и звучат голоса о необходимости *введения в конституции защиты нейроправ человека*. И это в ситуации, когда практически повсюду правительства могут *обладать бóльшим объемом информации* об индивиде (человеке, личности, гражданине), чем он сам о себе знает.

На фоне неявного противостояния между существующим и наступающим порядками, а точнее, между в большей или меньшей степени устоявшимся порядком и беспорядком, в котором «инклюзивисты» намереваются, как в мутном омуте, наловить «рыбы», постепенно достигающим *своего апогея* прямо в наши дни и на наших глазах, свежее испеченные реформаторы глобального мира со всеми своими миллиардами и триллионами, транснациональными компаниями, купленными на корню наднациональными организациями напоминают ту мышку из притчи, которая, накопив жирка, осмелела настолько, что стала дергать льва за усы. В той истории дело заканчивается почти мирно: лев, наконец заметив того, кто мешает ему подремать после сытного обеда, поднимает свою лапу, кладет ее на мышку и слегка придавливает, пока весь жирок, а вместе с ним и вся смелость из нее не выйдет. По отношению к своим противникам государство может быть *не столь милосердным* и, скорее всего, наступит на них так, чтобы *окончательно уничтожить*.

В отличие от умных, хитрые, как правило, полагают себя всезнающими до такой степени, что, когда за счет своей хитрости достигают каких-то более или менее значимых целей, тут же всех вокруг записывают в дураки и ведут себя так, будто и ветер дует, и дождь идет по их указаниям и приказаниям. «Инклюзивисты», провернув пару «делишек», — кого-то в президенты провели, где-то переворот устроили, а то и сумели разжечь огонь войны, — умудрились зафиксировать себя *в разряде «сильных мира сего»* и считают, что они и есть *распорядители миропорядка*. А со временем, заполучив в союзники государство, рассчитывают *прибратъ к рукам и то*

социальное пространство, которое общество практически безропотно — не из-за своей слабости, а исходя из общих эволюционных интересов — из столетия в столетие уступало государству.

Одним лишь союзничеством планы мечтателей «нового дивного мира» не ограничиваются. Это на этом «берегу», принадлежащем обществу и государству, они такие сладкоголосые, — как только «дело» состоится и «инклюзивисты» почувствуют под ногами почву другого «берега», *государство будет списано со всех счетов; обществу повезет больше — его трудоустроят*, правда, только на своих условиях и на заднем дворе наступившего мирового порядка, — возможно, *технократии*, а может быть, и открыто действующего *глобального тоталитаризма*. В отношении «сатанинского» правила «разделяй и властвуй» ничего в нашем мире не изменилось: сначала *оторвав власть от государства, затем — государство от общества*, а со временем раздробив его на структурные единицы и подчинив себе каждую из последних в отдельности, «инклюзивисты» полагают, что сумеют *разделаться с государством*, которое в конце концов останется как без своих инструментов функционирования и воздействия, так и единственного и важнейшего союзника. И только тогда (по их предположениям) они приступят к решению *своей главной задачи — переделу мира*.

Понятно, что дело ничем хорошим не кончится, в том числе и для «инициаторов-революционеров», — рано или поздно или весь их ресурс, *большой частью состоящий из запала*, будет исчерпан, или, притом скорее всего, государство (как в своем локальном виде, так и в качестве мировой системы) одумается и одним ударом *смахнет с глобального политического стола* всё лишнее и одновременно вернет нужное на свое место. Может, ни в чем таком необходимости не будет, как нередко случается в отношении антигуманных проектов, «инклюзивисты» сами, как тот змей Уроборос, пожирающий самого себя, доберутся до собственного «хвоста». Правда, проблема в том, что во всех возможных случаях человечество, несмотря на то что достигло довольно высокого уровня и в немалых ситуациях способно оперировать умом, в очередной раз *окажется в «пустыне»*, на выход из которой понадобятся если не библейские сорок, то точно десятки практически пустопорожних лет.

В складывающейся ситуации обществу и электорату, как и индивидам, избирателям, гражданам и, особенно, личностям, остается одно: *не падать духом, не бояться и развивать критическое мышление*, опираясь на то, что, как говорил Платон, *понимание начинается с осознания того, что мы ничего не знаем*. Всё, что касается «инклюзивного капитализма», «четвертой промышленной революции», переформатирования мирового порядка, включая их различного рода порождений, — это *всего лишь один из контекстов* глобальной истории, состоящей из огромного — практически бесконечного — числа факторов. В течение своей биографии человечество *всегда существовало* в том или ином историческом контексте, нынешняя вариация которого

отличается лишь наличием продвинутых технологий. Но и продвинутые технологии — дело не новое. Многие свои находки и изобретения человеческая цивилизация воспринимала в качестве *предвестия катастроф*, а в отношении тех, кто пытался переделать мир в своих интересах или по своему усмотрению, прежде чем убрать их со своей дороги, строила разного рода смысловые, философские, религиозные, мистические теории и таким образом как бы их заговаривала. То, что в своем отношении к истине и человечности хотя бы чего-то стоило, *пробивало себе дорогу сквозь любые препятствия*, а лишнее и ненужное, на какие бы ухищрения ни шло, в конце концов *отмирало и отпадало*.

В современных условиях в распоряжении у мирового сообщества находится множество средств *самозащиты*. Мы говорим в основном о ментальных, духовных, глубинных, интеллектуальных и психологических факторах. К ним же можно присоединить формальные инструменты, пришедшие в каком-то смысле *на смену*, а в каком-то — *на подмогу* историческому порядку, состоявшему в значительной мере из морали и справедливости. В определенном понимании образовалась некая «команда», а может быть, «армия» из «единомышленников», вся *идейная суть* которых сосредоточена на сбережении гуманности и человеколюбия. Иначе общемировая катастрофа, которой «инклюзивисты» пугают мир, *давно бы случилась*. Это только кажется, что, с одной стороны, общество, этнос, народ, цивилизация, мировое сообщество, с другой — государство и власть, мыслят противоположными категориями и противостоят друг другу. В чем-то, но в весьма малом и незначительном так и есть. Рискуя быть записанным в идеалисты, скажем, что всё дело в *отсутствии у человечества внешнего врага*. На том пространстве, где пребывает разумная цивилизация, ей *не с кем конкурировать*. Не находя поблизости — в окружающем его мире, то есть в природе — соперников, она на разных *своих* уровнях ищет и, как правило, обнаруживает внутренних врагов в лице, в одних случаях, правителей — власти и государства, в других — так называемых чужих, в качестве которых могут выступить даже свои, но немного иные.

Смысл сказанного в том, что, кто бы ни стоял по другую сторону от общества (мирового сообщества), кто бы ему ни противостоял, оно (в виде как социума и народа, так и этноса) всегда сильнее. Даже если физически, технически и технологически уступает *во всех ситуациях временно* сопернику (только общество и в какой-то мере государство могут претендовать на вечность), интеллектуально, ментально и морально (в том, из чего состоит его внутренняя уверенность) общество превосходит всех. В актуальной реальности силы, затеявшие против цивилизации нечто, находящееся *вне всякой этики* (в глубоком понимании — то, что не укладывается в глобальную человеческую мораль), мало того, что составляют ничтожное меньшинство, но и сами в себе не уверены. Их смелость фундируется на вышеозначенном

«жирке» и больше ни на чем: смелеют только потому, что не встречают должного сопротивления.

Захватив информационное поле (предварительно внедрив в массовое сознание мысль о том, что информация — это всё), они полагают, что завладели всем мировым пространством. Недооценивать их нельзя: им удалось *создать видимость* того, что они — сила, их много, и они правы. *Продажность средств массовой информации*, оставшихся из-за безалаберности и нынешней интеллектуальной несостоятельности мировой государственной системы практически *бесхозными*, играет им на руку. Более того, они смогли не только образовать определенный политический фон, но и сами, как было отмечено, представляют собой некий контекст, в обстановке которого происходит многое. К великому сожалению, *занятое собой* (редко собственными реальными делами, а в основном — умышленно подброшенными ему нарративами) *государство* не заметило, как *противники человечества* (субъектов, которые открыто намереваются превратить людской род в не самый значимый инструмент, иначе обозначать невозможно) обрели силу и — пусть и в некоторой и пока в не столь существенной мере — *диктуют* свои условия общественному пространству и народовластию, манипулируя политической системой и электоральным полем. Это означает, что уже в течение десятилетий во многих формально демократических странах народовластие функционирует по *навязанным лекалам*, а выборы проходят в рамках *технологических* (в худшем смысле слова) *стандартов*. Чего стоит одна только *легализация популизма*, посредством которой очевидная девиация обретает легитимность, хотя это (популизм) — всего лишь один из довольно большого числа негативных факторов, ставших повседневностью.

В определенном смысле, но ни в коем случае не в полном понимании, разумная цивилизация переживает свой *очередной переходный период* — не становится взрослее на один жизненный этап, а как бы переходит из класса в класс. В связи с этим, находясь в некотором расслабленном состоянии и сама того особо не замечая, пропускает удары, *не осознавая*, что подобные периоды почти всегда сопровождаются *той или иной турбулентностью*. Надо иметь в виду, что ситуация «мутного омута» может быть только переходящей и недолговечной, — во всех случаях приходит время, когда «ил» оседает и «вода» вновь становится прозрачной. Понятно, что эту непростую эпоху нужно пережить, но в то же время необходимо действовать так, чтобы извлеченные из нее уроки послужили всему мировому сообществу *руководством к развитию*.

Довольно большое отступление посреди электорального по содержанию нарратива отнюдь не случайно. Не может быть никаких сомнений в том, что справиться со сложившейся ситуацией может *только общество*. Оно в состоянии это сделать и в одиночку, но будет целесообразнее, логичнее и лучше, если с ним в едином ритме станут действовать *государство и власть*. На сегодня среди инструментов и орудий, которыми можно исправить положение,

наиболее действенными и надежными выступают *демократия — как щит, и выборы — как сито*. При их применении ничего особенного делать не придется: всего-то нужно вернуть им — демократии как форме правления, выборам как средству формирования власти — их *полномочия*. Но обязательно в полной мере. А эта цель достижима только при наличии *развитого гражданского общества*. Казалось бы, этим (созданием, формированием и задействованием гражданского общества) *круг эффективности* социума, государства, власти, демократии, выборов замыкается и превращается в нечто цельное. В сущности, так и есть: как бы само собой разумеется, что достигшая подобного уровня становления страна логическим образом встает на путь реального совершенствования, в прямом и историческом смысле оказываясь на «рельсах» прогресса. Но тут есть вопрос, а то и проблема, представляющая собой *многоединую задачу*.

Чтобы быть *действенным*, государство должно быть *демократическим*, чтобы быть *демократическим*, ему следует быть *сильным*. Но в том-то и трудность, что биография *не может начинаться не с первой страницы, а тем более с середины*. Логика жизненного пути государства такова, что после своего возникновения оно шаг за шагом проходит *этапы своего развития*, каждый из которых *одинаково значим и важен*. Нет таких периодов в истории маленьких, средних или больших стран, региональных или глобальных держав, которые можно было бы *пропустить или перепрыгнуть*. В 60-е годы прошлого века множество народов (в основном в Африке, но не только) сбросили с себя цепи колониализма, обрели государственность и формальную — официально признанную всем миром — независимость. Но вопреки всякой логике получилось так, что к нынешнему времени единицы из них сумели трансформировать самостоятельность в подлинный суверенитет. Историческая практика свидетельствует, что многие крепкие государства стали таковыми в значительной мере благодаря *народовластии и демократическому устройству* (тому самому сложившемуся кругу эффективности) своего бытия. Тут возникают вопросы: за счет чего стать сильным, чтобы уберечь свою демократию от сторонних, зачастую весьма агрессивных вмешательств; как вывернуться из-под множественного давления, источники которого не только не всегда очевидны, но и лишь в редчайших случаях устраняемы?

В общественном пространстве, в том числе в политике, в силу множественности (почти бесконечности) возможных вариантов, безвыходных положений не бывает. Изложенные в предыдущих абзацах проблемы связаны с *эпохальными явлениями* и носят большей частью *эволюционный характер*. То есть их решает *время*. Прямо в наши дни вчерашние диктатуры, недавние основоположники фашизма и нацизма, народы, еще в историческое вчера едва ли не окончательно и бесповоротно записанные в безнадежно отсталые, сообщества, объявленные по определению неспособными к развитию, чуть ли не рука об руку шагают к демократии по общей магистрали. Возможно,

это тот случай, когда, как говорил поэт, «пораженья от победы ты сам не должен отличать» (Борис Пастернак). Понимая очень многое, мы довольно часто, а говоря откровенно, почти как правило, не видим, не воспринимаем, а иногда и вовсе забываем очевидные обстоятельства. Например то, что демократия, как и государство (в частности, как демократическое государство), только выглядит абстракцией. По своим важнейшим свойствам (то есть всегда) она внутренне активна и нередко, не дожидаясь реакции общества и власти, самостоятельно (чаще всего через человеческую свободу, но, бывает, что и посредством выборов) реагирует на те или иные вызовы.

Более того, в отличие от большинства своих антагонистов, оппонентов, конкурентов, недругов, гонителей, преследователей, демократия обладает арсеналом в первую очередь *максимально легитимных*, а затем — действительных и надежных средств функционирования. Если даже по какой-то фантастической причине из всего ассортимента ее инструментария останутся одни лишь *выборы с референдумом*, не найдется ни одной формы правления, которая по своей рациональности могла бы с ней сравниться. «Демос», как уже было сказано, — не совсем народ, но демократия (если дословно перевести — *власть тех, кто правит*) столь много сделала для общества (как явления и как субъекта политической системы, притом зачастую невзирая на обусловленности), что более конкретное слово «народовластие» стало ее полноценным *синонимом*. В каком-то смысле она представляет собой *философский камень* или тот самый, по крайней мере на сегодня, *единственный реактив*, прикоснувшись к которому, народы, сообщества и этносы в одних случаях обретают, в других — возвращают себе силу возрождения.

Потенциал демократии огромен: он сам по себе, то есть в одних лишь связях с социумом (народом) является *управленческой мощью*. В союзе с гражданским обществом и при наличии надежной, интеллектуально «подкованной» избирательной системы демократии, «лучшей среди худших форм правления», равных нет. Она настолько сильна и универсальна в своих возможностях, что может в течение еще долгого времени позволять мировому сообществу раздумывать над тем, чем ее заменить. Можно смело предполагать, что форма правления, которая придет ей на замену (такое время обязательно наступит), если не во многом, то в главных своих аспектах, будет исходить *из тех ценностей*, по которым функционирует демократия. Читая эту оду народовластию, мы пытаемся всего лишь сказать, что демократия, как средство установления и формирования бытийности, которым обладает человечество, для актуальной действительности *максимально эффективна*. Мировому сообществу (человеческому роду — всем нам) остается только одно: в полной мере воспользоваться ее ресурсной базой и потенциалом.

Африканская поговорка, выведенная в эпиграф данного текста, говорит в том числе о том, что отдельные субъекты, группы интересов, корпорации, достигшие определенных успехов именно при демократии, а зачастую и за ее счет, и опирающиеся исключительно на накопленные материальные

средства, пользуются определенного рода *корректностью* (молчанием, отсутствием реакции) демократического общества, которое во всём полагается на своих *производных*, избранных им в качестве *полномочных представителей (делегатов)*. Проблема нынешнего времени в том, что *подводят и подставляют* (в крайне бытовом осмыслении этих глаголов) общество из-за своего долгого застоя в условиях отсутствия масштабных действий *те самые производные — государство и власть*. Но как гласит другая поговорка, наверняка имеющаяся к культурному «загашнике» большинства народов мира, «всякому терпению есть предел». Как у общества, так и у демократии есть чем ответить на любые вызовы, особенно если они имеют искусственное происхождение.

В условиях народовластия только социум (в данном понимании электорат) может выступить главным и единственным (открытым, подспудным, внутренним, глубинным) «заказчиком» всего и вся; только он *определяет общую цель* государства и *ставит задачу* власти. И цель, и задача по поводу будущего во всех без исключения ситуациях находятся в *сформулированном виде*. Во всех случаях остается их лишь оформить; как для этого, так и для того, чтобы их поручить, проводятся *выборы и референдумы*. Кто бы кем бы ни стал в нашем мире, каких бы высот ни достиг, что бы ни завоевывал, на какие бы громадные ресурсы ни опирался, он будет находиться в контексте, то есть в пределах, границах, сфере влияния, воздействия, решений и вердиктов *социума и демократии*. Стоит лишь привести в нормальное состояние выборное «сито», как демократическая власть заблестит всеми своими действительными гранями; как только общество обретет (а это в его исключительной компетенции) гражданские суть и характеристику, государство вернет в сферу своего функционирования все кому бы то ни было уступленные позиции.

Список литературы

1. Шваб К. Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Бомбора, 2022. 352 с.
2. Лэнд Н. Киберготика / Темное просвещение. В двух томах. II том. М.: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
3. Кертис Я. Темное просвещение. Американские консерваторы против империи и собора. М.: Родина, 2023.
4. Бьюккенен П. Смерть Запада. М.: Terra Fantastica, Издательство АСТ, 2004. 448 с.
5. Нассим Николас Талиб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2024. 768 с.
6. Хаксли Олдос. О дивный новый мир [пер. с англ. О. Сороки]. М.: Издательство АСТ, 2017. 350 с.
7. Рэнд А. Атлант расправил плечи. М., 2023.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [пер. с англ.]. М.: Издательство АСТ, 2021. 960 с.

9. Смит А. Теория нравственных чувств [пер. с англ. П. Бибикова]. М.: Издательство АСТ, 2022. 512 с.
10. Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1988. 63 с.
11. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Бомбора, 2023. 320 с.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2025. 208 с.
13. Оккам У. Избранное. Пер. с лат. / Под общ. ред. А.В. Аполлонова. Изд. стереотип. М., Ленанд, 2019. 209 с.
14. Касатонов В.Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М.: Книжный мир, 2021. 420 с.
15. Касатонов В.Ю. «Великая перезагрузка»: открытый заговор против человечества. М.: Тион, 2023. 1496 с.
16. Кахраманова А. Инклюзивный капитализм. Пандемическая готовность и зеленый переход как модель глобального управления. Баку, 2025.

Ю.Н. ГАВРИЛЕЦ

Н.И. ИЛЬИН

А.В. КУДРОВ

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (в контексте электорального поведения граждан России)

***Аннотация.** В статье рассматривается общая методологическая концепция анализа сложных социальных систем и предлагается метод статистического моделирования электоральных предпочтений на основе социологических данных. Предлагается методология, важный этап которой состоит из анализа связи между переменными с номинальными шкалами измерения. Показано, что основными характеристиками, влияющими на электоральное поведение граждан, являются степень лояльности к власти и принадлежность к социальным группам. На этой основе строится математическая модель прогнозирования результатов голосования, в которой итоговые электоральные предпочтения рассчитываются как взвешенная сумма голосов внутри каждой группы. Сравнение модельных оценок с фактическими результатами выборов выявило некоторые расхождения. Однако корректировка структуры лояльности к власти в сформированной математической модели позволяет получить более точные прогнозы, близкие к фактическим результатам голосования. Анализ динамики по трем волнам опроса показал устойчивость электоральных настроений и отсутствие ярко выраженного тренда, что подтверждает адекватность используемой методологии. Для успешного прогнозирования необходимо сочетание качественных социологических данных, корректной математической модели и точных вычислений. Разработанный подход демонстрирует потенциал для применения в прогнозировании региональных и общегосударственных выборов.*

***Ключевые слова:** социальная группа, электоральные предпочтения, лояльность к власти, коэффициент информативности, вероятность голосования за кандидата.*

ГАВРИЛЕЦ Юрий Николаевич — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, почетный работник науки и высоких технологий РФ, научный руководитель лаборатории математической социологии ЦЭМИ РАН, г. Москва

ИЛЬИН Николай Иванович — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Академии криптографии Российской Федерации, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, г. Москва

КУДРОВ Александр Владимирович — кандидат физико-математических наук, руководитель лаборатории вероятностно-статистических методов и моделей в экономике ЦЭМИ РАН, г. Москва

MODELING OF SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL PROCESSES (in the context of the electoral behavior of Russian citizens)

Abstract. *The article discusses the general methodological concept of analyzing complex social systems and proposes a method for statistical modeling of electoral preferences based on the use of sociological data. The authors propose a methodology, an important stage of which consists of analyzing the relationship between variables with nominal measurement scales. It has been shown that the main characteristics influencing electoral behavior are the degree of loyalty to the authorities and membership in social groups. Based on this, a mathematical model is constructed for predicting voting results, in which the final electoral preferences are calculated as a weighted sum of votes for each group. Comparison of model estimates with the actual election results revealed some discrepancies. However, adjusting the structure of loyalty to the authorities in the resulting mathematical model allows us to find more accurate forecasts close to the actual voting results. Analysis of the dynamics of three waves of the survey showed the stability of electoral sentiments and the absence of a pronounced trend, which confirms the adequacy of the methodology used. Successful forecasting requires a combination of high-quality sociological data, a correct mathematical model, and accurate calculations. The developed approach demonstrates potential for application in forecasting regional and national elections.*

Keywords: *social group, electoral preferences, loyalty to the government, information coefficient, probability of voting for a candidate.*

XXI век богат небывалым количеством, как сейчас говорят, вызовов, возникающих перед человечеством, в том числе перед нашей страной. Эти вызовы обусловлены обилием природных катаклизмов, противоречиями межгосударственных отношений, разногласиями внутри отдельных стран между социальными группами в силу различий по культурным, конфессиональным, национальным, политическим ценностям и социально-психологическим установкам. Подобные расхождения во взглядах и подходах часто разрешаются такими действиями стран или отдельных людей, которые приводят к трагическим последствиям.

К напряженности, вызванной особенностями международной обстановки, добавляются и изнутри грозят нашей стране такие проблемы, как отдельные проявления экстремизма, межэтнические конфликты, наркомания. Просматриваются процессы формирования социально-патологических групп молодежи и замещение у них здоровых традиционно-этических установок системой сомнительных псевдоценностей. Под нападками оказывается базовая основа, определяющая поведение человека, задающая внутреннее восприятие действительности, установки и субъективные мнения.

Отдельный и чрезвычайно важный аспект, играющий роль обратной связи для управления, состоит в восприятии населением деятельности

федеральных и региональных органов власти и эффективности внешней политики. На сегодня особое значение приобретает отношение населения к реализации национальных проектов и проведению реформ (налоговой, пенсионной и др.) и его ориентация в необходимом направлении.

Описанная ситуация представляет собой только одну сторону действительности и ничего не говорит о многочисленных позитивных аспектах нашего бытия. Но обществу необходимо вести борьбу с тем, что мешает нормальной жизни, соответственно, и нас это интересует в первую очередь. На наш взгляд, ответы, которые должны быть предложены управляющим структурам, предполагают: четкое описание текущей ситуации; наличие необходимой информации для обоснования методов решения проблемы; построение адекватной компьютерной модели и проведение расчетов; разработку предложений и рекомендаций практического решения.

Очевидно, что от возможности устранения проблем обществом (в лице соответствующих управляющих структур) в определенной степени зависит и судьба самого общества. Огромное количество трудностей, требующих разрешения, дополняется еще одним вопросом: каким образом будет найдено решение, практиками-экспертами или на основе научных рекомендаций? Совершенно очевидно, что необходимо и то, и другое, а если быть более точным, то научное обоснование должно быть непременным элементом системы подготовки практических действий.

Мы сталкиваемся с фундаментальной кибернетической проблемой — законом необходимого разнообразия Эшби¹, утверждающим, что *для выживания сложной системы в сложной среде необходимо, чтобы сложность управляющей подсистемы была сопоставима со сложностью управляемой подсистемы*. Не вдаваясь в детали проблемы измерения сложности, отметим, что сложность управляющей подсистемы зависит от профессиональных и деловых качеств команды и фактически обозначает ее компетентность. В связи с этим при анализе возможностей прогноза и управления необходимо уметь измерять и сопоставлять уровень компетенции и степень сложности проблемы. Мы считаем, что серьезное обоснование процедур решения современных неоднозначных социальных проблем *должно быть только на основе использования научных методов содержательного осмысливания, математического моделирования, вероятностно-статистических процедур и компьютерных технологий*. Это есть необходимое (но, к сожалению, недостаточное) условие выживания сложных социально-экономических систем.

Анализ электорального поведения граждан

Рассматривая частную, но весьма важную социально-политическую проблему выборов населением органов региональной власти и пользуясь математическими процедурами для ее анализа, скажем, что *прогнозирование*

¹ Уильям Росс Эшби (1903–1972) — английский психиатр, специалист по кибернетике, пионер в исследовании сложных систем.

человеческого поведения — одна из важных проблем таких общественных наук как экономика, социология, политология и другие. В экономико-математических исследованиях разработаны различные подходы к прогнозу спроса, трудовой активности, миграции и тому подобного. В социально-политических дисциплинах ситуация более сложная, но и там применяются разные подходы.

Прогнозирование результатов выборов, как правило, осуществляется на основе традиционной социологии, базирующейся на количественных технологиях, когда респонденты отвечают на вопросы исследователя (интервьюирование, анкетирование, экспертное исследование, фокус-группы и др.). Однако, «лобовое» применение традиционных подходов типа экзит-поллов приводит к упрощенному пониманию электоральной обстановки, так как они не всегда учитывают контекст, эмоции, субъективное восприятие, которые люди вкладывают в свои действия. Респонденты могут давать социально ожидаемые ответы, а не искреннее мнение. Более того, часто до 40 процентов от числа опрашиваемых не могут определиться, за какого кандидата или партию будут голосовать. Эти и другие факторы усложняют методы прогнозирования и часто приводят к снижению точности прогнозных оценок.

Тем не менее, в разных условиях объективно могут складываться определенные пропорции между показателями, позволяющими проводить статистический анализ. Для количественного прогнозирования результатов выборов широко применяются разные научно-обоснованные методы:

- статистическое моделирование, включая регрессионный анализ (выявление связей между рейтингами кандидатов и экономическими показателями), агентные модели;
- эконометрические модели, включая индексы одобрения власти;
- анализ больших данных и цифровых следов (оценка тональности обсуждений в социальных сетях, активность запросов, связанных с кандидатами);
- экспертные оценки и метод Делфи²;
- гибридные методы.

Отметим некоторые конкретные разработки. Социологическая модель голосования Колумбийской школы, разработанная под руководством Пола Лазарсфельда, фокусируется на общественных факторах, определяющих электоральное поведение. Согласно этой модели, избиратели голосуют

² Метод Дельфи или Дельфийский метод: способ организации коллективного интеллекта, разработанный в 1950–1960 годы в США для прогнозирования влияния будущих научных разработок на методы ведения войны (разработан корпорацией RAND, авторами считаются Olaf Helmer, Norman Dalkey, и Nicholas Rescher). Название заимствовано от дельфийского оракула. Означает структурированный, анонимный опрос группы независимых экспертов в несколько этапов для получения согласованного коллективного мнения или прогноза по сложным вопросам, минимизирующий влияние авторитетов и групповой динамики путем заочного обмена мнениями и обратной связи между этапами опросов. Метод включает в себя определение цели, отбор экспертов, создание анкет, несколько раундов опроса с анализом и пересмотром ответов для получения надежного результата.

исходя из принадлежности к большим социальным группам, а сам акт голосования является проявлением солидарности с группой [1]. Вероятностная модель волеизъявления предполагает, что избиратели и кандидаты не информированы друг о друге. Следовательно, социальные группы с высокой однородностью предпочтений политически более влиятельны, чем те, чьи предпочтения разрознены [2, р. 273–297; 3, р. 265–284].

В научной литературе представлена динамическая модель, описывающая эволюцию электоральных настроений. Ее основу составляет социально-психологический потенциал, отражающий состояние общества в условиях альтернативных политических предпочтений, связанных с выбором пути развития. Эта модель учитывает колебания в соотношении сторонников и противников политического курса, а также скорость этих изменений, что позволяет описывать поведение электората с учетом межличностного влияния и динамики социальных установок [4, с. 46–56; 5, с. 43–54].

П.С. Краснощёков предлагает математическую модель поведения человека в социальной группе, в которой мнение индивида определяется его стремлением к согласию с мнением большинства, — явлением, известным как конформизм [6, с. 76–92]. Она основана на идее, что вероятность смены позиции зависит от доли лиц в группе, придерживающихся иной позиции, и учитывает инерционность поведения, то есть сопротивление изменению. Такая модель при наличии статистических данных может быть использована для анализа и прогнозирования массового поведения (в частности, электорального поведения).

По мнению А.П. Петрова, А.И. Маслова и Н.А. Цаплина, существующие математические модели в недостаточной мере учитывают сам процесс индивидуального выбора позиции под воздействием внешних и внутренних факторов. Ими предлагается математическая модель, в которой индивид принимает решение в условиях информационного противоборства [7, с. 137–148]. Модель учитывает как стимулы, связанные с поддержкой той или иной стороны, так и эффекты конформизма и межличностного влияния, что особенно важно при моделировании электоральных предпочтений.

Речь может идти и о компьютерной модели формирования и изменения субъективных оценок (мнений) у индивидов в социальных группах под влиянием межличностного взаимодействия, внешних факторов (например, СМИ, экономическая ситуация) и случайных воздействий. Авторами представлен методологический инструментарий для анализа формирования мнений, прогнозирования динамики общественного мнения и управления общественным мнением, включая электоральное поведение [8, с. 92–104].

Нами предлагается специальный метод статистического анализа электорального поведения, основанный на предварительном изучении парных связей между всеми основными переменными социологической анкеты, для которого рассчитываются и используются теоретико-информационные

процедуры, энтропии Шеннона³ и так далее, что позволяет оценивать вероятности исхода голосования. Одновременно анализируются три вида высказанных намерений возможного поведения избирателей: *активное поведение* (согласие на участие в выборах), *протестное поведение* (уничтожение анкет и т.п.), *пассивное поведение* (неопределившиеся или невысказанные предпочтения).

Исходные данные

Для анализа возможностей статистического прогнозирования электорального поведения населения регионов России были рассмотрены три волны (численностью по 600 человек каждая) выборочного опроса потенциальных избирателей в Ивановской области. В анкетах содержались различные показатели, определяющие социально-экономическую группу опрашиваемого, его демографические характеристики, готовность участвовать в выборах и отношении как к кандидатам, так и в целом к власти.

В составе данной выборки несельскохозяйственные рабочие представляли собой самую массовую группу (38%). Значительную долю общей выборки составляют сельскохозяйственные рабочие (13%), инженерно-технические работники (11%) и интеллигенция из социально-гуманитарной среды (11%). Группы предпринимателей и работников торговли/ЖКХ сравнительно небольшие (соответственно, 5 и 4%). Во всех волнах опроса распределение респондентов выборки по социальным группам оказалось практически неизменным (с точностью до 1%).

Показатель отношения к власти формировался путем агрегирования анкетной шкалы, включавшей несколько уровней доверия к власти. Исходная шкала электорального поведения представляла собой ответы на вопрос «Если бы выборы губернатора состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов на эту должность Вы бы проголосовали?». Варианты ответов, кроме имен кандидатов, допущенных до выборов, включали также формы протеста (испортить бюллетень, назвать другого кандидата, нежелание участвовать в выборах — «протест») и отказ назвать кандидата («пассив»). Далее, к пяти названным кандидатам были добавлены варианты «протест» и «пассив». Для целей анализа была использована упрощенная шкала с тремя *условными категориями*: «лояльные к власти», «нейтральные» и «нелояльные к власти». В отличие от стабильности социальной структуры выборки динамика отношения к власти оказалась более изменчивой.

³ Энтропия Шеннона — фундаментальная мера неопределенности случайной величины или количества информации в сообщении, введенная в 1948 году американским математиком Клодом Шенноном. Она показывает минимальное число битов, необходимое для кодирования сообщения, и зависит от вероятностей появления каждого символа. Чем более непредсказуем источник, тем выше его энтропия; энтропия равна нулю, если исход известен, и максимальна при равных вероятностях всех исходов, отражая максимальную неопределенность.

Таблица 1

Динамика лояльности к власти

	Волна 1	Волна 2	Волна 3
Лояльные к власти (в %)	41	35	38
Нейтральные (в %)	53	56	56
Нелояльные к власти (в %)	6	9	6

На данном этапе анализа основной базой статистических расчетов послужило содержание первой волны.

Характеристика показателей социологической анкеты и анализ непосредственных связей между ними

Прежде всего были рассмотрены парные связи между всеми переменными, относящимися к опрашиваемым респондентам. Для этого рассчитывались величины энтропий Шеннона и парных информаций, по которым, в свою очередь, вычислялись взаимные коэффициенты информативности.

Определение (коэффициент информативности)

Коэффициент информативности двух γ случайных величин X и Y определяется следующим образом:

$$\gamma(X, Y) = I(X, Y)/H(Y), \quad (1)$$

где $H(Y)$ – энтропия случайной величины Y ; $I(X, Y)$ – информация по Шеннону, которая измеряет величину уменьшения неопределенности Y при известных значениях X , и определяется формулой:

$$I(X, Y) = H(Y) - H(Y|X), \quad (2)$$

$$H(Y|X) = H(X, Y) - H(X), \quad (3)$$

где $H(X, Y)$ – совместная энтропия величин X, Y , а $H(Y|X)$ – условная энтропия.

Использование теоретико-информационного подхода обусловлено тем, что шкалы измерения признака номинальные, а вычисление стандартных коэффициентов корреляции для таких переменных недопустимо.

Важную роль играет понятие непосредственной связи между величинами X и Y .

Определение (непосредственная связь)

Если в совокупности случайных переменных $X = (X_1, X_2, \dots, X_n)$ условное распределение величины X_i от всех остальных определяется *только их частью* X_j, X_k, \dots, X_l (не вошедшие в условие могут принимать любые значения):

$$P(x_i | x_j, \dots, x_n) = P(x_i | x_j, x_k, \dots, x_l) \text{ для всех } x_j, x_k, \dots, x_n, \quad (4)$$

то переменные X_j, X_k, \dots, X_l называются *непосредственно связанными* с переменной X_i [подробнее см.: 9, р. 257–263; 8, с. 92–104].

Граф непосредственных связей между всеми переменными был выявлен на основе расчета аналогов коэффициентов частных корреляций. Фрагмент

этого графа, на котором отражены переменные, непосредственно влияющие на предполагаемый электоральный выбор (рис. 1). Целевая переменная «выборы» обозначает список наименований 5 кандидатов и двух возможных других ответов, как было отмечено выше.

Рис. 1. Непосредственные связи между основными переменными

Анализ всех связей показал, что наиболее существенное влияние на электоральные предпочтения граждан оказывают показатели *отношения к власти, тип социальной группы и уровень образования*. Однако, уровень образования влияет на результаты голосования опосредованно, — через тип *социальной группы и отношение респондента к власти*.

Социально-политическая структура выборки респондентов

Согласно графу непосредственных связей (рис. 1), электоральное поведение определяется двумя тесно связанными показателями, задающими социально-политическую структуру.

Таблица 2

Характер отношения к власти у социальных групп

	Ивановская область (в %)			
	Лояльные к власти	Нейтральные	Нелояльные к власти	По всей выборке
Рабочие (кроме сельскохозяйственных рабочих)	34	58	8	38
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	39	55	6	13

Работники учета, планирования и делопроизводства	44	50	6	5
Инженерно-технические работники	36	57	7	11
Агрономы, зоотехники и т.п.	75	25	0	1
Научные работники	33	67	0	1
Социально-гуманитарная интеллигенция	55	43	2	11
Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	36	50	14	4
Работники органов государственной власти и управления	50	50	0	2
Предприниматели	45	45	10	5
Военнослужащие	81	19	0	4
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	64	36	0	4
Другие	20	80	0	1
По всей выборке	41	53	6	

Данные таблицы 1 отражают долю лояльных, нейтральных и нелояльных респондентов внутри каждой социальной группы в Ивановской области. Общее же распределение по всей выборке таково: лояльные — 41 процент, нейтральные — 53 процента, нелояльные — 6 процентов.

По таблице 2 видно, что среди социальных страт выделяются несколько групп с уровнем лояльности, значительно превышающим средний по региону. Такими группами предстают военнослужащие (доля лояльных 81%), агрономы/зоотехники (75%), руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений (64%), представители социально-гуманитарной интеллигенции (55%), а также работники органов государственной власти и управления (50%). Для этих групп также характерно практически полное отсутствие нелояльных респондентов (0–2%).

Отдельно выделяются социальные группы, в которых уровень лояльности ниже, чем во всей выборке. Относительно низкая лояльность наблюдается у несельскохозяйственных рабочих (34%), научных работников (33%), работников торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства (36%). Важно помнить, что численность всех групп различна.

В дополнение к таблице 2 интерес представляет также распределение социальных групп для каждой категории лояльности к власти (табл. 3).

Таблица 3

Распределение социальных групп внутри каждого уровня лояльности

Социальные группы	Ивановская область (в %)			
	Лояльные к власти	Нейтральные	Нелояльные к власти	По всей выборке
Рабочие (кроме сельскохозяйственных рабочих)	31	43	50	38
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	13	14	13	13
Работники учета, планирования и делопроизводства	5	5	4	5
Инженерно-технические работники	10	13	13	11
Агрономы, зоотехники и т.п.	2	1	0	1
Научные работники	1	1	0	1
Социально-гуманитарная интеллигенция	14	9	4	11
Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	3	4	8	4
Работники органов государственной власти и управления	2	2	0	2
Предприниматели	6	5	8	6
Военнослужащие	8	2	0	4
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	6	3	0	4
Другие	1	2	0	1

Высокий относительный вклад среди нелояльных групп в Ивановской области имеют несельскохозяйственные рабочие (доля среди нелояльных в 1,32 раза выше, чем во всей выборке), работники торговли, общепита, ЖКХ (доля среди нелояльных вдвое выше, чем их доля в выборке). Наличие ряда малочисленных групп требует осторожности в интерпретации результатов для них.

Группы, формирующие «опору власти», не только имеют высокую внутреннюю лояльность (табл. 1), но и непропорционально сильно представлены в структуре лояльных по сравнению со своей долей в общей выборке. Доля военнослужащих среди лояльных (8%) вдвое выше, чем их доля в общей выборке (4%). Аналогично, доля агрономов, зоотехников среди лояльных вдвое больше, чем во всей выборке; руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений — больше в 1,5 раза; социально-культурная интеллигенция — в 1,27 раза.

Электоральное поведение социальных групп

В соответствии с выявленной социально-политической структурой рассмотрим электоральное поведение каждой социальной группы в зависимости от степени политической лояльности. Результаты показывают, что структура электоральных предпочтений значительно варьируется в зависимости от типа социальной группы и политической лояльности.

Так, предполагаемое голосование среди лояльных избирателей (табл. 4) характеризуется тем, что основной кандидат № 2 получает подавляющее большинство голосов во всех социальных группах. Остальные кандидаты в каждой группе набирают не более 2 процентов. Что касается пассивных и протестующих, то значительные проценты только в малочисленных группах (работники учета, планирования и делопроизводства — 38% протестующих; агрономы, зоотехники и т.п. — 33% протестующих и т.д.). Это свидетельствует о высокой мобилизованности и консолидированности сторонников власти вокруг основного кандидата.

Таблица 4

Процент голосов за кандидатов в группах избирателей, поддерживающих власть (в %)

Социальные группы	Канд. № 1	Канд. № 2	Канд. № 3	Канд. № 4	Канд. № 5	Протест	Пассив
Рабочие	2	82	0	6	2	6	2
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	0	90	0	5	0	0	5
Работники учета, планирования и делопроизводства	0	63	0	0	0	38	0
Инженерно-технические работники	6	94	0	0	0	0	0
Агрономы, зоотехники и т.п.	0	67	0	0	0	33	0
Научные работники	0	100	0	0	0	0	0
Социально-гуманитарная интеллигенция	4	87	0	0	0	0	9

Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	0	100	0	0	0	0	0
Работники органов государственной власти и управления	0	67	0	0	0	33	0
Предприниматели	0	100	0	0	0	0	0
Военнослужащие	0	100	0	0	0	0	0
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	0	100	0	0	0	0	0
Другие	0	100	0	0	0	0	0

Предполагаемое голосование группы «нейтральных» избирателей (табл. 5) существенно отличается от предыдущей группы.

Таблица 5

Процент голосов за кандидатов в социальных группах избирателей, нейтральных к власти (в %)

Социальные группы	Канд. № 1	Канд. № 2	Канд. № 3	Канд. № 4	Канд. № 5	Протест	Пассив
Рабочие (кроме сельскохозяйственных рабочих)	9	24	0	1	5	45	15
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	3	39	3	0	19	23	13
Работники учета, планирования и делопроизводства	10	50	0	0	10	10	20
Инженерно-технические работники	11	36	0	0	7	29	18
Агрономы, зоотехники и т.п.	0	0	0	0	0	100	0
Научные работники	0	0	0	0	50	50	0
Социально-гуманитарная интеллигенция	16	47	5	5	0	21	5
Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	22	44	0	0	0	33	0
Работники органов государственной власти и управления	0	67	0	0	0	33	0

Предприниматели	9	36	0	9	9	27	9
Военнослужащие	0	67	0	0	0	33	0
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	20	20	20	0	0	40	0
Другие	0	50	0	0	0	50	0

В группе «нейтральных» избирателей поддержка кандидата № 2 снижается почти вдвое. Это особенно заметно среди рабочих, инженерно-технических специалистов, работников торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства. В то же время здесь во всех социальных группах заметно выше доля протестных голосов («протест») и доля не указавших свой электоральный выбор («пассив»).

Что касается намерений предполагаемого голосования среди «нелояльных» избирателей, то проценты голосов за основного кандидата практически нулевые, в то время как протестное поведение увеличивается до почти 50 процентов.

Таблица 6

Процент голосов за кандидатов в социальных группах избирателей, нелояльных к власти (в %)

Социальные группы	Канд. № 1	Канд. № 2	Канд. № 3	Канд. № 4	Канд. № 5	Протест	Пассив
Рабочие (кроме сельскохозяйственных рабочих)	25	0	0	8	8	42	17
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	0	33	0	0	0	0	67
Работники учета, планирования и делопроизводства	0	0	0	0	0	0	100
Инженерно-технические работники	0	0	0	0	67	33	0
Агрономы, зоотехники и т.п.	-	-	-	-	-	-	-
Научные работники	-	-	-	-	-	-	-
Социально-гуманитарная интеллигенция	100	0	0	0	0	0	0
Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	50	0	0	0	0	50	0
Работники органов государственной власти и управления	-	-	-	-	-	-	-

Предприниматели	0	0	0	0	50	50	0
Военнослужащие	-	-	-	-	-	-	-
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	-	-	-	-	-	-	-
Другие	-	-	-	-	-	-	-

Дополнительно были проанализированы избиратели, высказавшие намерение проголосовать за основного кандидата (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение по лояльности власти среди поддержавших
основного кандидата в социальных группах (в %)**

	Лояльные к власти	Нейтральные	Нелояльные к власти
Рабочие (кроме сельскохозяйственных рабочих)	63	37	0
Сельскохозяйственные рабочие, фермеры и лица, занятые в личном подсобном хозяйстве	60	37	3
Работники учета, планирования и делопроизводства	50	50	0
Инженерно-технические работники	60	40	0
Агрономы, зоотехники и т.п.	100	0	0
Научные работники	100	0	0
Социально-гуманитарная интеллигенция	69	31	0
Работники торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства	56	44	0
Работники органов государственной власти и управления	50	50	0
Предприниматели	69	31	0
Военнослужащие	87	13	0
Руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений	90	10	0
Другие	33	67	0
Поддержавшие основного кандидата	65	34	0

Поддержка основного кандидата обеспечивается преимущественно лояльными избирателями (по всем проголосовавшим за основного кандидата лояльные составляют 65%). Однако, в отдельных социальных группах она критически зависит от нейтральных: несельскохозяйственные рабочие (37%), инженерно-технические работники (40%), работники торговли/ЖКХ (44%),

«другие служащие» (67% нейтральных). Группы со стопроцентной долей лояльных (агрономы, научные работники) имеют ничтожную долю в общей выборке, что требует осторожной интерпретации.

Здесь следует также отметить полное отсутствие нелояльных избирателей во всех социальных группах, что вполне естественно, поскольку нелояльные избиратели, вероятно, не поддержали бы основного кандидата.

Математическая модель прогнозирования

Полученные таблицы, указывающие вероятности голосования за разных кандидатов, позволяют построить математическую модель возможного прогноза результатов голосования. Как видно из изложенного, фактически имеется три группы избирателей, голосование которых описано в соответствующих таблицах 4–6. При этом доля каждой группы голосующих известна (табл. 1). Вероятности голосования за кандидатов определялись из таблиц 4–6 путем нормировки соответствующих строк. Это означает принятое предположение, что *умолчавшие о своих электоральных предпочтениях голосуют так, как их социальная группа соответствующей степени лояльности.*

Для модели введем следующие обозначения:

P_i — процент голосов за i -го кандидата по всей выборке;

$P_1^{(i)}$ — процент голосов за i -го кандидата среди лояльных к власти;

$P_2^{(i)}$ — процент голосов за i -го кандидата среди нейтральных к власти;

$P_3^{(i)}$ — процент голосов за i -го кандидата среди нелояльных к власти;

q_1 — доля лояльных к власти избирателей (табл. 1);

q_2 — доля нейтральных к власти избирателей (табл. 1);

q_3 — доля нелояльных к власти избирателей (табл. 1);

$q_1(i|k)$ — процент голосов за i -го кандидата в k -ой социальной группе среди лояльных к власти (получено из табл. 4);

$q_2(i|k)$ — процент голосов за i -го кандидата в k -ой социальной группе среди нейтральных к власти (получено из табл. 5);

$q_3(i|k)$ — процент голосов за i -го кандидата в k -ой социальной группе среди нелояльных к власти (получено из табл. 6);

$x_{1,k}$ — доля k -ой социальной группы среди лояльных к власти (табл. 2);

$x_{2,k}$ — доля k -ой социальной группы среди нейтральных к власти (табл. 2);

$x_{3,k}$ — доля k -ой социальной группы среди нелояльных к власти (табл. 2).

В результате балансовые соотношения имеют вид:

$$P_i = q_1 P_1^{(i)} + q_2 P_2^{(i)} + q_3 P_3^{(i)} \quad (5)$$

$$P_1^{(i)} = \sum_{k=1}^n x_{1,k} q_1(i|k) \quad (6)$$

$$P_2^{(i)} = \sum_{k=1}^n x_{2,k} q_2(i|k) \quad (7)$$

$$P_3^{(i)} = \sum_{k=1}^n x_{3,k} q_3(i|k) \quad (8)$$

$$q_1 + q_2 + q_3 = 1, \quad q_1, q_2, q_3 \geq 0 \quad (9)$$

В соответствии с соотношениями модели (6)-(8) рассчитаем вероятности голосования за кандидатов. Для группы лояльных избирателей по формуле (6) получаем вероятности:

	Кандидат № 1	Кандидат № 2	Кандидат № 3	Кандидат № 4	Кандидат № 5
Лояльные к власти	0,01	0,96	0,00	0,02	0,01

Для группы нейтральных избирателей по формуле (7) получаем вероятности:

	Кандидат № 1	Кандидат № 2	Кандидат № 3	Кандидат № 4	Кандидат № 5
Нейтральные	0,15	0,67	0,04	0,04	0,10

Для группы нелояльных избирателей по формуле (8) получаем вероятности:

	Кандидат № 1	Кандидат № 2	Кандидат № 3	Кандидат № 4	Кандидат № 5
Нелояльные к власти	0,41	0,06	0,00	0,18	0,35

Итоговое распределение представляет собой взвешенную сумму с весами из таблицы 1.

	Кандидат № 1	Кандидат № 2	Кандидат № 3	Кандидат № 4	Кандидат № 5
По всей выборке	0,09	0,81	0,02	0,03	0,06

Дополнение

Поскольку результаты голосования нам известны,

Кандидат № 1	Кандидат № 2	Кандидат № 3	Кандидат № 4	Кандидат № 5
7%	84%	2%	3%	5%

и они отличаются от приведенных выше модельных оценок, то этому факту могут соответствовать как минимум две причины: неточность исходных данных; недостаточность приведенной выше модели для отражения реальной ситуации.

В частности, соотношение между тремя основными группами по лояльности может быть другим. В этом случае возникает возможность определить, какими должны были бы быть эти пропорции для того, чтобы итоговое

голосование соответствовало наблюдаемому. Это можно сделать, используя статистические методы и варьируя пропорции. Были использованы две стандартные процедуры: метод наименьших квадратов (МНК) и метод максимального правдоподобия (ММП).

В результате мы получаем два возможных распределения групп лояльности.

Таблица 8

Оценки возможного распределения групп лояльности

	МНК	ММП
Лояльные к власти (q_1)	0,61	0,59
Нейтральные (q_2)	0,38	0,4
Нелояльные к власти (q_3)	0,01	0,01

Согласно этим возможностям, проценты голосов приведены в следующей таблице:

Таблица 9

Оценки возможного распределения голосов (в %)

	МНК	ММП	Факт
Кандидат № 1	7,2	6,9	6
Кандидат № 2	83,4	84	84
Кандидат № 3	1,5	1,5	2
Кандидат № 4	3	2,9	3
Кандидат № 5	4,8	4,7	5

Доля лояльных к власти проголосовавших на выборах избирателей должна быть около 60 процентов. В соответствии с данным обстоятельством мы можем заранее варьировать пропорции между типами избирателей и рассчитать оптимистический, пессимистический и «серединный» варианты прогноза. При наличии же данных о проходивших ранее выборах можно использовать алгоритмы обучения и улучшать прогнозирование.

О динамике прогнозных показателей по трем волнам опроса

Дополнительно к подробному анализу и расчетам по данным первой волны социологического опроса были повторены аналогичные расчеты прогнозов по второй и третьей волнам. Итоговые результаты представлены в таблицах 10–11.

Таблица 10

Данные прогноза возможных выборов для волны 2 (в %)

	Волна 2				
	Кандидат 1	Кандидат 2	Кандидат 3	Кандидат 4	Кандидат 5
Лояльные к власти	0	94	2	1	2
Нейтральные	13	63	3	7	14
Нелояльные к власти	27	60	4	2	7
По всей выборке	9	77	3	4	8

Таблица 11

Данные прогноза возможных выборов для волны 3 (в %)

	Волна 3				
	Кандидат 1	Кандидат 2	Кандидат 3	Кандидат 4	Кандидат 5
Лояльные к власти	3	92	2	1	2
Нейтральные	13	68	3	6	11
Нелояльные к власти	39	10	16	16	19
По всей выборке	9	77	3	4	7

Распределение голосов избирателей за пятерых кандидатов согласно выборочным данным по всем трем волнам различается несущественно, при этом сколько-нибудь видимого тренда не наблюдается. Это говорит о том, что используемая методология расчетов может считаться оправданной.

Заключение

Для успешного прогнозирования электорального поведения на основе социологических опросов необходимо иметь: *грамотно составленную опросную анкету; представительную выборку данных согласно анкете; адекватную математическую модель поведения; компьютерные расчеты с необходимой точностью.*

Используемая социологическая информация была получена в результате квалифицированных опросов избирателей области. Выборочные данные по трем волнам не противоречат друг другу, что подтверждает их достоверность. Математическая модель отражает основные и естественные предположения о региональных выборах, опирается на данные социологических анкет и позволяет прогнозировать электоральное поведение социальных групп.

Для решения задач в соответствии с моделью были разработаны специальные программы, в которых использовались теоретико-информационные методы обработки социологической информации в номинальных шкалах. Представляется, что разработанный подход может использоваться

в аналогичных случаях прогнозирования электорального поведения. На основании полученных результатов можно утверждать:

- показатели уровня доверия к власти напрямую влияют на уровень поддержки кандидатов, ассоциируемых с действующей властью;
- ключевыми факторами электорального поведения выступают отношение к власти, социальная принадлежность и уровень образования;
- сторонники власти показывают высокий уровень поддержки основного кандидата, тогда как нелояльные власти избиратели характеризуются практически отсутствующей поддержкой основного кандидата и значительной склонностью к протесту или пассивности;
- избиратели, не указавшие свои электоральные предпочтения, в основном не относят себя к тем группам, которые поддерживают власть;
- каждая социальная группа имеет свои специфические электоральные предпочтения, что позволяет разумно ориентировать предвыборную кампанию.

Список литературы

1. Lazarsfeld P., Bernard B., Hazel G. *The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. New York: Columbia University Press, 1944.
2. Lindbeck A., Weibull J.W. *Balanced-budget redistribution as the outcome of political competition* // *Public Choice*. 52(3). 1987.
3. Strömberg D. *Mass Media Competition, Political Competition, and Public Policy* // *Review of Economic Studies* 71(1). 2004.
4. Шведовский В.А. *Динамическая модель электорального поведения* // *Математическое моделирование*. 2000. Том 12. № 8.
5. Шведовский В.А., Михайлова П.А. *Динамика взаимодействия электоратов в окрестности положения равновесия* // *Математическое моделирование*. 2009. Том 21. № 7.
6. Краснощёков П.С. *Простейшая математическая модель поведения. Психология конформизма* // *Математическое моделирование*. 1998. Том 10. № 7.
7. Петров А.П., Маслов А.И., Цаплин Н.А. *Моделирование выбора позиций индивидами при информационном противоборстве в социуме* // *Математическое моделирование*. 2015. Том 27. № 12.
8. Гаврилец Ю.Н., Тараканова И.В. *Модель изменения индивидуальных мнений в группе под влиянием межличностных контактов и внешних факторов* // *Экономика и математические методы*. 2021. Т. 57. № 1.
9. Gavrilets Yu., Kudrov A., Tarakanova I. *Optimization of the media messages structure for recruiting supporters* // *50th International Scientific Conference on Economic and Social Development*. 2020.

УПРАВЛЯЯ НЕИЗБЕЖНЫМ: ПРАВОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются системные конституционные вызовы, возникающие в связи с распространением искусственного интеллекта (ИИ) в политической сфере. Автор отмечает, что ИИ трансформирует институты демократии, создавая риски подмены публичного диалога непрозрачными алгоритмами, алгоритмической дискриминации, микроманипулирования информацией и концентрации власти у обладателей технологий. Особое внимание уделяется угрозе социогуманистической парадигме в условиях выбора между классическим гуманизмом и трансгуманизмом. В качестве ответа на эти вызовы предлагается система из восьми правовых принципов регулирования ИИ, включая государственное стратегическое руководство, принцип «человека в контуре», антропологический приоритет, цифровое равенство и управляемую прозрачность. В контексте избирательного процесса анализируются такие специфические риски, как использование микротаргетинга, «темной рекламы», дипфейков и ботов, что ведет к угрозе честности выборов и манипуляции волей избирателей. Делается вывод о необходимости развития национальных моделей искусственного интеллекта, законодательного регулирования, включая аудит алгоритмов и запрет манипулятивных технологий на выборах для обеспечения суверенитета и легитимности политических институтов в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, конституционные вызовы, политические институты, принципы правового регулирования ИИ, выборы и манипуляции, социогуманистическая парадигма.

MANAGING THE INEVITABLE: LEGAL PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This article examines the systemic constitutional challenges arising from the spread of artificial intelligence (AI) in the political sphere. The author notes that AI is transforming democratic institutions, creating risks of substituting public dialogue with

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

opaque algorithms, algorithmic discrimination, micromanipulation of information, and the concentration of power in the hands of technology holders. Particular attention is paid to the threat to the socio-humanistic paradigm in the context of the choice between classical humanism and transhumanism. In response to these challenges, a system of eight legal principles for regulating AI is proposed, including state strategic guidance, the «human in the loop» principle, anthropological priority, digital equality, and managed transparency. Specific risks, such as the use of microtargeting, «dark advertising», deepfakes, and bots, are analyzed in the context of the electoral process, which threaten the integrity of elections and the manipulation of voter will. The article concludes that it is necessary to develop national AI models and legislative regulation, including algorithm audits and bans on manipulation technologies in elections, to ensure the sovereignty and legitimacy of political institutions in the digital age.

Keywords: *artificial intelligence, neural network, constitutional challenges, political institutions, principles of AI legal regulation, elections and manipulation, socio-humanistic paradigm.*

Искусственный интеллект (или нейросеть) уже превратился в инфраструктурную технологию, которая не просто влияет на все ключевые сферы государственной деятельности, экономики и социальной жизни, но и определяет, по существу, новую политическую эпоху. Доступ к соответствующим технологиям становится всевозрастающим фактором, который вместе с новыми, доселе невиданными информационными возможностями, включая огромный потенциал повышения уровня и качества знаний для стратегического управления и принятия политических решений, способен существенным образом повлиять на изменение предпочтений избирателей [1; 2] и провоцировать серьезные отступления от конституционных принципов с разрушительными последствиями.

Конституционные вызовы технологий искусственного интеллекта носят системный, синергетический и экзистенциальный характер. Здесь можно обозначить (разумеется, лишь пунктирно и не в исчерпывающей мере) такие проблемы, как:

подмена демократических институтов волеобразования народа, основанных на общественном диалоге, управлением посредством рекомендаций непрозрачных алгоритмов, анализирующих большие данные, и слепая вера в способность таких алгоритмов решать самые сложные социальные и политические проблемы (что ведет к упрощению проблем, отказу от демократического обсуждения ценностей и целей развития, а сами алгоритмы делает не просто средством, но и в известном смысле «источником» власти, проистекающим из уникальной «экспертной» легитимности); данная проблема лишь усугубляется риском фрагментации общества под воздействием рекомендательных алгоритмов, управляющих социальными сетями, на изолированные группы с разными «реальностями», что может ставить под сомнение социальное единство и целостность народа как носителя суверенитета и единственного (и единого) источника власти;

многомерное технологически обусловленное неравенство (радикально различающиеся условия реализации прав и свобод в зависимости от доступа к технологиям являются новым вектором социального расслоения и создают предпосылки для фактической маргинализации граждан, не интегрированных в цифровую среду) и алгоритмическая дискриминация (различие в обращении на основе предвзятых данных);

микроманипулирование информационным потоком, подавление одних тем и продвижение других посредством алгоритмов и симулирования поддержки либо протеста (через автоматизированные боты, ИИ-агенты), либо создания убедительных «фейков» (что подрывает саму основу свободного формирования убеждений и информированного выбора);

смещение и концентрация ресурсов власти (основанной на доступе к большим данным вычислительных ресурсов и аналитическим возможностям) у обладателей алгоритмов (что может нарушать баланс в системе публичной власти, в частности, существенно ослабляя потенциал законодательных и судебных органов).

Вместе с тем мета-угрозой, стоящей над всеми остальными, является вызов социогуманистической парадигме, имеющей основополагающее значение не только для развития конституционализма и права вообще, но и для самой цивилизации, которая в этой парадигме разворачивается вокруг и для человека. В.Д. Зорькин, обнажая самую суть проблем социально-правового развития в условиях новой технологической реальности, предлагает сосредоточить внимание на мировоззренческой стороне вопроса: на какой ценностно-концептуальной основе допустимо и оправданно выстраивать правовые режимы распространения новейших технологий, — на основе трансгуманизма, который, связывая совершенство человека (включая этический аспект) с уровнем технологического развития, не просто стремится к синтезу человека и машины, но и очеловечивает, а в итоге обожествляет машину, либо же на основе классического гуманизма, воплощающего традиционные духовно-нравственные ценности и не допускающего разделения личности и совести, бездушного релятивизма морали и ответственности?

Именно в этой дилемме, по мнению Зорькина, заключается главный, коренной вызов искусственного интеллекта для человечества и его права, которое оказывается под угрозой сохранения человечности, нравственного начала, может превратиться в систему умозрительно-фиктивных алгоритмов, сводящих личность к определенным рефлексам, поведенческим реакциям, и в этом смысле «освобождающих» ее от собственных естественных ограничений, позволяющих ей приобретать («выбирать») любые искусственные формы [3, с. 257–277].

Капитуляция перед трансгуманизмом ведет к двуединым последствиям, состоящим в «очеловечивании» машины и деперсонализации (алгоритмизации, расчеловечивании) человека. Технологии искусственного интеллекта, особенно в увязке с био- и психометрией и нейротехнологиями могут

ставить под вопрос саму автономию человеческой личности и ее достоинство. Речь идет о редукции юридического и политического понимания человека как свободного, разумного и целостного субъекта к прогнозируемому «профилю», что дегуманизирует общественные отношения и политическую сферу, в то время как развивающиеся в сторону всеохватности технологические системы мониторинга и контроля способны превратить общественное пространство в паноптикум, где человек оказывается в положении объекта постоянной оценки, социального скоринга, а не свободного субъекта.

* * *

В поисках ответов на фундаментальные вызовы, связанные с распространением искусственного интеллекта, необходимо опираться на взвешенный, сбалансированный общий подход к формированию правовых режимов для соответствующих технологий, избегая алармизма и самонадеянной беспечности. Можно предложить (в порядке обсуждения) авторскую точку зрения на ряд основных принципов, служащих своеобразным методологическим каркасом для обеспечения устойчивого развития технологий искусственного интеллекта на основе защиты интересов человека, общества и государства в цифровой сфере.

1. *Принцип государственного стратегического руководства и обеспечения технологической целостности в сфере искусственного интеллекта.* Российская Федерация, признавая искусственный интеллект стратегическим направлением развития, должна осуществлять комплекс суверенных прерогатив и мер, направленных на формирование и защиту полного национального технологического цикла (от фундаментальных исследований и подготовки кадров до создания элементной базы, программного обеспечения, данных и рынков сбыта), активное формирование регулятивных, экономических и инфраструктурных условий для ускоренного развития и безопасного применения искусственного интеллекта, достижение и удержание лидерских позиций на основе создания конкурентоспособных, безопасных и этичных технологий. Данным принципом охватывается также суверенный контроль в отношении критически значимых технологий нейросетей в жизненно важных сферах (национальная безопасность, оборона, критическая информационная инфраструктура, энергетические системы и т.п.) и формирование «фильтров национальной идентичности», обеспечивающих соответствие работы алгоритмов принципам и ценностям, лежащим в основе российского общества, его традиционным духовно-нравственным идеалам.

2. *Принцип гарантированной защиты пострадавшего и повышенной ответственности* [4, с. 37–52; 5, с. 2–5]. Это подразумевает законодательное закрепление по крайней мере статуса передовых моделей искусственного интеллекта (наиболее развитые модели, обладающие высоким уровнем автономного функционирования, которые сейчас демонстрируют способности экспертного уровня в разных дисциплинах: биология, химия, математика и др.),

как источника повышенной опасности, что должно предполагать, вероятно, солидарную ответственность, в частности, разработчика (создатель алгоритма, модели), оператора, владельца (лицо, использующее систему). Очевидно, что сбой возможен на каждом этапе технологической цепи, а для пострадавшего крайне затруднительно с технической стороны обосновать его причину. Стоит подумать над формированием специального государственного или отраслевого фонда страхования или компенсаций (с возможностью регрессных требований к участникам соответствующей цепочки). Здесь важно исключить такие максималистские подходы, которые приведут к «бегству» наукоемких компаний в юрисдикции с более мягким регулированием или сверхконсервативному дизайну алгоритмов (например, отказу диагностической системы ставить редкий диагноз).

3. *Принцип «человека в контуре» в критических решениях:* обязательное сохранение за человеком окончательного решения в социально значимых вопросах, затрагивающих его жизнь, здоровье и свободу.

4. *Принцип антропологического приоритета.* Любая система искусственного интеллекта должна строиться на том, что ее целью, мерилом и ограничителем является человек, — его автономия, достоинство, свобода и благополучие. Технология не имеет собственной ценности вне служения этим целям. Данный принцип противостоит узкотехнократической парадигме, где эффективность, скорость и экономическая выгода, предоставляемые за счет алгоритма, могут превращаться в самоцель. Дизайн и интерфейс названных систем должны создаваться для усиления возможностей человека (образно говоря, для со-, а не автопилотирования), предоставлять ему лучшее ситуационное понимание, устранять рутину, обрабатывать большие данные, но оставлять за ним смысловое лидерство, творчество и ответственность, что подразумевает также применение проектных решений, исключая иллюзию истинности машины (результаты работы алгоритма должны сопровождаться пояснением основных факторов, визуализацией неопределенности и возможностью для эксперта дать оценку принципам и методам принятия решений). Вместе с тем не должны допускаться разработка и применение систем искусственного интеллекта, которые используют, в том числе, персональные и поведенческие данные для скрытого воздействия на пользователя путем эксплуатации известных когнитивных искажений с целью подрыва автономии его воли, принятия решений в ущерб его очевидным интересам или в условиях, когда пользователь находится в особо уязвимом положении, о котором известно системе.

5. *Принцип цифрового равенства и запрета дискриминации* предполагает в том числе обязательность регулярного независимого аудита на предвзятость соответствующих технологий, принимающих решения в публичной и социально значимой сфере, а также запрет на использование систем, демонстрирующих необъяснимые и неустраняемые различия в обращении.

6. *Принцип уважения достоинства личности и невмешательства в частную сферу*: запрет на массовое психографическое профилирование для скрытого манипулирования поведением, ограничение использования аффективных технологий (распознавание эмоций) и социального скоринга в публичной сфере, сохранение пространства для «неоцифрованной» жизни.

7. *Принцип управляемой прозрачности в зависимости от риска*: для систем высокого риска должна обеспечиваться возможность гражданина на получение содержательного объяснения алгоритмического решения, повлиявшего на его права и интересы, в форме, понятной человеку, а также обязанность разработчиков предоставлять регулирующим органам доступ к алгоритмам и данным для проверки.

8. *Принцип технологической нейтральности и опережающего регулирования*: ориентация на регулирование свойств и рисков систем, а не конкретных технологий (которые меняются и устаревают), и создание специальных правовых режимов для тестирования инноваций в реальных и контролируемых условиях.

Остановлюсь подробнее на некоторых основных рисках для политико-правовых отношений, включая сферу выборов, которые требуют надлежащего учета в правовом регулировании. Здесь важно иметь в виду, что сама практика применения технологий искусственного интеллекта становится всё более обширной и влиятельной и, как свидетельствует анализ в том числе международного опыта, во многих случаях речь идет о попытках навредить конкурентам или организации выборов, при том, что само происхождение соответствующего контента зачастую установить невозможно [6].

Поскольку функционирование нейросетей определяется алгоритмами, которые формируются и обучаются в рамках конкретно заданного социокультурного и исторического контекста, применение неоригинальных (ненациональных) моделей искусственного интеллекта в политической сфере может ставить под угрозу российскую общегосударственную идентичность, формировать представления и взгляды и побуждать к действиям (либо бездействию), которые основаны на ценностях и подходах, не соответствующих российским политико-правовым традициям, идеалам и реалиям. Экспертные исследования показывают, что многие существующие модели нейросетей склонны воспроизводить набор предпочтений, совпадающий с ценностями США и Западной Европы, особенно в вопросах прав личности, гендерной политики и социальной справедливости. Отмечается тенденция моделей рассматривать западные нормы как универсальные и глобально применимые. Есть конкретные исследования, которые демонстрируют, что в ситуациях морального выбора нейросети опираются на западные философские традиции: утилитаризм и либеральную этику [7; 8, р. 971–1000; 9].

В связи с этим при внедрении искусственного интеллекта в политическую сферу важно ориентироваться на развитие собственных моделей и формирование системы доверенных технологий, что становится важнейшим

условием обеспечения суверенитета. Отечественные модели позволят учитывать национальный контекст, специфику российского права, приоритеты государственной политики и особенности социальной структуры.

* * *

Нейросеть способна кардинально трансформировать само понятие свободы выбора и таким образом привести к подрыву свободного, осознанного и добровольного политического волеизъявления. Так, технологии микро-таргетинга, основанные на анализе личных данных, позволяют создавать персонализированную пропаганду, формирующую у избирателя искусственную информационную реальность («смысловые галлюцинации») и эффективно управляющую его мотивацией и убеждениями. Применение в этих целях так называемой темной рекламы (dark ads), которая видна только конкретному пользователю или узкой, специально подобранной аудитории, недоступна для всеобщего наблюдения и включает в себя динамическое изменение контента (алгоритмы тестируют тысячи различных вариантов заголовков, изображений, текстов, выявляют предпочтительный, наиболее эмоционально заряженный и эффективный формат, и демонстрируют его остальной аудитории), превращает политическое взаимодействие в скрытое одностороннее навязывание, которое практически невозможно распознать (и оценить на предмет достоверности) отдельному гражданину и проблематично контролировать уполномоченным органам.

В этих же целях могут применяться технологии так называемой «армии ботов», когда искусственный интеллект управляет сетями фейковых аккаунтов, имитирует общественное мнение, «раздувает» скандалы и создает видимость массовой поддержки или осуждения, манипулируя общественной повесткой. Такое системное воздействие, направленное на то, чтобы склонить к определенному выбору, по сути может выполнять и ту роль, которую играет предвыборная агитация, но с учетом характера, предметного охвата информации его крайне сложно отследить и идентифицировать в таком качестве.

При этом технологии позволяют создавать поддельные заявления кандидатов, компрометирующие материалы или искаженные репортажи с избирательных участков, которые практически невозможно отличить от реальных. В этих условиях правда может не поспевать за ложью. Но такие материалы могут использоваться для дискредитации оппонентов, подавления явки или провокаций социальной напряженности.

В этом плане представляет интерес опыт Китая, где была установлена обязанность разработчиков алгоритмов, которые «оказывают влияние на общественное мнение» или «способны мобилизовать общество», регистрировать алгоритм. Регистрация алгоритма — это специальная процедура, в рамках которой сведения об алгоритме вносятся в специальный реестр, поддерживаемый и контролируемый уполномоченным государственным органом. То есть это такая форма контроля за алгоритмами, которая напрямую может

воздействовать на общественно-политическую ситуацию в государстве: если платформа использует технологию рекомендаций по персонализированному алгоритму для распространения информации, то она должна создать модель рекомендаций на основе установленных ограничений, запретов {включая недопустимость распространения слухов; принятие мер для предотвращения распространения информации, которая использует преувеличенные названия (при этом содержание серьезно не соответствует названию), ориентирована на раздувание скандалов, размолвок, проступков, содержит ненадлежащее комментирование стихийных бедствий, направлена на продвижение вульгарного или китчевого контента} (ст. 6, 7, 12 Положения об управлении экосистемой онлайн-информационного контента, 2019¹).

Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах Интернета (2021) прямо запрещает провайдерам алгоритмических рекомендательных сервисов использовать алгоритмы для регистрации поддельных учетных записей, манипулирования учетными записями пользователей или предоставления ложных реакций («лайков»), комментариев или пересылаемых сообщений; использовать алгоритмы для вмешательства в представление информации (например, путем ее блокирования), создания избыточных рекомендаций, манипулирования списками топового контента или результатами поиска, а также контролировать поисковые запросы или выборки, влиять на общественное мнение в Интернете или уклоняться от надзора и управления (ст. 14)².

Распространение искусственного интеллекта выдвигает проблему формирования технологического ценза на выборах, что является угрозой принципам равенства и справедливости выборов. Финансовые и технологические ограничения порождают равноуровневый доступ к возможностям искусственного интеллекта, которые дают несправедливые преимущества. Вместе с тем возникает возможность создания полностью цифровых кандидатов-аватаров или гиперреалистических копий реальных политиков, которые могут быть «настроены» под запросы любой аудитории. Это стирает грань между реальным человеком с его убеждениями и управляемым программным продуктом, вводя избирателей в заблуждение. В итоге возникает совершенно иной ландшафт политического взаимодействия.

* * *

В конечном счете следует говорить о такой системной и всеобъемлющей конституционной угрозе, как утрата честности, добросовестности на выборах, что может привести к масштабному кризису их политико-правовой

¹ Положение об экологическом управлении информационным контентом в Интернете от 20 декабря 2019 года // Государственная канцелярия интернет-информации КНР. URL: https://www.cac.gov.cn/2019-12/20/c_1578375159509309.htm (дата обращения: 25.11.2025).

² Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах Интернета (2021) // China Law Translate. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/algorithms/> (дата обращения: 25.11.2025).

эпистемологии (когда уже невозможно доверять тому, что видишь и слышишь). Вне зависимости от конкретного типа применяемой избирательной системы выборы неразрывно связаны с человеком как носителем ценностей, морально-политических установок и убеждений. Как следует из решений Конституционного Суда Российской Федерации, правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений публичной властью, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Это предполагает установление повышенных требований к репутации лиц, занимающих публичные должности, во имя того, чтобы у граждан не возникало сомнений в их морально-этических и нравственных качествах³. Между тем при распространении искусственного интеллекта выборы рискуют превратиться в скрытую войну обладателей алгоритмов, где побеждает не тот, кто убедительнее, а тот, кто лучше манипулирует, материально богаче и изощреннее в обходе моральных норм.

Обеспечение легитимности выборов в новых реалиях требует не только технологических решений (например, детекторов дипфейков), но и законодательного контроля, не уповая только на мягкое (этическое) регулирование, чтобы добиться прозрачности алгоритмов, «видимости» (маркировки и архивирования) синтезированного контента, запрета на применение манипулятивных скрытых технологий, а также обеспечения роста цифровой грамотности избирателей. Было бы оправданным ставить вопрос о введении обязательного «аудита» алгоритмов, используемых в избирательном процессе, чтобы любая система на основе искусственного интеллекта, применяемая в ходе выборов, проходила предварительную оценку в том числе на предмет объяснимости (возможности понять логику принятия решений) и отсутствия дискриминационных смещений. С учетом существующего зарубежного опыта (Южная Корея, отдельные штаты США — Калифорния, Техас и др.) требует обсуждения вопрос запрета (и, возможно, криминализации) злонамеренного использования дипфейков на выборах.

Список литературы

1. Lin H., Czarnek G., Lewis B., White J.P., Berinsky A.J., Costello T., Pennycook G., Rand D.G. Persuading voters using human–artificial intelligence dialogues // Nature. 2025. Vol. 648. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-025-09771-9> (дата обращения: 30.03.2025).
2. Hackenburg K., Tappin B.M., Hewitt L., Saunders E., Black S., Lin H., Fist C., Margetts H., Rand D.G., Summerfield C. The levers of political persuasion

³ См. напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // СПС КонсультантПлюс.

- with conversational artificial intelligence // *Science*. 2025. Vol. 390, № 6777. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aea3884> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024.
 4. Суханов Е.А. О гражданско-правовых проблемах цифровизации // *Вестник гражданского процесса*. 2025. № 1.
 5. Василевская Л.Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // *Гражданское право*. 2025. № 4.
 6. Устинович Е.С. Генеративный искусственный интеллект в избирательных процессах 2024 года в мире: дезинформационные кампании и онлайн-тролли // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2024. № 3.
 7. Münker S. Cultural Bias in Large Language Models: Evaluating AI Agents through Moral Questionnaires // URL: <https://arxiv.org/html/2507.10073v16> (дата обращения: 30.11.2025).
 8. Peters U., Carman M. Cultural Bias in Explainable AI Research: A Systematic Analysis // *Journal of Artificial Intelligence Research*, 2024, № 79. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.10073> (дата обращения: 30.11.2025).
 9. Tao Y., Viberg O., Baker R.S., Kizilcec R.F. Cultural bias and cultural alignment of large language models. *PNAS Nexus*. 2024. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11407280> (дата обращения: 30.11.2025).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

***Аннотация.** В представленной статье автор предпринимает попытку сформулировать стратегические императивы государства в общественно-политической сфере. Историко-политологический анализ демонстрирует генезис и эволюцию моделей порядка. История трансформации рассматриваемой сферы представляет собой сложную систему сменяющих друг друга конфигураций порядка, каждая из которых имеет специфические правила взаимодействия для акторов международных отношений. Эмпирические данные свидетельствуют, что в различные хронологические периоды и в разных регионах мира порядок формировался вариативным образом. В прошлом запечатлены как иерархические системы с единственным гегемоном, так и полицентричные порядки, основанные на конкурентном взаимодействии нескольких держав. Кроме того, фиксируются гетерархические формы международного устройства, функционировавшие при отсутствии явно выраженных центров силы. Исследование указанных исторических моделей имеет существенное значение для разработки актуальных стратегических императивов государства. На основе изучения эволюции форм порядка в общественно-политической сфере в статье определены ключевые направления деятельности государственной администрации, обусловленные целями развития государства и системы межгосударственных отношений, и сформулированы стратегические императивы государства в рассматриваемой сфере.*

***Ключевые слова:** мировой порядок, общественно-политическая сфера, государство, государственная администрация, политические гегемоны, великие державы, стратегические императивы, направления развития, международные отношения, безопасность, суверенитет, экономика.*

STRATEGIC IMPERATIVES OF THE STATE IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE

***Abstract.** In the presented article, the author attempts to formulate the strategic imperatives of the state in the socio-political sphere. The conducted historical and political analysis demonstrates the genesis and evolution of models of order in this sphere. The history of the transformation of the socio-political sphere is a complex system of successive configurations of order, each of which has specific rules of interaction for actors in international relations. Empirical data indicate that in different chronological periods and in different regions of the world, this order was formed in a variable way. Historically, both hierarchical systems with*

a single hegemon and polycentric orders based on the competitive interaction of several great powers are recorded. In addition, heterarchical forms of international order are identified that functioned in the absence of clearly expressed centers of power. The conducted analysis of these historical models is of significant importance for the development of current strategic imperatives of the state. Based on the study of the evolution of forms of order in the socio-political sphere, the researcher identified key vectors of public administration activity, determined by the goals of development of the state and the system of interstate relations. As a result of the study, strategic imperatives of the state in the area under consideration were formulated.

Keywords: *world order, socio-political sphere, state, state administration, political hegemons, great powers, strategic imperatives, directions of development, international relations, security, sovereignty, economy.*

*Стратегия без тактики — самый
медленный путь к победе.
Тактика без стратегии — просто суета
перед поражением.
Сунь Цзы*

Императивы — это ключевые элементы стратегического планирования, определяющие в том числе и то, что должно быть сделано государственной администрацией для достижения желаемого состояния в общественно-политической сфере. Если придерживаться этих устремлений, то в сложившейся обстановке (в статус-кво) государство может занять место, которое позволяет добиться успешной траектории развития.

Для подтверждения сказанного целесообразно обратиться к прошлому, изобилующему примерами держав, добивавшихся политического влияния и стабильности с помощью различных стратегий, понимание которых через их успехи и неудачи критически важно для формулирования современных императивов, направленных на достижение желаемого состояния. Кроме того, исследование исторических моделей порядка позволяет выделить ключевые факторы, способствующие успешной траектории развития государства как на международной арене, так и внутри страны. «Императивы государства» — это не статичные принципы, а динамичные ориентиры, адаптирующиеся к меняющимся обстоятельствам. Они определяют приоритетные направления действий государственной власти для достижения таких долгосрочных целей, как обеспечение безопасности, экономического роста и социального благополучия граждан.

* * *

Вкратце рассмотрим порядок, основанный Ассирийским царством, становление гегемонии которого состоялось в XIV веке до нашей эры на Ближнем Востоке. Превратившись в империю, контролировавшую множество

различных регионов и народов, Ассирия впитала в себя огромные территории от Междуречья, Сирии, Финикии до Египта и Израиля, что подтверждает ее статус мощного государства и своего рода архитектора порядка. Достигнув максимального расцвета, империя установила длительный период относительного мира — *Rax Assyriaca* (Ассирийский мир) [1].

Главным механизмом установления порядка и утверждения гегемонии этой империи являлось ее военное превосходство над окружающими народами в результате формирования профессиональной армии и административной системы государственного аппарата, что позволяло эффективно управлять завоеванными территориями. Однако военная сила сама по себе не гарантирует необходимой и долгосрочной стабильности. Империя довольно быстро осознала, что устойчивости можно достичь только при наличии множества механизмов влияния, одним из которых выступает религия. Провозглашением бога Ашшура¹ своим покровителем она обосновала власть своих царей божественным правом и таким образом обеспечила легитимацию власти, укрепив единство подконтрольных народов.

Римская империя, в отличие от Ассирийской, строила свою гегемонию на более прочных основах. Она характеризуется созданием большого многонационального государства, сумевшего объединить народы посредством введения универсальных методов государственного управления. Кроме того, римской элитой были сформулированы универсальные принципы права, оказавшие долгосрочное влияние на развитие западной цивилизации. Строгая и эффективная административная система, развитая инфраструктура и использование единой валюты способствовали экономической интеграции и укреплению империи.

Опыт Римской империи показывает, что долгосрочная стабильность зависит не только от военной силы, но и от способности государства создавать универсальные институты, обеспечивающие равновесие и справедливость для всех граждан, независимо от их происхождения. Ею была заложена идея как военного превосходства, так и общественного спокойствия, при этом не были забыты фундаментальные основы в виде верховенства закона и социальной организации. В итоге сформировалась общность граждан, которая нашла свое отражение в понятии «*Rax Romana*» (Римский мир). Водворение мира среди покоренных народов с их участием в управлении государством и сохранением их индивидуальности стало основой порядка [2].

Римская государственность основывалась на следующих принципах: централизация власти с одновременным сохранением республиканских

¹ Ашшур — городской бог одноименной столицы Ассирии. Первоначально Ашшур был племенным богом ассирийцев. Он продолжительное время не считался связанным с явлениями природы, а являлся вначале богом-покровителем охоты и изображался чаще всего в виде охотника с луком вместе с быками — почитаемыми животными ассирийцев. Впоследствии же, когда началась эпоха постоянных войн и город Ашшур превратился в центр самой могущественной державы, Ашшур стал главным образом богом войн. Теологи наделили его всеми регалиями повелителя вселенной, творца и организатора космоса и сделали отцом богов.

институтов; конвергенция религиозных и культурных взглядов различных народов в гражданскую и политическую жизнь империи; распространение понятия «*Pax Romana*», отражающего общность народов на захваченных землях; развитие единой правовой системы и универсальных методов государственного управления населением; организация властных институтов империи таким образом, чтобы управление реализовывалось из столицы, что позволяло контролировать территорию и поддерживать порядок.

Несомненно, Римская империя оставила глубокий след в истории и культуре многих народов. Ее влияние на формирование порядка в общественно-политической сфере всё еще остается значительным и продолжает ощущаться в современном мире. Фактически речь идет о глобальном (для своего времени) гегемоне, насаждавшем свою культуру, искусство, образование, иерархическую форму государственного устройства и управления. В современном понимании данный феномен можно назвать однополярным мироустройством.

* * *

История общественно-политической организации мира демонстрирует поразительную динамику, переходя от моделей доминирования единого центра к системе многополярного взаимодействия государств. Приведем два достаточно ярких примера, радикально отличающихся друг от друга: древнекитайская концепция Поднебесной империи и Вестфальский мир 1648 года. Анализ этих моделей позволяет понять эволюцию международных отношений и принципов устройства глобального сообщества.

В Китае порядок рассматривался через призму названной концепции, в которой Китаю отводилась роль центра цивилизации в Восточной Азии. Идея мировой гармонии строилась с точки зрения единства под властью императора («Сына Неба»). Он управлял от имени Неба не только Китаем, но и «всем миром». Эта система подразумевала иерархические отношения с соседними странами, которые признавали китайского императора в качестве высшего авторитета и платили ему дань [3].

Подобный порядок позволял развивать экономические, культурные и торговые связи со странами Восточной и Центральной Азии, Индией, Персией и даже с европейскими странами. Фактически была установлена иерархическая региональная система, опиравшаяся на идею централизации власти, иерархического подчинения других народов китайскому императору и признания китайской цивилизации как главного центра. Общественно-политическая сфера в Восточной Азии так же однополярным образом основывалась на гегемонии Китая.

Резкий контраст с китайской моделью представляет собой Вестфальская система, возникшая в результате окончания Тридцатилетней войны. Подписанные в Мюнстере и Оснабрюке договоры заложили основы современного международного права, принципиально изменив понимание отношений между государствами. Вестфальский мир, отказавшись от иерархического

подчинения, утвердил принцип суверенитета государств. Комплексом мирных договоров была определена общественно-политическая обстановка и новая система международных отношений в Европе.

Фактически порядок стал складываться на основании отношений между государствами как независимыми акторами, и тем самым закреплялся их статус суверенных субъектов мировой политики. Были заложены принципы государственного суверенитета, территориальной целостности, равноправия и коллективной ответственности за безопасность. Таким образом, сложился европейский порядок, так как рассматриваемая система международных отношений не распространялась на другие регионы мира.

Основные результаты Вестфальского мира включали в себя признание суверенитета национальных государств, что стало началом современной системы независимых государств как основных субъектов международных отношений [4]; противодействие вмешательству внешних сил во внутренние дела государств, позволившее закрепить концепцию суверенитета [5]; установление прав наций на самоопределение и коллективные гарантии мира и безопасности; формирование дипломатических норм и правил международного этикета.

Эти положения оказали глубокое влияние на становление современного порядка. Суверенитет, территориальная целостность и невмешательство во внутренние дела остаются основополагающими принципами международного права и международных отношений по сегодняшний день. Вестфальские соглашения стали прообразом многополярного мира, в котором нет гегемона, способного ограничить суверенитет других стран. Важно подчеркнуть, что данное гетерархическое устройство общественно-политической сферы подразумевает отказ от диктата в межгосударственных отношениях, предполагая, что в случае появления среди государств какого-либо гегемона, все страны должны объединиться против него.

Не менее интересен пример масштабной политической системы, установившейся по результатам Венского конгресса 1814–1815 годов. Она сформировалась на основе договоренностей европейских держав, которые пришли к соглашениям после наполеоновских войн, получила название «Европейский концерт». Конгресс стремился вернуть Францию к границам 1792 года, восстановив феодально-абсолютистские режимы [6]. Державы-победительницы — Россия, Австрия, Пруссия и Великобритания — создали механизм поддержания баланса сил в Европе с целью предотвращения доминирования одной державы [7]. Был создан «Священный союз» в составе России, Австрии и Пруссии для поддержания нового европейского порядка.

Венское общественно-политическое устройство стало первой в истории формой многосторонней дипломатии, при которой ведущие европейские державы обязались решать конфликты через переговоры и международные конференции. Венский конгресс создал устойчивую систему международных отношений, которая позволила на несколько десятков лет избежать крупных

вооруженных конфликтов в Европе. Здесь важно обратить внимание на то, что по итогам договоренностей между державами мир, во-первых, стал, говоря современным языком, многополярным, во-вторых, в нём выделились государства-лидеры. Фактически появилось несколько центров силы, способных конкурировать между собой и диктовать свою волю более слабым государствам.

* * *

В XX веке мировая политическая архитектура фундаментально перестраивалась дважды: Версальским миром (был подписан 28 июля 1919 г., вступил в силу 10 января 1920 г.) и Ялтинско-Потсдамскими (соответственно, 4–11 февраля и 17 июля – 2 августа 1945 г.) договоренностями. Их разделяет немалый временной промежуток, они кардинально отличаются по последствиям, но при этом схожи в том, что оба возникли в результате глобальных вооруженных противостояний и представляют собой попытки установить новый порядок после разрушительных конфликтов.

Версальский порядок был сформирован по итогам Первой мировой войны. Он образовал полицентричный мир, в котором принятие и реализация важнейших решений происходили путем согласований между великими державами. Была создана Лига Наций (пакт о ней был включен в состав Версальского мирного договора), призванная обеспечить баланс интересов в мировом общественно-политическом пространстве. Она должна была поддерживать сложившийся по итогам договоренностей порядок и была нацелена на недопущение дестабилизации международной системы.

Поскольку Версальский договор был заключен после падения Российской империи в 1917 году и гибели Османской, Австро-Венгерской и Германской империй, его принято считать «постимперским». Отражая интересы победителей, он наложил на Германию тяжелые репарации и ограничения, заложив основу для будущих реваншистских идеологий. Это привело к глубокому дисбалансу в европейской системе безопасности, то есть к тому, что доминирование победителей не гарантировало общую стабильность.

Договор отражал интересы стран-победительниц — Великобритании, Франции, США и Италии, как главных архитекторов послевоенного мира. Он закреплял их господствующее положение в послевоенном мироустройстве, стал фундаментом нового порядка и одновременно породил множество противоречий и конфликтов.

Положения Версальского договора влияли на международные отношения и политическую ситуацию в Европе вплоть до Второй мировой войны. Можно констатировать, что была выстроена гетерархическая политическая система со странами-лидерами. Образовались центры силы, которые хоть и конкурировали между собой, но, можно сказать, вместе противодействовали реваншистским настроениям в побежденных странах. Итог известен: пытаясь сохранить старые правила в изменившемся мире, тем самым породив

новых могущественных игроков, стремящихся к реваншу, Версальский порядок потерпел крах.

Ялтинско-Потсдамская система межгосударственных взаимоотношений сформировалась в результате Второй мировой войны. Лидеры антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания) определили послевоенный миропорядок, который обозначил зоны влияния государств-победителей, предусмотрел создание Организации Объединенных Наций (24 октября 1945 г.) и формирование биполярного устройства мира, в котором доминировали два силовых центра: один из них возглавляли США, другим руководил СССР. Впоследствии для военного сдерживания СССР по инициативе США был создан военный блок НАТО (в 1949 г.), в ответ на которую Советским Союзом была сформирована Организация Варшавского договора.

От своих предшественников Ялтинско-Потсдамский миропорядок отличался тем, что в нем отсутствовали формальные договоры, многие соглашения были устными или декларативными, а их исполнение обеспечивалось политическими и военно-политическими методами; при нём сформировался биполярный мир с двумя сверхдержавами, что привело к идеологическому и политическому противостоянию; с одной стороны, была создана ООН как главный механизм коллективной безопасности; с другой, — сформировались военно-политические блоки НАТО и Организация Варшавского договора; и, наконец, в качестве фактора глобального сдерживания появилось ядерное оружие, изменившее баланс сил, что привело к модели «конфронтационной стабильности».

Этот порядок обеспечивал управляемость глобальной общественно-политической сферы через согласование позиций двух сверхдержав, но при этом сопровождался постоянной угрозой конфликта: два государства-лидера стремились к защите собственных интересов и одновременно противостояли друг другу, выстроив собственные иерархические системы. Если судить по итогу, то Ялтинско-Потсдамский порядок, признав новые реальности (биполярность и ядерное оружие), создал более прочные, хотя и конфронтационные, рамки для существования человеческой цивилизации.

* * *

После распада СССР в 1991 году в глобальном пространстве сложилась обстановка, которую можно характеризовать как однополярный мировой порядок, доминирующую роль в котором стали играть Соединенные Штаты Америки, придерживающиеся протекционистской политики в межгосударственной сфере. Итог известен: мир стал моноцентричным, что привело к гегемонии Запада, стремящегося распространять свои институты, нормы и ценности по всему миру, используя дипломатические и экономические механизмы [8]; в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве появились новые международные организации и союзы, одновременно произошла эскалация этнополитических конфликтов [9]; международная

архитектура безопасности и механизмы взаимодействия в общественно-политической сфере были перестроены; процесс глобализации усилил экономическое и политическое влияние Запада и США.

Распад СССР привел к тому, что Запад и прежде всего США на определенный период стали центром силы. Таким образом, в мировой государственной системе был выстроен глобальный иерархический порядок.

Современный миропорядок характеризуется переходом от моноцентричной общественно-политической обстановки к полицентричной многополярной системе. Ключевыми тенденциями нынешнего мироустройства являются постепенное размывание доминирования Запада и усиление роли держав регионального масштаба. Особую важность приобретает объединение стран в БРИКС² и ШОС³, отражающее тенденцию к более сбалансированному и справедливому миропорядку. Эти процессы сопровождаются усилением государств Глобального Юга и нарастанием конкуренции великих держав за формирование нового баланса сил. Очевидно, что устойчивость и справедливость новой политической и экономической системы во многом будет зависеть от того, как государства-лидеры сумеют согласовывать свои интересы и формы взаимодействия.

Как уже было сказано, порядок в общественно-политической сфере формируется в результате значимых исторических событий, связанных с крупными конфликтами, дипломатическими отношениями между государствами-лидерами, а также в результате экономических и теологических революций. Кроме того, он представляет собой процесс смены доминирующих государств и сдвигов в балансе военно-политических и экономических сил на мировой арене.

Таким образом, современный порядок в общественно-политической сфере можно охарактеризовать как процесс активного поиска нового устройства мира. Каким окажется баланс сил, покажет время. Возможно, дело обернется гегемонией одного государства; а может быть, будет установлена многополярность, которая выявит роль новых стран; не исключено и возникновение «симфонии великих держав». Скорее всего, исход противостояний мы увидим в обозримой перспективе.

Нельзя забывать, что стратегические императивы государства должны быть направлены на лидирующие позиции. Если власть отказывается от цели занять доминирующее положение на международной арене, она может ориентироваться только на осторожную многовекторную политику, направленную на выживание. Соответственно, должна избегать противостояния с великими державами, выбирая стратегию неравного присоединения к военно-политическим

² БРИКС (сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии, основанное в июне 2009 года в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая.

³ Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — международная организация, основанная 15 июня 2001 года лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

блокам или балансированию между государствами-лидерами ради обеспечения собственной безопасности. Естественным образом слабое государство во всех ситуациях вынуждено делать ставку на многостороннее сотрудничество в международных организациях и использование политики нейтралитета как средства уменьшения риска своего вовлечения в конфликты.

Попытаемся обозначить краткую характеристику стратегических императивов государства в общественно-политической сфере с некоторых позиций: они формулируются политическим руководством и отражают интересы различных слоев общества; определяют целевое состояние основных элементов общественно-политической сферы (безопасность, контроль над ресурсами, развитие экономики, поддержка социальной политики, обеспечение стабильности, общественного спокойствия и согласия); выявляют пути достижения целей различными методами государственного управления (правового регулирования, экономической регуляции, модернизации институтов и технологий); формируются на основе диалога между разными слоями общества и государственными органами, а также иностранными государственными администрациями.

Государство, претендующее на глобальное лидерство, должно обладать значительными ресурсами, волей к лидерству, способностью формировать и реализовывать собственную стратегию, а также быть востребованным социальным и культурным ориентиром для других стран, предьявляя мировому сообществу привлекательные общественные и духовно-нравственные ценности. С данной точки зрения, к важнейшим стратегическим императивам государства в общественно-политической сфере можно отнести следующие факторы:

- 1. Строительство эффективной модели государственного управления с возможностью ее адаптации к новым условиям.*
- 2. Сохранение суверенитета и предотвращение внешнего вмешательства.*
- 3. Развитие мощи государства посредством внедрения современных технологий и поддержки стратегических отраслей экономики.*
- 4. Создание привлекательных условий для бизнеса и капиталов, а также активное стимулирование притока иностранных инвестиций.*
- 5. Гарантирование экономической устойчивости и способности быстро адаптироваться к глобальным кризисам.*
- 6. Обеспечение контроля над ключевыми ресурсами страны: энергетика, информация, продовольствие, технологии.*
- 7. Укрепление оборонного потенциала и безопасности государства.*
- 8. Активная внешняя политика, позволяющая продвигать собственное видение перспективы развития международной системы отношений.*
- 9. Участие в глобальных инициативах, формирование военно-политических союзов.*
- 10. Продвижение международных экономических, научных и культурных проектов, укрепление партнерских связей на равных условиях.*

11. *Обеспечение высокого уровня внутригосударственной консолидации общества, развитие образования, науки, культуры.*

12. *Поддержка демографического роста, формирование эффективной кадровой политики и привлечение талантов.*

13. *Распространение собственных духовно-нравственных ценностей, культурного и идеологического влияния.*

14. *Создание привлекательной модели развития культуры и образования.*

Для успешного развития государству необходимо придерживаться той стратегии, которая позволит стать мировым лидером или одной из тех держав, которые способны формировать собственную повестку в сфере международных отношений. Так как именно стратегические императивы отражают фундаментальные направления, определяющие долгосрочные цели и приоритеты политики, необходимые для устойчивого развития государства, сохранения его суверенитета, стабильности общества, безопасности, функционирования и модернизации ключевых общественных институтов.

Список литературы

1. Ассирийская держава: от города-государства — к империи // История. РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/assiriyskaya-derzhava-ot-goroda-gosudarstva-k-imperii> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Римская Империя // World History Encyclopedia. URL: <https://www.worldhistory.org/trans/ru/1-100/> (дата обращения: 11.08.2025).
3. История Китая / Сайт посольства Китая. URL: http://kg.china-embassy.gov.cn/rus/zggk/201002/t20100226_1322551.htm (дата обращения: 11.08.2025).
4. Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50. URL: <https://www.afjournal.ru/2019/3/theory-and-methodology/westphalian-myth-history-and-criticism> (дата обращения: 25.08.2025).
5. Вестфальский мир 1648 года // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vestfal-skii-mir-1648-4df2bd> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Венский конгресс 1814–1815 гг.: участники, решения, итоги // История России с зарождения государства до наших дней. URL: <https://all-russia-history.ru/congress-of-vienna> (дата обращения: 25.08.2025).
7. Венская система международных отношений // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Венская_система_международных_отношений (дата обращения: 25.08.2025).
8. Гринин Л.Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? // Век глобализации. Выпуск №2(16). 2015. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/300106/> (дата обращения: 25.08.2025).
9. Ликвидация СССР: международно-правовые последствия // XIV Петербургский международный юридический форум. Деловая программа. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7922/> (дата обращения: 25.08.2025).

ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В КОМПАНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ВОПЛОЩЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу микротаргетинга как инструмента политического маркетинга в условиях цифровизации. Исследуется его эволюция, этические и правовые вызовы, а также влияние генеративного ИИ (GenAI) на манипуляцию общественным мнением. Особое внимание уделяется противоречиям между эффективностью персонализированных коммуникаций и угрозами для демократии, включая распространение дезинформации и поляризацию общества.

Ключевые слова: политический маркетинг, таргетинг, политический процесс, политическая кампания, политические партии.

TOOLS OF POLITICAL MARKETING IN COMPANIES: CONCEPTUALIZATION OF THE PROBLEM AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of microtargeting as a tool of political marketing in the context of digitalization. Its evolution, ethical and legal challenges, as well as the influence of generative AI (GenAI) on the manipulation of public opinion are studied. Particular attention is paid to the contradictions between the effectiveness of personalized communications and threats to democracy, including the spread of disinformation and the polarization of society.

Keywords: political marketing, targeting, political process, political campaign, political parties.

Исследования таргетинга в политическом маркетинге и избирательных кампаниях приобретают все большую значимость в условиях цифровизации общества и усиления конкуренции за голоса избирателей. Современные электоральные процессы все чаще опираются на такие цифровые инструменты, как социальные сети, поисковые системы и алгоритмы анализа данных. Таргетинг позволяет точно определять целевую аудиторию, учитывая

ее демографические, географические и поведенческие характеристики. Использование поведенческого таргетинга (анализ поисковых запросов, активности в социальных сетях) помогает партиям адаптировать сообщения под конкретные группы, что повышает эффективность избирательных кампаний.

Дж. Альтер [1, р. 114] в своих исследованиях детально описывает, как президентская кампания Б. Обамы в 2012 году использовала большие данные и цифровые технологии для мобилизации избирателей. Команда аналитиков применяла методы таргетинга для прогнозирования поведения избирателей и оптимизации рекламных сообщений. Это стало поворотным моментом в политическом маркетинге, показавшем силу данных в демократических выборах.

Дж. Барлетт [2, р. 310] связывает микротаргетинг с кризисом демократии, показывая, как компания «Кэмбридж Аналитика» (Cambridge Analytica) использовала данные сети Facebook* для распространения дезинформации и поляризующих сообщений в избирательных кампаниях Д. Трампа в 2016 году и во время голосования по Брексит (Brexit) в Великобритании.

С. Беннет сравнивает подходы США и ЕС. В США микротаргетинг регулируется слабо из-за защиты свободы слова Первой поправкой, а в ЕС закон ограничивает сбор данных, требуя явного согласия пользователей. Однако даже в Европе лоббирование платформ ослабляет эффективность законов [3, р. 261–275].

Д. Ван дер Бликер [4, р. 2], Б. Боде и Т. Хельбергер [5, р. 4–11] пишут об активности использования микротаргетинга в политических кампаниях, использовании данного инструмента европейскими политическими партиями и в президентских кампаниях США.

Б. Честни, Б. Цитрон и А. Симчон [6, р. 1753–1819] добавляют к этому угрозу дипфейков и генеративного ИИ, которые могут создавать персонализированные фейки, манипулирующие мнением избирателей на уровне индивидуальных предпочтений.

Т. Доббер [7, р. 18–31; 8, р. 257–272] отмечает, что современный микротаргетинг в социальных сетях отличается от традиционных методов прямой почтовой рассылки. Алгоритмы позволяют учитывать не только демографические данные, но и психографические профили, что повышает точность воздействия на целевые аудитории.

Ван М. Друнен [9, р. 50–56] и Х. Грассберг [10, р. 1–2] критикуют европейских регуляторов за фрагментированный подход. Например, в Нидерландах отсутствуют четкие правила для политической рекламы, а это позволяет партиям обходить ограничения платформ; выделяются риски таргетированной манипулятивной рекламы, которая незаметна для общественности

* Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

и регуляторов. В итоге политики получают возможность представлять противоречивые позиции разным группам избирателей, подрывая прозрачность выборов.

Д. Хобокен [11, р. 172] и С. Иссенберг [12, р. 102–110; 13, р. 357] подчеркивают, что в США еще до избирательной кампании Б. Обамы эксперименты с микротаргетингом проводились в кампаниях сенатора М. Ромни и других республиканцев. Однако именно демократы первыми масштабировали эти методы, используя алгоритмы для сегментации аудиторий.

Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно изучено влияние не только таргетинга как инструмента политического маркетинга, но и искусственного интеллекта (нейросети), его воздействие на электоральные кампании и политический процесс в целом.

* * *

Исследования таргетинга в избирательных кампаниях опираются на комплекс методов и теоретических подходов, объединяющих политологию, социологию, маркетинг и управление данными. Методы теории коммуникации позволяют проанализировать направленность и эффективность политических сообщений, методы поведенческой экономики, а концепция «подталкивания» и «рамок» К. Санстейна дает возможность изучить влияние персонализированных сообщений на выбор избирателей. Важным видится опора в исследовании на теорию манипуляции общественным мнением для выявления и понимания роли алгоритмов в формировании электоральных предпочтений. Анализ больших данных (Big Data) на основе использования данных соцсетей (лайки, репосты, геолокация) и поисковых запросов (Google Trends) для психографического профилирования, эксперименты (А/В-тестирование) способствуют проведению сравнений эффективности разных сообщений для сегментированных аудиторий. Пришлось к месту использование междисциплинарных подходов: политической социологии для изучения влияния микротаргетинга на социальную структуру электората; киберпсихологии для анализа воздействия цифровых технологий на принятие решений; цифровой этнографии в части наблюдения за поведением пользователей в онлайн-сообществах.

Методологическая основа исследования требует определенной гибкости и соответствующей адаптации к меняющемуся политическому ландшафту и цифровым инструментам, сохраняя фокус на прозрачности и социальной ответственности.

* * *

Быстрое развитие таких генеративных инструментов искусственного интеллекта (GenAI), как ChatGPT, открывает новые возможности и вызовы для общества, особенно в контексте микротаргетинга и манипуляции информацией.

Обозначим ключевые аспекты этой проблемы и их последствия. *Первым глобальным вызовом* можно назвать микротаргетинг как средство политического маркетинга и персонализации контента. Эффективность применения искусственного интеллекта в политике и маркетинге позволяет автоматически создавать персонализированные сообщения для специализированных целевых аудиторий на основе их демографии, интересов или поведения. Нейросеть как инструмент политического маркетинга делает политические кампании и рекламу более эффективными, но одновременно повышает риск манипуляции. Раньше создание уникального контента для разных групп требовало значительных финансовых и человеческих ресурсов [1, р. 114], теперь искусственный интеллект генерирует тысячи вариантов за минуты, что удешевляет массовое воздействие на аудиторию.

Второй вызов — это риск дезинформации и манипуляции. «Манипуляционная машина» в форме комбинации нейросети и микротаргетинга может использоваться для распространения дезинформации, поддельных новостей или поляризующих нарративов [3, р. 261–275]. Например, политические акторы способны настраивать сообщения так, чтобы они эксплуатировали страхи или предубеждения конкретных групп. Возможно масштабирование угроз. В отличие от ушедших в прошлое типов политических кампаний (вроде Cambridge Analytica), где контент создавался вручную, GenAI открывает возможность генерировать уникальные материалы информационного сопровождения для миллионов пользователей, усложняя обнаружение и контроль.

Третьим вызовом может выступить риск для системы политического образования и академической честности. Студенты могут применять искусственный интеллект для автоматического написания работ, что ставит под вопрос ценность традиционных методов оценки в системе образования. Учебные заведения вынуждены пересматривать подходы к обучению, адаптировать и внедрять инструменты детекции ИИ-контента и делать упор на критическое мышление и креативность. На поверхность выносятся этические и регуляторные вопросы [9, р. 50–56], в том числе прозрачности и ответственности: кто отвечает за контент, созданный нейросетью; как обеспечить маркировку таких материалов? В части регулирования страны начинают разрабатывать законы (в частности, в странах Европейского союза — EU AI Act), чтобы ограничить злоупотребления. Однако технологии развиваются быстрее, чем законодательство. В части цифровой компетентности пользователи должны учиться распознавать ИИ-генерацию и критически оценивать информацию.

Описать перспективы купирования угроз от подобных вызовов возможно через технологические барьеры, в том числе посредством улучшения алгоритмов обнаружения ИИ-контента, коллаборации платформ, когда социальные сети и поисковики могут требовать раскрытия использования нейросети в рекламе и политических материалах. Внедрение глобальных стандартов в части искусственного интеллекта, создание международных

норм для его этичного применения, аналогичных регулированию биооружия или киберпреступности.

Нейросеть трансформирует способы коммуникации, но несет риски для демократии, образования и информационной безопасности. Чтобы предотвратить превращение этой технологии в инструмент массовой манипуляции, необходимо сочетать регулирование, технологические инновации и повышение осведомленности общества. Как отмечают исследователи [8, р. 276–282], без контроля комбинация искусственного интеллекта и микротаргетинга может стать «оружием информационного воздействия» для нового поколения.

Исследование таргетинга и ИИ как инструмента политического маркетинга [9, р. 50–56; 10, р. 1–2] поднимает крайне важный аспект демократического общества — баланс между защитой основных прав (включая свободу политического выражения) и необходимостью регулирования технологий, способных подорвать эти же права. Таргетинговая реклама, как инструмент политической агитации, действительно находится в серой зоне: с одной стороны, это форма политического самовыражения, с другой, — может быть угрозой свободным выборам и равному доступу к информации.

Разберем ключевые противоречия и возможные пути их разрешения. Двойственная природа микротаргетинга концентрируется вокруг двух полюсов: права и риска применения. Право на политическое выражение, когда микротаргетинг позволяет политическим партиям и кандидатам эффективно доносить свои идеи до конкретных групп, соответствует принципам свободы слова и плюрализма, то есть логичному развитию традиционных методов агитации (листовки, митинги) в цифровую эпоху. В то же время выделяются и риски для демократии: нарушение личной автономии, при котором алгоритмы могут манипулировать выбором гражданина, исходя из уязвимости психологического профиля (например, через персонализированные страхи или ложные обещания); эрозия равных условий, когда более обеспеченные партии получают преимущество, применяя дорогие инструменты политического маркетинга и микротаргетинга, тем самым нарушая принцип справедливой конкуренции. Наблюдается фрагментация информационного пространства: разные группы получают противоречащие друг другу сообщения, что усиливает поляризацию социума и подрывает общественный дискурс.

Анализ ситуации позволяет выделить определенные правовые и этические вызовы регулирования. В части принципа пропорциональности — любое регулирование должно быть минимально необходимым для защиты публичных интересов (например, целостности выборов). Однако, по нашему мнению, определение этой «минимальности» представляется затруднительным. Отметим и конфликт ценностей, когда с одной стороны необходимо обеспечить свободу партий, а с другой, — защиту избирателей.

Исторически партии действовали при минимальном вмешательстве государства, но технологии меняют правила игры. Примеры политических кампаний в США и Великобритании показывают, что отсутствие четких

правил микротаргетинга привело к злоупотреблениям (Cambridge Analytica, дезинформация в процессе проведения кампании Brexit) [10, р. 1–2]. Эксперты выделяют и технологическое опережение, когда регуляторы отстают от скорости развития нейросетей и алгоритмов таргетинга [14, р. 82–96]. Законы часто пишутся «постфактум», то есть тогда, когда ущерб обществу уже нанесен.

Чтобы избежать как чрезмерного контроля, так и анархии, можно предложить многоуровневую систему мер:

1. *Прозрачность и подотчетность*: обязательное раскрытие источников финансирования микротаргетинговых кампаний; маркировка политического контента, созданного с помощью искусственного интеллекта (например, как в принятом в Евросоюзе EU Digital Services Act); публикация аудитории таргетинга (через формирование единых реестров рекламных кампаний в соцсетях).

2. *Ограничение данных для таргетинга*: запрет использования чувствительных категорий данных (раса, религия, медицинская история) для политической рекламы; ограничение глубины анализа поведения (запрет таргетинга на основе эмоционального состояния).

3. *Этические стандарты для генеративного искусственного интеллекта*: внедрение «красных линий» — запрет на генерацию контента, разжигающего ненависть, или поддельных медиа (дипфейков); независимый аудит алгоритмов, используемых в политических кампаниях.

4. *Укрепление цифровой грамотности*: образовательные программы для избирателей о рисках микротаргетинга и методах манипуляции; поддержка независимых фактчекинговых инициатив.

Опыт ряда стран и наднациональных международных объединений говорит о наличии институциональных решений такого рода вызовам [11, р. 172]. Так, в Европейском союзе приняты законы о цифровых сервисах — Digital Services Act (DSA), о цифровых рынках — Digital Markets Act (DMA), которыми вводятся правила прозрачности для онлайн-рекламы, включая политическую. Платформы обязаны предоставлять данные о таргетинге и запрещать дискриминационные алгоритмы [12, р. 102–110]. В США обсуждается закон о честной рекламе — Honest Ads Act (пока не принят¹), направленный на то, чтобы раскрывать информацию о заказчиках политической рекламы в социальных сетях, аналогично телевизионным роликам. В ФРГ закон о контроле за соблюдением правил работы с сетями — Enforcement of electoral laws (более известный как закон о Facebook*) — усиливает контроль за цифровой агитацией, включая санкции за использование незаконных данных.

Таким образом, мировая практика позволяет говорить о возрастающей роли политических партий и государства. Наблюдается саморегуляция

¹ На момент написания статьи закон, который внесен на обсуждение в конгресс 19 октября 2017 года, не принят.

* Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

партий, то есть добровольные кодексы этики, отказ от использования спорных технологий (например, эмоционального таргетинга). Возникают независимые надзорные органы, то есть структуры вроде «цифровых избиркомов» для мониторинга электоральных кампаний в реальном времени. Активизируется международное сотрудничество, полным ходом идет обмен опытом и гармонизация законов во избежание регуляторного арбитража.

Регулирование рекламного политического таргетинга, инструментальное воздействие на политическую пропаганду не должно сводиться к запретам, — речь о поиске баланса между инновациями и защитой демократических ценностей [13, р. 357]. По нашему мнению, ключевая задача — сохранить открытость выборов и равенство участников, не подавляя свободу политического творчества. Для этого необходимы: гибкие законы, адаптирующиеся к технологиям, прозрачность как основа общественного доверия, взаимодействие между государством, платформами, партиями и гражданским обществом. Только так можно преобразовать маркетинговый инструмент — микротаргетинг — из «манипуляционной машины» в инструмент, усиливающий, а не ослабляющий демократические начала политической системы общества. Наш анализ ситуации подчеркивает ключевой парадокс современных демократий: как регулировать технологии вроде микротаргетинга, не подрывая основополагающие свободы, и как согласовать национальные подходы в глобальном цифровом пространстве.

Разберем примеры регулирования США, Франции и Германии, их сильные и слабые стороны, а также общие принципы, которые могут стать основой для международных стандартов. Обобщение регуляторных моделей искусственного интеллекта в контексте политического маркетинга и рекламы позволяет выделить определенные практики [15, р. 8–9]. В США формируется акцент на прозрачность, но фиксируются пробелы в регулировании генеративного ИИ. Закон FECA (Federal Election Campaign Act — закон о федеральной избирательной кампании 1971 года; основной федеральный закон США, регулирующий сбор средств и расходы на политические кампании) регулирует финансирование кампаний, включая онлайн-активность, но не учитывает специфику микротаргетинга через искусственный интеллект [16, р. 40]. Например, требования отчетности о расходах на рекламу в социальных сетях остаются расплывчатыми.

Упомянутый выше закон о честной рекламе предлагает обязать платформы раскрывать информацию о том, кто платит за политическую рекламу и какую аудиторию он таргетирует. Однако закон не решает проблему персонализации контента через искусственный интеллект, где одно сообщение может иметь тысячи вариаций для разных групп. Видна проблема «темных паттернов», когда даже при прозрачности финансирования политических партий и кампаний алгоритмы микротаргетинга могут скрыто эксплуатировать психографические данные (например, таргетировать контент на основе эмоциональной уязвимости).

Во Франции нарастает борьба с дезинформацией, но виден высокий риск цензуры. Французский закон о борьбе с фейковыми новостями Loi Infox (принят в 2018 г.) обязывает цифровые платформы удалять фейки в период выборов, а также раскрывать источники финансирования рекламы [17, р. 21]. Однако закон критикуют за расплывчатость определений: что именно считать «дезинформацией»? Например, сатира или гипотетические прогнозы могут быть ошибочно заблокированы. Недостаток внимания к микротаргетингу, удаление ложного контента не предотвращает манипуляцию через гиперперсонализацию правдивой, но поляризующей информации, что ограничивает политическую конкуренцию. А штрафные санкции в размере до 75 000 евро мотивируют платформы к цензуре «на всякий случай», что может задушить легитимную политическую дискуссию.

В ФРГ сложился конституционный подход к необходимости регулирования искусственного интеллекта. Статья 21 Основного закона Германии констатирует, что признание партий как «участников формирования политической воли» создает основу для их защиты, одновременно обязывая партии соблюдать демократические принципы. Это позволяет регулировать таргетинг как инструмент политической рекламы, не нарушая автономию партий. Немецкий «Закон о контроле за соблюдением правил работы с сетями» — NetzDG (принят в 2017 г.) требует удаления незаконного контента в течение 24 часов, но его применение к политической рекламе спорно [15, р. 8–9]. К слову, таргетированная реклама, использующая легальную риторику, но разжигающая рознь через контекст, может остаться незамеченной. Таким образом, можем говорить о том, что формируется новый подход к прозрачности. С 2023 года политическая реклама в ФРГ должна явно указывать, кто за нее заплатил и на какую аудиторию она нацелена. Это — попытка уравновесить свободу слова и защиту избирателей.

Обобщением практики регулирования выделяются общетеоретические подходы к концептуализации таргетинга как инструмента политического маркетинга. Базисный принцип прозрачности означает раскрытие критериев таргетинга (как в немецкой модели) и источников финансирования, потребность в единой базе данных политической рекламы (например, библиотека Facebook*, но с доступом для независимых исследователей). Принцип запрета на эксплуатацию уязвимостей означает ограничение использования данных о психическом здоровье, религии или расе для таргетинга, введение санкций за злоупотребление ИИ, запрет дипфейков в политической рекламе [18, р. 12–31].

Недостатки национальных моделей говорят о фрагментации. Так, законы США, Франции и ФРГ действуют только в их собственной юрисдикции, а микротаргетинг в социальных сетях носит глобальный характер. Международные акторы иных юрисдикций могут таргетировать избирателей в других странах, оставаясь вне досягаемости национальных законов. Принцип

* Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

технологического отставания означает, что даже прогрессивные законы вроде немецкого закона NetzDG не учитывают скорость развития искусственного интеллекта. Нейросети уже могут обходить фильтры, генерируя контент, который формально соответствует правилам, но несет скрытые манипулятивные месседжи. Принцип конфликта ценностей, на основе которого в США делают ставку на свободу слова, в ЕС ориентирована на защиту приватности, а многие политические режимы используют таргетинг для вмешательства в выборы (Румыния), что усложняет выработку общих стандартов.

Если обобщить пути к глобальным решениям, то можно предложить модель многоуровневого регулирования: гармонизация наднационального законодательства (СНГ, ЕАЭС, ЕС, ОЭСР и т.п.) через расширение цифровых норм регулирования искусственного интеллекта, обязывающее платформы проверять политическую рекламу на соответствие нормам всех стран-членов, создание «черных списков» субъектов, замеченных в дезинформации (аналогично санкционным спискам за коррупцию). Действует и принцип публично-частного партнерства, когда запрещенные в Российской Федерации платформы вроде Meta и Google могли бы внедрить единый стандарт прозрачности для политической рекламы, даже если местные законы его не требуют. Здесь же можно напомнить о принципе международного арбитража, который означает создание наднациональных структур для расследования трансграничного вмешательства в выборы.

Исследователи выделяют тенденции распространения технологических инноваций: использование ИИ-детекторов вроде OpenAI's Text Classifier (программа искусственного интеллекта, выпущенная в январе 2023 года и нацеленная на различение текстов, созданных искусственным интеллектом, и текстов, написанных людьми) для маркировки ИИ-контента, интегрированных в платформы децентрализованной верификации, то есть создания блокчейн-реестров для отслеживания источников финансирования рекламы [19, р. 109; 20, р. 3–20]. Возрастает необходимость разработки этических алгоритмов, то есть добровольного отказа платформ от использования психографических данных для политического таргетинга (как в случае с запретом Twitter/X* на политическую рекламу в 2019–2023 гг.).

В 2021 году 30 стран, включая США, Японию и государства — члены ЕС, запустили инициативу «Партнерство для защиты демократии от злоупотребления технологиями», целями которой были обмен данными о кибератаках на выборы, совместные расследования таргетинга в политической пропаганде, поддержка инициатив малых стран в создании регуляторных рамок.

Свободные выборы и политические дебаты можно защитить лишь через глобальную солидарность, адаптивные законы и этичное использование технологий. Как показывает опыт США, Франции и ФРГ, неизбежно столкновение

* Социальная сеть X (ранее Twitter) была заблокирована Роскомнадзором в начале марта 2022 г. на основании ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

с дилеммами «как регулировать, не запрещая» или «как сохранить суверенитет, борясь с транснациональными угрозами». Вероятно, ответ лежит в направлении функционирования гибридной модели, когда национальные законы, вдохновленные международными стандартами, подкрепляются технологиями прозрачности и ответственности платформ. В контексте политических инструментов таргетинга это означает одно: чем больше избиратели знают о том, кто, как и почему на них таргетируется, тем устойчивее демократия.

Известный скандал с Cambridge Analytica в 2018 году стал поворотным моментом в осознании рисков микротаргетинга, но его правовые и концептуальные рамки остаются размытыми даже в научно-исследовательской среде [21, р. 40–42]. Скандал раскрыл механику политического таргетинга с использованием психографического профилирования, сбор данных посредством сети Facebook* для получения информации о миллионах людей без их согласия, применение алгоритмической сегментации пользователей, разделение избирателей на группы по психологическим чертам («невротики», «консерваторы» и т.д.), использование персонализированной адресной пропаганды, рассылку противоречивых сообщений, усиливающих страхи или предубеждения (например, иммиграция для одних групп, экономика для других). Всё это обусловило соответствующий резонанс в СМИ и повышение осведомленности, но не понимание в социальной среде; общественность узнала о «темной стороне» таргетинга, но не о том, как регулировать его в будущем; политики начали говорить о «цифровой этике», но законы остались фрагментарными.

Список литературы

1. Alter J. *The center holds: Obama and his enemies*, New York: Simon & Schuster. 2013. DOI: 978-1451646078.
2. Bartlett J. *The People Vs Tech. How the internet is killing democracy (and how we save it)*. Londen: Ebury Press. 2018. DOI: 978-1785039065.
3. Bennett C.J. Voter databases, micro-targeting, and data protection law: can political parties' campaign in Europe as they do in North America? // *International Data Privacy Law*. 2016. № (6), afl. 4. DOI: <https://doi.org/10.1093/idpl/ipw021>.
4. Blijker J. van den Meesterlijk offensief⁹ Telegraaf en ANWB tegen rekeningrijden // *Trouw*. 2 mei 1999.
5. Bodó B., Helberger N., de Vreese, Claes H. Political micro-targeting: a Manchurian candidate or just a dark horse? // *Internet Policy Review*. 2017. № (6), afl. 4. DOI: 10.14763/2017.4.776.
6. Chesney B., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security// *California Law review*. 2018. № (107), afl. 5. URL: https://scholarship.law.bu.edu/faculty_scholarship/640.
7. Dobber T., Jong R. de Oude wijn in nieuwe zakken? Microtargeting van kiezers vroeger en nu' *Tijdschrift voor communicatiewetenschap*. Volume 48, Issue 2, Jun 2020. DOI: <https://doi.org/10.5117/2020.048.002.003>.

* Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

8. Dutilh Novaes C., Sullivan E., Lagewaard T., & Alfano, M. (2020). Van mening veranderen op Twitter? Zwarte Piet als casus. In: J. de Ridder, R. Vliegenthart & J. Zuure (red.) / Doen, durven of de waarheid? Democratie in digitale tijden. Amsterdam: Amsterdam University Press 2020. DOI: 10.5117/9789463727846.
9. Drunen M.Z. van, Votta F.A. EU-regulering van politieke microtargeting in Nederland: onderzoek faciliteren en negeren // Mediaforum. 2024. № 2. URL: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Mediaforum_2024_2.pdf.
10. Grassegger H., Krogerus M. The Data That Turned the World Upside Down. How Cambridge Analytica used your Facebook data to help the Donald Trump campaign in the 2016 election // Vice.com. 28 januari 2017. DOI: <https://doi.org/10.1177/13607804241228458>.
11. Hoboken J. van et al., Het juridisch kader voor de verspreiding van desinformatie via internetdiensten en de regulering van politieke advertenties // Amsterdam: IViR 2019. URL: <https://dare.uva.nl/search?identifier=98ec73f5-14a0-42ab-980b-f347f4a9a346>.
12. Issenberg S. How Obama's Team Used Big Data to Rally Voters // MIT Technology Review. 2012. URL: <https://www.technologyreview.com/2012/12/19/114510/how-obamas-team-used-big-data-to-rally-voters/>.
13. Issenberg S. The victory lab: the secret science of winning campaigns // New York: Crown 2012. ISBN: 9780307954794.
14. Zuiderveen Borgesius F.J. et al., Online political targeting: promises and threats for Democracy // Utrecht Law Review. 201. № 8(14), afl. 1. DOI: 10.18352/ulr.420.
15. Whitaker L. Paige, Garret R. Sam, Campaign Finance: Regulating Political Communications on the Internet/ in: T.P. Kallen (red.)/ Campaign Finance: Background, Regulation and Reform. New York: Nova Science. 2009. URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/1304792>.
16. Whitaker L. Paige, Campaign Finance Law: An Analysis of Key Issues Recent Developments, and Constitutional Considerations for Legislation // Washington D.C.: Congressional Research Service 2018. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R45320>.
17. Wet van Journal officiel de la République française nr. 0297, 23 december 2018, nr. 2. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DA/NIM/?uri=uriserv:OJ.L_.2020.249.01.0049.01.DAN.
18. Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence // PNAS Nexus. 2024. № (3), afl. 2.
19. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder. Toward an interdisciplinary framework of research and policymaking, Straatsburg: Raad van Europa 2017. P. 109 URL: <https://shorensteincenter.org/resource/information-disorder-framework-for-research-and-policymaking/>.
20. Woolley S.C., Howard P.N. Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media / Oxford: Oxford University Press. 2019.
21. Wylie C., Mindf*ck: Cambridge Analytica and the plot to break America, New York: Random House, 2019.

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН (на примере обеспечения гендерного равенства)

***Аннотация.** В статье изучается такой аспект осуществления правовых мониторинговых исследований в сфере защиты прав и свобод граждан, как обеспечение гендерного равенства. Особый акцент сделан на правовых возможностях повышения участия женщин в деятельности выборных органов публичной власти всех уровней. Оценены международные и национальные рейтинговые исследования в сфере гендерного равенства. С учетом методологических недостатков и не всегда объективного рейтингования государств сформулированы предложения по повышению качества подобных изысканий. Подготовлены рекомендации по оптимизации механизма осуществления правового мониторинга в сфере обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин.*

***Ключевые слова:** право, мониторинг, законодательство, законные интересы, права человека, гендерное равенство.*

LEGAL MONITORING IN THE SYSTEM OF PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS (using the example of ensuring gender equality)

***Abstract.** The article examines such an aspect of the implementation of legal monitoring studies in the field of protection of citizens' rights and freedoms as ensuring gender equality. Special emphasis is placed on the legal possibilities of increasing women's participation in the activities of elected public authorities at all levels. International and national rating studies in the field of gender equality are evaluated. Taking into account methodological shortcomings and the not always objective rating of States, proposals have been formulated to improve the quality of such studies. Recommendations have been prepared on optimizing the mechanism of legal monitoring in the field of ensuring equal rights and opportunities for men and women.*

***Keywords:** law, monitoring, legislation, legitimate interests, human rights, gender equality.*

К настоящему времени в нашей стране накоплен обширный массив правовых актов, так или иначе касающихся вопросов обеспечения гендерного равенства. Представляется, что правовые и другие научные исследования такого законодательства в основном проводятся по отраслевому принципу. Наибольший массив здесь традиционно представляют изыскания в сфере равенства трудовых прав [1, с. 141–160]. Иногда в рамках одного мониторинга изучается несколько отраслей законодательства [2]. В последние годы проводятся отдельные наблюдения по изучению формальных аспектов равенства в действующих нормативных правовых актах¹. В целом исследователи приходят к обоснованному выводу, что «формально российское законодательство позволяет говорить о соответствии гендерной политики международным стандартам» [3, с. 46].

Следует учитывать, что само понятие «гендерное равенство» в отечественном законодательстве не закреплено², хотя широко используется в международных правовых актах. В качестве примера можно отметить деятельность «Группы двадцати» (Group of Twenty – G20), участником которой является Россия. В ежегодных документах данной группы отражены вопросы обеспечения гендерного равенства (в том числе и в тех, что были приняты в 2023 и 2024 годах, соответственно, в Индии³ и в Бразилии⁴).

Заметим, что к настоящему времени издано значительное число научных работ, посвященных как собственно теории правового мониторинга [4] и отдельных аспектов его осуществления [5], так и вопросам его использования в различных сферах [6], включая законодательство о выборах [7, с. 91–107]. Поскольку в рамках одной работы сложно провести всеобъемлющий обзор различных аспектов юридических гарантий прав и свобод граждан, в качестве основного объекта наблюдения нами избраны вопросы обеспечения гендерного равенства, являющиеся в настоящее время достаточно актуальными.

Вопросы мониторинга обеспечения гендерного равенства далее будут рассмотрены с учетом положений действующих нормативных правовых актов, документов стратегического планирования, рейтинговых и иных исследований. Это позволяет оценить современное состояние правового регулирования в данной сфере и предложить рекомендации по его совершенствованию.

¹ См.: Ученые провели гендерное исследование, у кого больше прав по закону // Российская газета – Неделя – Федеральный выпуск. 2021. № 181(8532).

² При этом к ведению Департамента демографической и семейной политики Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации отнесены вопросы не только демографической политики, но и гендерного равенства. См. п. 3 Положения о Департаменте демографической и семейной политики Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (утверждено приказом Минтруда России от 8 сентября 2020 г. № 583).

³ Делийская декларация лидеров «Группы двадцати» (принята в г. Нью-Дели 10 сентября 2023 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72241> (дата обращения: 26.06.2025).

⁴ Рио-де-Жанейрская декларация лидеров «Группы двадцати» (принята в г. Рио-де-Жанейро 18–19 ноября 2024 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75600> (дата обращения: 26.06.2025).

В Конституции Российской Федерации зафиксирован целый ряд положений, в соответствии с которыми мужчина и женщина имеют как равные права и свободы, так и равные возможности для их реализации; закреплены гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола; граждане имеют равный доступ к государственной службе; и другие (ст. 19, 32, 37, 38).

В указах Президента России утверждается, что «осуществление целостной государственной политики по улучшению положения женщин является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства»⁵. В целях реализации документов, принятых на IV Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995 г.), был разработан специальный нормативный правовой акт федерального Правительства⁶.

Определенные усилия по данному направлению предпринимались и законодательной ветвью власти. Так, 20 ноября 1997 года Государственной Думой была одобрена «Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (№ 1929-П). В 2000 году в федеральный парламент был внесен законопроект № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации». Однако спустя годы неоднократных рассмотрений и доработок этот проект был отклонен.

Значительным шагом вперед стало принятие Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», в пункте 4 статьи 8 которого необходимость обеспечения гендерного равенства закреплена в качестве одного из основных принципов деятельности политических партий. Прямо установлено, что политические партии должны создавать мужчинам и женщинам, гражданам Российской Федерации разных национальностей, являющимся членами политической партии, равные возможности для представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах публичной власти. Но до настоящего времени этот принцип не полностью реализован на практике.

Для решения указанной проблемы в литературе нередко предлагается «законодательно закрепить нижнюю границу численного представительства женщин при формировании партийных списков для участия в выборах в законодательно-представительные органы власти, а также выборные должности федерального, регионального и муниципального значения, на уровне

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин»; Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 1996 г. № 1005 «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 года № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации».

1/3 от общего числа выдвинутых партией кандидатов на депутатские мандаты» [8, с. 24].

Однако, на наш взгляд, такой прямолинейный подход к обеспечению гендерного равенства вряд ли осуществим в современных отечественных реалиях. Ныне мировая практика показывает три основные модели обеспечения гендерного равенства посредством установления соответствующих квот [9, с. 47]:

– квоты гендерного равенства устанавливаются законодательством и являются обязательными для всех политических партий при выдвижении кандидатов и их списков;

– за кандидатами-женщинами законодательно закрепляются «резервированные места»; данные меры, реализуемые посредством введения специальных избирательных процедур (например, при регистрации избирательных списков), законодательно обеспечивают гендерный паритет путем резервирования определенного количества или процента мест за женщинами;

– вводятся так называемые партийные квоты («добровольные партийные квоты»), которые устанавливаются самими партиями при составлении списков кандидатов и обычно закрепляются в партийных уставах.

Полагаем, что именно последняя из указанных моделей наиболее предпочтительна, поскольку сами партии не склонны к тому, чтобы «механически» заполнять установленные государством гендерные квоты, а готовы самостоятельно использовать этот фактор в борьбе за голоса избирателей. Законодательное регулирование здесь целесообразно использовать непосредственно при регламентации конкретных типов избирательных систем и выборных процедур. К примеру, отмечается, что избрание по партийным спискам является «более благоприятным для количественного „скачка“ женщин на уровне принятия решений и политического представительства» [10, с. 27].

К сожалению, в недавнем прошлом некоторые кандидаты на выборные должности использовали гендерные предрассудки и стереотипы как манипулятивный прием. Например, на выборах высшего должностного лица Санкт-Петербурга в 2003 году один из кандидатов использовал лозунг «Губернатор — мужская работа!», хотя успеха это и не принесло⁷. Отсутствие в настоящее время даже попыток использовать на выборах подобные лозунги можно считать одним из показателей повышения электоральной культуры в целом.

Отметим, что в практике деятельности различных международных организаций, включая структуры ООН, уже накоплен значительный арсенал

⁷ Выборы в Санкт-Петербурге все же прошли // Независимая газета. 22.09.2003. URL: https://www.ng.ru/politics/2003-09-22/2_peterburg.html (дата обращения: 26.06.2025).

средств «мягкой силы» и рекомендаций по достижению гендерного равенства на выборных должностях и в органах публичной власти⁸.

* * *

В юридическом плане для осуществления мониторинга соответствующей области общественных отношений, помимо собственно нормативных правовых актов, наибольший интерес представляют действующие документы стратегического планирования. Не является исключением и рассматриваемая сфера. Для обеспечения равенства прав в нашей стране принимаются различные документы стратегического планирования.

Уже традиционным стало издание сменяющих друг друга национальных стратегий действий в интересах женщин. Последняя по времени Стратегия ориентирована на 2023–2030 годы⁹. Этот документ является основополагающим актом, определяющим основные направления государственной политики в интересах женщин на среднесрочный период. Достижение его целей осуществляется в рамках пяти основных направлений деятельности, первое из которых обозначено как «Укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны. Создание условий для развития их гражданской активности». Именно этот «заглавный» вектор полагаем целесообразным далее рассмотреть подробнее, так как реализация данного направления предполагает решение, в том числе следующих задач:

обеспечение возможностей для увеличения представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти всех уровней и в органах местного самоуправления;

расширение участия женщин в работе политических партий, увеличение их численности в руководящих партийных органах;

формирование у женщин интереса к активной политической деятельности;

создание условий для участия женщин в развитии институтов гражданского общества и другие.

Отдельный раздел Стратегии посвящен мониторингу реализации государственной политики в интересах женщин, который осуществляется, в том числе по нижеизложенным показателям:

– доля женщин в законодательных и исполнительных органах государственной власти и органах местного самоуправления в общей численности сотрудников законодательных и исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления;

⁸ Например, Инклюзивные избирательные процессы: Руководство для избирательных органов, направленное на поощрение гендерного равенства и участие женщин в выборах. «ООН-женщины» и ПРООН. 2015. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Publications/2015/Inclusive-electoral-processes-ru.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

⁹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р.

– доля женщин среди лиц, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы категории «руководители», в общей численности лиц, замещающих должности в этой категории;

– доля женщин в руководящих органах парламентских политических партий в общей численности сотрудников руководящих органов парламентских политических партий и другие.

Как предусмотрено непосредственно Стратегией, Правительство утвердило план мероприятий по реализации в 2023–2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы¹⁰ (далее — План). Отметим, что в этом документе мероприятия по разделу «Укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны» указаны уже не на первом месте, а на последнем.

При этом нормативное наполнение этого раздела представляется нам весьма скудным и далеким от проблем, обозначенных в самой Стратегии. Так, запланировано только одно мероприятие для увеличения доли женщин в органах власти и организациях (п. 36 Плана). Но и здесь фактически говорится только о разработке предложений по увеличению доли женщин в общественных советах при федеральных и региональных органах исполнительной власти, что, естественно, не равно увеличению доли женщин в самих органах власти.

Отдельные мероприятия Плана имеют весьма слабую связь с повышением роли женщин в общественно-политической жизни государства. Это, по нашему мнению, заключительный пункт 43 данного документа, посвященный реализации «общественно значимых проектов и программ по популяризации в современном обществе духовно-нравственных и традиционных семейных ценностей при участии объединений женщин в субъектах Российской Федерации». Здесь следует учитывать, что эти вопросы в полной мере урегулированы другим документом, носящим название «План мероприятий по реализации в 2024–2026 годах основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹.

Возможно, обозначенные выше обстоятельства связаны с тем, что рассматриваемый План охватывает только первый этап реализации Стратегии. Остается надеяться, что иные положения этого документа найдут свое полноценное отражение в плане мероприятий по его реализации в 2027–2030 годах.

* * *

В определенной степени нивелировать недостаток имеющихся правовых мониторинговых исследований в сфере гендерного равенства может

¹⁰ Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1104-р.

¹¹ Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 1734-р.

использование различных международных и национальных рейтингов, посвященных определению его уровня. Однако необходимо иметь в виду, что в связи с введением санкций со стороны западных государств в отношении России в последние годы ряд рейтингов формируется разнонаправленно, что в том числе влечет исключение из таких изысканий. В настоящее время существует несколько исследований, которые можно использовать для осуществления мониторинга в сфере гендерного равенства.

Естественно, наиболее авторитетными по определению являются рейтинги, составляемые структурами Организации Объединенных Наций. В качестве примера можно привести Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index), который составляется в рамках Программы развития ООН (ПРООН)¹². В нем Россия занимает 50-е место среди 162 государств.

В июне 2025 года Организация по устойчивому развитию при ООН (Sustainable Development Solutions Network – SDSN) опубликовала уже десятый ежегодный «Глобальный индекс устойчивого развития-2025», с помощью которого измеряется прогресс государств в достижении целей устойчивого развития в период 2016–2030 годов¹³. В нем под Целью № 5 обозначено «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек», в том числе подразумевающее необходимость «обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни»¹⁴. Справедливо отмечается, что указанные цели устойчивого развития могут служить «потенциально эффективным инструментом мониторинга, в том числе проблем защиты прав женщин»¹⁵.

В 2025 году с результатом 74,13 балла (из 100 возможных, которых не достигло ни одно из государств мира) Россия заняла 51 место среди 167 стран. В прошлом году наше государство располагалось на 56-й позиции. Выросли такие показатели, как соотношение среднего количества лет полученного образования среди женщин и мужчин и соотношение доли женщин и мужчин в рабочей силе. Однако доля мест, занимаемых женщинами в национальном парламенте (по состоянию на 2025 год – 16,4%), значимых изменений не показала¹⁶. Этот процент даже меньше, чем по состоянию на 1 января

¹² Этот индекс рассчитывается по трем основным категориям: охрана репродуктивного здоровья, гражданские права и возможности, экономическая активность и возможности на рынке труда.

¹³ Утверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 26.06.2025).

¹⁴ В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2017 г. № 1170-р Росстат России обеспечивает координацию деятельности субъектов официального статистического учета по формированию и представлению в международные организации официальной статистической информации по показателям достижения целей устойчивого развития.

¹⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // Российская газета. 2018. 17 апреля. № 81.

¹⁶ Sustainable Development Report 2025 / Russian Federation. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2025-russian-federation.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

2019 года, когда в составе Федерального Собрания в целом доля женщин составляла 16,7 процента: в Совете Федерации — 18,3, а в Государственной Думе — 16,1¹⁷.

Индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index) рассчитывается по методике Всемирного экономического форума, основанной на комбинации общедоступных статистических данных¹⁸. По данному Индексу в 2020 году Россия оказалась на 81 месте среди 157 государств.

Рейтинг гендерного равенства «Женщины, бизнес и закон» (Women, Business and the Law) составляется Всемирным банком¹⁹. При этом измеряются формальные юридические препятствия для участия женщин в экономической жизни. В 2021 году было проанализировано законодательство 190 стран. Россия получила 73,1 балла из 100, что соответствует 129 месту.

Собственные рейтинги формируют и различные неправительственные организации. Например, рейтинг SDG Gender Index разработан ассоциацией женских сетевых организаций, представителей гражданского общества и бизнес-сообщества Equal Measures 2030. Здесь в 2022 году по 56 показателям, по которым предоставляется «общая картина» по 14 из 17 целей устойчивого развития до 2030 года²⁰, наша страна заняла 68 место среди 138 государств²¹.

* * *

Позитивным моментом можно считать то, что совсем недавно был составлен рейтинг субъектов Российской Федерации по обеспечению гендерного равенства на основе исследования, проведенного в рамках проекта «Если быть точным» (платформа с данными и исследованиями по социальным проблемам в российских регионах)²². В нем одним из анализируемых показателей выступает представленность женщин в законодательных органах субъектов Федерации. По состоянию на 2024 год женщины составляют только 1/5 часть от общего числа депутатов. При этом нет ни одной женщины в составе законодательного органа Чеченской Республики (всего республиканский парламент состоит из 41 депутата). В свою очередь только

¹⁷ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48e06c958e454/obzor.pdf?ysclid=mcak28dwo324619951> (дата обращения: 26.06.2025).

¹⁸ Индекс измеряет уровень гендерного неравенства по 14 переменным в 4 ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности, образование, здоровье, политические права и возможности.

¹⁹ Оценка проводится по 8 параметрам: трудоустройство, заработная плата, свобода передвижения, брак, рождение ребенка, ведение бизнеса, владение активами и пенсии.

²⁰ В число этих показателей включаются: доля работающих женщин, проживающих за чертой бедности; доля женщин, имеющих банковский счет; удовлетворенность женщин общественным транспортом; число женщин среди жертв тяжких и особо тяжких преступлений и др.

²¹ SDG Gender Index. Equal Measures 2030. URL: https://equalmeasures2030.org/wp-content/uploads/CountryProfilePDFs/EN/Country_Profile_Russia.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

²² По открытым данным была проанализирована ситуация по 5 критериям: ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин; уровень заработной платы; время, потраченное на уход за детьми; участие в политике и предпринимательстве.

в одном законодательном органе — в Думе Чукотского автономного округа, женщины занимают большинство депутатских мест (8 из 14).

Итогом стала подготовка обобщенного рейтинга с точки зрения равенства прав женщин и мужчин. Аутсайдерами были названы Магаданская и Смоленская области, Чеченская Республика, Камчатский край, республики Дагестан и Мордовия. В числе лучших названы Москва, Республика Коми, Тюменская, Тульская, Волгоградская области, Чукотский автономный округ²³.

* * *

Полагаем, что в целях повышения объективности необходимо принимать во внимание и имеющиеся инструменты (рейтинги, индикаторы, рекомендации, опросы и др.), оценивающие уровень равенства в государствах. При этом необходим комплексный подход с использованием сразу нескольких рейтингов, поскольку одни методики ограничивают измерение уровня гендерного равенства только государственным (общественным) сектором, другие включают также и частный сектор.

Любые рейтинги и индексы имеют свои методологические недостатки и поэтому не всегда объективно отражают положение того или иного государства. Особенно это касается использования сложных индексов, в которых имеются проблемы с дефинициями и процедурами агрегирования. Они могут быть решены путем более точного определения измеряемых параметров и приписывания большего веса данным, поступившим из наиболее независимых источников, более детализированным и документированным, а также полученным с помощью более репрезентативной выборки [11, с. 149].

По нашему мнению, одним из вариантов учета международных оценок гендерного равенства является присвоение каждому государству количества баллов, равного порядковому месту в соответствующем рейтинге. Следовательно, для государства, занявшего первое место, оценка будет равна одному баллу, а для государства, которое находится на 100-м месте — 100 баллов. Соответственно, в случае если международный рейтинг предусматривает обратное ранжирование, порядок присвоения баллов будет изменен с тем, чтобы государствам, имеющим более низкий уровень гендерного равенства, присваивалось большее количество баллов.

Другой вариант — измерение уровня соответствия государства независимым оценкам уровня гендерного равенства. Измерять рассматриваемый уровень можно как по отношению к предыдущему году, так и в динамике нескольких лет. Причем первый вариант представляется более предпочтительным, поскольку он менее зависим от пересмотров самих рейтингов и их методологии. Таким образом, по каждому из используемых рейтингов соответствующему государству присваивается один из трех уровней:

²³ Методология оценки масштаба проблемы в регионе (расчет рейтинга А-Е) // Если быть точным. URL: https://tochno.st/methodology/gender_inequality?ysclid=mc4t5xps5t724984223 (дата обращения: 26.06.2025).

«положительный», «нейтральный», «отрицательный». Если место государства в рейтинге за последний год (или период) улучшилось, то у него будет «положительный» уровень, а если ухудшилось — «отрицательный». Соответственно, страны, место которых в рейтинге не изменилось, получают «нейтральный» уровень. Итоговый уровень государства определяется путем арифметического сложения результатов по всем используемым рейтингам.

К числу достоинств такого подхода можно отнести и возможность учета положения стран, не попавших в рассмотренные выше рейтинги. В этом случае государствам присваивается «нейтральный» уровень.

Список литературы

1. Азарова Е.Г., Моцная О.В. Труд и социальное обеспечение женщин: актуальные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 12.
2. Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л.Н. Завадская. М.: Издательство БЕК, 2001. 272 с.
3. Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы / Н.М. Великая, Е.М. Березкина, Е.А. Ирсетская [и др.]; под общ. ред. Н.М. Великой. Москва: Ключ-С, 2023. 260 с.
4. Правовой мониторинг: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М.: Юриспруденция, 2009. 415 с.
5. Судебная практика в механизме правового мониторинга: науч.-практич. пособие / М.Е. Глазкова, А.В. Павлушкин, В.В. Севальнев [и др.]; отв. ред. А.В. Павлушкин. М., 2017. 168 с.
6. Мониторинг законодательства о лесах и животном мире: Научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2011. 351 с.
7. Мониторинговые исследования в системе избирательных комиссий // Гражданин. Выборы. Власть. 2013. № 2.
8. Митяева Ю.В., Видова Т.А., Головастова Ю.А. Политико-правовой анализ гендерного вопроса при реализации политических прав женщинами в России // Современное право. 2024. № 5.
9. Симонишвили Л.Р. К вопросу о новых подходах к формированию представительных органов государственной власти в зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1.
10. Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. № 4(81).
11. Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / В.П. Емельянцева, В.И. Лафитский, О.И. Семькина и др.; рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Статут, 2015. 248 с.

ОБОСНОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ДОЛГА В АКТИВНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ (размышления о статье Н.А. Бобровой)

***Аннотация.** В статье, являющейся положительной реакцией на работы профессора Н.А. Бобровой, актуализируются теоретические и правовые аспекты ценности активного избирательного права. Отмечается объективность и научная обоснованность введения в правовую жизнь общества категории «конституционный долг». Отмечается необходимость легального закрепления категории «долг» в избирательном законодательстве.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, избирательное законодательство, активное избирательное право, избиратели, органы публичной власти.*

JUSTIFICATION OF CONSTITUTIONAL DUTY IN ACTIVE SUFFRAGE (reflections on the article by N.A. Bobrova)

***Abstract.** The article, which is a positive reaction to the article by Professor N.A. Bobrova, actualizes the theoretical and legal aspects of the value of active suffrage. The author notes the objectivity and scientific validity of the introduction of the category of «constitutional duty» into the legal life of society. The need for legal consolidation of the category of «duty» in electoral legislation is noted.*

***Keywords:** Constitution of the Russian Federation, electoral legislation, active electoral law, voters, public authorities.*

Активное избирательное право, как признанная универсальная ценность, выступает одним из принципов избирательного права и закреплено в основных законах практически всех современных государств. В нашей стране право избирать принадлежит исключительно гражданам Российской Федерации и преследует цель активного участия каждого гражданина в политической жизни и в управлении делами государства.

Управление делами государства как конституционно-правовое волеизъявление граждан реализуется разными способами. Среди них особое место занимает активное участие в выборах в органы публичной власти. Однако степень активности граждан и их стремление на свободной основе

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович — доцент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Томск

реализовывать право избирать вызывает тревогу у российских конституционалистов. Именно этой проблеме посвящены многие научные публикации доктора юридических наук, профессора, преподавателя Тольяттинского государственного университета Натальи Алексеевны Бобровой, которая принадлежит к числу конституционалистов, оказывающих влияние на развитие конституционно-правовой науки. Сфера ее научных интересов связана с самыми актуальными проблемами теории и практики современного государственного строительства, развития отраслевого законодательства и его эффективности. Практически все ее публикации убеждают широкую общественность в мировоззренческой честности и представляют собой своего рода эмоциональное приглашение к открытой дискуссии.

Отечественное избирательное право состоит из норм Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) и избирательного законодательства, которые гарантируют право гражданина избирать и быть избранным в органы публичной власти всех уровней. Избирательное законодательство создает благоприятные условия для приобретения и реализации многих других прав, которые в совокупности образуют институт политических прав и свобод. Наиболее важным комплексным выражением социального содержания политических прав и свобод гражданина признается право избирать. Конституционные нормы и законодательство о выборах находятся в основе формирования избирательного корпуса, то есть поименного определения российских граждан, соответствующих конституционным критериям и обладающих правом избирать.

Организационно-правовой формой легализации избирательного корпуса служит список избирателей, который составляется в соответствии с нормами законодательства о выборах [1, с. 255–258]. Следовательно, активное избирательное право предстает как основа для определения совокупности российских граждан, наделенных правом непосредственного (личного) участия в формировании органов публичной власти путем свободного волеизъявления. Одновременно активное избирательное право является юридическим стимулом для гражданской активности, участия в выборах максимального количества избирателей, расширения и укрепления социальной базы публичной власти. Именно поэтому оно признается высшей ценностью для гражданина, общества и государства. Гражданская активность — признанный критерий доверия институту выборов и органам публичной власти [2, с. 144–149; 3, с. 45–49].

Н.А. Боброва с высокой долей научной смелости решает весьма нелегкую задачу актуализации проблематики гражданской активности как проявления политической солидарности с обществом и государством. Эта непростая задача давно назрела и нуждается в основательном обсуждении и разрешении. Притом необходима не формальная партийно-бюрократическая, а научная актуализация темы с вовлечением в эту работу сообщества конституционалистов и представителей других отраслей науки. С данной позиции важно,

что труды Бобровой, в которых приводятся доказательства юридической и практической ценности активного избирательного права, выступают в качестве «первых ласточек».

Официальные данные об итогах избирательных кампаний, особенно выборов в органы публичной власти регионального и муниципального уровня, подтверждают общую обеспокоенность представителей научной общественности ситуацией с низкой гражданской активностью. В качестве основных причин данного положения признаются субъективные морально-этические и социально-психологические ценности, социальное настроение, уровень правового воспитания общества, степень правового нигилизма, которые обуславливают правовое поведение как общества в целом, так и конкретных граждан [4, с. 74].

Этот перечень можно дополнить различными технологическими приемами, обильно внедряемыми политтехнологами в современный избирательный процесс. В частности, весьма обыденными и широко применяемыми технологиями являются «сушка явки», мобилизация так называемых «своих», то есть зависимых избирателей и сторонников, набор технических кандидатов и кандидатов-«спойлеров», которые создают иллюзию конкурентности выборов.

При проведении избирательных кампаний глав субъектов Российской Федерации сложилась устойчивая тенденция, при которой малые партии используются для выдвижения технических кандидатов или «спойлеров», то есть, по сути, ситуация сводится к отсутствию выборов и к простому голосованию по оценке деятельности губернатора или процедуре по назначению временно исполняющего обязанности губернатора. Политическая технология «конкурентность, открытость, легитимность» претерпела серьезные изменения, и в настоящее время внедряется новая технология «стабильность, управляемость, контролируемость» [5].

Итогом поступательного и постоянного применения перечисленных технологических приемов выступает устойчивый эффект нормальности избирательного процесса. Например, в результате внедрения различных политических технологий на двух последних выборах мэра города Томска в 2014 и 2018 годах только каждый пятый избиратель города реализовал свое активное избирательное право. В дальнейшем в общественное сознание стала внедряться мысль о ненужности и излишестве прямых выборов мэра. Вскоре областной парламент принял закон об отмене прямых выборов градоначальника. Среди трех причин для принятия подобного решения в пояснительной записке особо подчеркивалась низкая гражданская активность избирателей [6, с. 34–37].

Досрочные выборы губернатора Томской области, состоявшиеся в течение двух дней (10 и 11 сентября 2022 г.), также не отличались высокой активностью избирателей. Избирательные участки посетили менее 30 процентов жителей области, обладающих активным избирательным правом.

В выборах депутатов Думы города Томска в течение трех дней (12–14 сентября 2025 г.) приняли участие только 18,03 процента граждан.

Приведенные примеры как эффект нормальности современного избирательного процесса не беспокоят и не тревожат общественность и публичные институты, которые воспринимают подобное состояние дел без особых эмоциональных переживаний. Тут нельзя не согласиться с мнением Бобровой о том, что «пока общество идейно на стороне абсентеизма, у власти не будет никакой необходимости ради такого общества стараться» [7, с. 5].

Активное избирательное право — важный фактор производства и воспроизводства социальной и политической солидарности общества как организационной формы коллективного существования людей. Только в обществе может осуществляться совместная деятельность, формирующая и созидаящая необходимые условия существования человека [8, с. 37]. Закрепление в Конституции права избирать позволяет говорить о легитимности формирования органов публичной власти и осуществления ими полномочий от имени и в интересах народа. Нормы Основного закона теряют свою ценность, если они не подкреплены действительной народной волей, выраженной благодаря активному избирательному праву [9, с. 92–93]. Следовательно, гражданская активность — важнейший критерий доверия к выборам и к органам публичной власти [2, с. 144–149; 3, с. 45–49].

Не менее важной задачей активного избирательного права признается трансформация приоритетных настроений общества в объективное волеизъявление граждан путем реализации права избирать [9, с. 92–93]. Наконец, особый интерес представляет весьма точная мысль о том, что зачастую современные политические партии становятся объединением тех, кто не способен не только выражать интересы народа, но и управлять страной. Чаще всего это партии «для себя», то есть, для отражения своих интересов в парламенте [10, с. 104]. Оснований для такого упрека в адрес институтов российского гражданского общества достаточно: политические партии безмолвствуют и бездействуют; практически признают подобное состояние дел нормальным; в большей степени озабочены лишь своей избираемостью. Следовательно, реализация активного избирательного права максимальным количеством граждан не является для них приоритетной задачей.

Ни одна конституция не способна стимулировать активное участие гражданина в управлении делами государства и общества. Если гражданин является пассивным созерцателем, то никакие юридические нормы и общественные процессы не способны вовлечь его в практическую жизнь общества. Это означает, что ценность имеет определенный смысл только в случае практической деятельности людей и их объединений [11, с. 13].

В условиях личностного переживания Н.А. Боброва предлагает принцип свободного участия дополнить «нормой о конституционном долге гражданина России участвовать в голосовании». Иначе говоря, автор предлагает внести поправку в текст Конституции о том, чтобы выработанный самой

жизнью принцип долга облечь в конституционную формулу [7, с. 3–4]. Долг как нравственная категория признается внутренним духовным актом, влияющим на формирование личности [12, с. 65]. Нравственность руководствуется принципом «должен, и поэтому обязан».

Этический принцип воплощается лишь тогда, когда становится внутренним духовным убеждением и моральным чувством человека. Долг не есть нечто навязанное извне, — он является результатом собственного выбора и проявлением индивидуальности. В свою очередь, индивидуальность означает поступать в соответствии со своим долгом. В должном поведении проявляется отношение человека как к самому себе, так и к публично-правовому интересу других. Долг становится привычной нормой поведения тогда, когда он реализуется как осознанное, разумное поведение личности.

В разумном поведении воплощаются личные нравственные принципы и достигаются конституционно значимые цели общества. Именно это обстоятельство выступает как проявление должного поведения в буквальном смысле и значении, составляет основную цель введения в конституционно-правовой оборот категории долг. Деятельное участие личности в ее достижении служит важным критерием гражданственности. Для гражданина исполнение нравственного долга является не только необходимостью, но и юридической обязанностью. Таким образом, можно констатировать, что в условиях дефицита правосознания инициатива Бобровой заслуживает не только научного осмысления, но и юридического признания.

В контексте конституционных поправок 2020 года нравственные и правовые принципы дополняют друг друга, находясь в этико-правовом единстве и определяют универсальное назначение Основного закона. Конституционные термины «долг» и «обязанность» с точки зрения смысла и содержания равны. В многочисленных решениях Конституционного Суда сформулирована именно такая правовая позиция применительно к призыву на военную службу.

Важнейшим условием укрепления ценностного потенциала активного избирательного права следует также признать принцип уважения избирателя. Уважение исторически сложилось как нравственное предписание и требование почтительного отношения к человеку, признание его чести и достоинства, а также его заслуг. Конституция требует уважения к правам и свободам гражданина, его законным интересам. Основанный на уважении правовой режим формирует отношение устойчивой взаимности между гражданином и государством. Эффективным стимулом для исполнения конституционного долга является уважительное отношение государства к гражданину. Важно, чтобы органы власти руководствовались принципом справедливости, приоритета прав и свобод. Гражданин должен иметь возможность почувствовать положительный результат от совершенных им при исполнении долга правомерных действий [4, с. 83].

Уважение избирателя как субъекта конституционного права имеет практическую значимость, способную оказывать решающее влияние при

формировании свободной воли избирателя, его гражданской активности и побуждения принять личное участие в выборах. Уважение к избирателю проявляется в повседневной деятельности органов власти, их должностных лиц, избирательных комиссий и так далее. Оно порождает особые нравственные ограничения и запреты для кандидатов на выборные должности, главная цель которых — заручиться поддержкой большинства избирателей и обеспечить свое избрание. Для достижения этого результата широко используются различные политические технологии. Здесь уважение прав избирателя приобретает особую ценность.

Нравственный аспект предвыборных обещаний требует, чтобы кандидат не обнадеживал избирателей невыполнимыми обещаниями. Как говорил Н.С. Хрущев, «политики везде одинаковы: они обещают построить мост там, где и реки-то нет». В последующем эту мысль развил писатель Л.С. Сухоруков: «Политики одинаковы все: сначала обещают реформы, потом реформируют свои обещания». Изложенные метафоры достоверно и образно обостряют проблему уважения избирателя. Обыденным и распространенным фактом нашей жизни являются обильные предвыборные обещания кандидатов в различные органы публичной власти и ревизия этих обещаний после избрания, итог которых всегда один: подобные политические технологии способствуют искажению свободы воли избирателя и усилению абсентеистских настроений в обществе.

В то же время уважение избирателя сохраняет свою ценность и после окончания избирательной кампании, определения и обнародования итогов голосования и результатов выборов. Избранное лицо наделяется не только формальным статусом депутата или выборного должностного лица, но и обязанностями перед избирателями, закрепленными в законах. Однако на практике можно встретить жизненные ситуации, которые вряд ли можно признать соответствующими закону и принципу уважения. Например, один из кандидатов в депутаты Законодательной Думы Томской области в предвыборный период был назначен на высокую руководящую должность (топ-менеджером) в государственной компании. В день голосования избиратели округа поддержали его кандидатуру, и он был избран депутатом. Однако в связи с переездом в другой субъект Федерации и изменением места жительства к исполнению своих обязанностей депутат областного парламента не приступил, в работе законодательного органа фактически не участвовал. В результате утраты связи с избирателями округа последние были лишены своего представителя в областном парламенте.

Вполне возможно, что подобный пример является единичным или случайным, но он оказывает решающее влияние на желание избирателя принимать участие в голосовании. Согласно закону Томской области «О статусе депутата Законодательной Думы Томской области», активная работа депутата в избирательном округе — необходимое условие его деятельности. Следовательно, он обязан поддерживать связь со своими избирателями, информировать их о своей

деятельности, изучать и обобщать потребности населения в целях последующего внесения в Думу предложений по их удовлетворению. В Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» отсутствует возможность досрочного прекращения полномочий депутата в случае утраты связи с избирателями округа.

Уважение избирателя означает признание его прав не только в период избирательной кампании, но и в течение всего срока полномочий избранного лица. Отношение к избирателю, уважение его прав на представительство и исполнение своих обязанностей, вытекающих из его статуса, следует признать качественной характеристикой и критерием эффективности деятельности избранного лица, а может быть, даже органа публичной власти. Уважение как нравственный критерий проявляет себя и на индивидуальном, и на общественном уровнях, имеет непосредственную связь с культурой и традициями взаимоотношений человека с государством и обществом. В качестве базовой основы для эффективного функционирования публично-правовой сферы оно стимулирует и дисциплинирует поведение общества, способствует правомерному поведению людей и оказывает воспитательное воздействие.

Проблема ценности активного избирательного права, его востребованность обществом и отдельным избирателем многоаспектна, сложна и нуждается в дальнейшем осмыслении. Самостоятельной темой здесь выступает анализ позитивной деятельности избирательных комиссий по повышению правовой культуры субъектов избирательного процесса, внедрение дистанционного электронного голосования с обязательным сохранением волеизъявления с использованием бумажных бюллетеней, многодневного голосования и голосования по месту нахождения (мобильный избиратель). Подчеркнем, что свою актуальность сохраняет и исключение административного давления на избирателя. Негативные формы ведения предвыборной агитации, подкуп избирателей под видом благотворительной деятельности, распространение ложных и недостоверных сведений и тому подобное влияют как на настроение избирателя, так и на его желание принять активное участие в выборах.

Рассматриваемая статья Н.А. Бобровой была написана по итогам президентских выборов 2024 года, когда уровень явки был индикатором гражданского противостояния российских граждан внешнему и внутреннему враждебному отношению к этим выборам и их фавориту в лице политического лидера России. Иными словами, электоральная активность на этих выборах была в определенном смысле эквивалентна гражданской сплоченности и единства российского общества перед лицом угрозы национальным интересам нашей страны и ее суверенитету.

Проще говоря, чем больше российский национальный лидер не нравится коллективному Западу, тем активнее российский избиратель за него голосует, притом, где бы избиратель ни находился, — в России или за рубежом. Этим и определялся пафос анализируемых работ профессора Бобровой. Но это вовсе не означает, что автор призывает к такой же активной явке на всех других

выборах. Наоборот, она считает, что абсентеизм и низкая электоральная активность граждан на всех других выборах остается чуть ли не единственным способом законного протеста со стороны россиян многим несправедливым избирательным новеллам, изощренным технологиям и процветающей на этой основе сомнительной электоральной практике большинства современных избирательных кампаний [13, с. 347–369; 14, с. 66–72; 15, с. 45–48].

К законодательным новеллам с сомнительной нравственной составляющей и низким удельным весом социальной справедливости Н.А. Боброва относит: отмену избирательного залога [16, с. 113–115], отмену порога явки на выборах в представительные органы, повышение процента подписей избирателей в подписных листах самовыдвиженцев с 0,5 до 3 процентов [13, с. 347–399; 17, с. 32–35], отмену института членов комиссий с совещательным голосом [18, с. 12–21] и другие подобного рода нормы.

Более того, она считает абсолютно неправильной современную систему финансирования выборов и электоральных процессов, когда избирательные кампании превращаются в разновидность бизнеса, а политическая коррупция становится системообразующим фактором выборов [19, с. 433–439; 20, с. 29–33; 21, с. 65–72]. По мнению Бобровой, современная правоприменительная практика ущербна именно в сфере избирательных правоотношений. То же можно сказать и о судебной практике, которая зачастую из средства защиты избирательных прав превращается в инструмент легализации избирательных правонарушений [22, с. 62–66]. А излишняя гибкость и мобильность избирательного законодательства позволяет без изменения текста Конституции манипулировать этим институтом демократии, а ведь выборы, с помощью которых формируются органы публичной власти, относятся к самой сущности Основного закона [23, с. 38–41; 24, с. 85–93].

Список литературы

1. Ким Ю.В. Избирательное право: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022.
2. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: Норма, 2023.
3. Юсубов Э.С. Доверие к выборам как конституционно-правовая ценность // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2.
4. Евстифеев Д.М. Конституционный долг личности и правомерное поведение // Российский юридический журнал. 2018. № 6(123).
5. Гормоненко Д. Губернаторские выборы пройдут без киношных схваток. Регионы в отчетах о ходе кампаний заменяют аббревиатуру КОЛ на СУК // Независимая газета. 2024. 24 июля.
6. Юсубов Э.С., Сенникова Д.В. Отмена прямых выборов мэра города Томска и проблемы коммуникаций в единой системе публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6.
7. Боброва Н.А. Еще раз о конституционной ценности активного избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5.
8. Момджян К.Х. Теория Маркса и реалии мировой и российской истории // Вопросы философии. 2024. № 6.

9. Авдеев Д.А., Николаев С.А., Саленко А.В. Проблематика организации публичной власти в России: учебное пособие. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023.
10. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ. 2022.
11. Азнагулова Г.М. Правовая культура как функциональная система // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3.
12. Савостин П.Г. Концепт «долг» в конституционном праве // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 1(25).
13. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
14. Боброва Н.А. Абсентеизм в России // Народное представительство и электоральная культура: материалы Международной конференции. Самара: Универсгрупп. 2011.
15. Боброва Н.А. Конституционное право как инструмент управления будущим, или Итоги выборов-2016 // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1.
16. Боброва Н.А. О номинальных и реальных целях институтов регистрации самовыдвиженцев и истинной коррупционности этих институтов / Обеспечение прав и свобод личности в современном мире. Сб. матер-в XVII международной научно-практической конференции юридического ф-та МГУ / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2016.
17. Боброва Н.А. Предложения по совершенствованию избирательного законодательства // Гражданин. Выборы. Власть: Материалы V Международной конференции. Пятигорск. 17–20 октября 2018 г. / Отв. ред. Л.А. Тхабисимова. Пятигорск: Пятигорский гос. Университет, 2019.
18. Боброва Н.А., Сошников В.В. Анализ некоторых избирательных законов: ущемление демократии или гарантия стабильности конституционного строя? // Вектор науки Тольяттинского гос. университета. 2022. № 2(49).
19. Боброва Н.А. Избирательное законодательство и коррупция // Конституционное право и политика: материалы международной конференции / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.
20. Боброва Н.А. О совершенствовании законодательства и практики привлечения к уголовной ответственности за нарушение порядка финансирования избирательной кампании // Вестник СамГУ. 2013. № 81(109).
21. Боброва Н.А. Коррупционные преступления и выборы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 3(26).
22. Боброва Н.А. Причины легализации избирательных правонарушений в судебных решениях // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5.
23. Боброва Н.А. О жесткости и гибкости российской Конституции // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения. Сб. материалов конференции. М.: Юстицинформ, 2015.
24. Боброва Н.А. Игры с избирательным законодательством, или о том, как политики переигрывают сами себя // Системно-структурные процессы в публичной власти: вопросы идеологии, политики, права: материалы и доклады X Международной научно-практической конференции. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2015.

РОЛЬ ВЬЕТНАМСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СЕТЕВИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРАНЫ

Аннотация. В последние годы сетевизация и цифровизация оказывают всё большее влияние на политическую и социальную жизнь стран. Благодаря бурному развитию электронных технологий и глобальной цифровой революции доступ людей к информации и участие в политических сетях расширяются в демократическом направлении. В частности, с 2020 года во Вьетнаме действует Национальная стратегия цифровой трансформации, в рамках которой молодое поколение рассматривается в качестве одной из важных сил, способствующих успешной реализации этой стратегии. Сетевой и цифровой контекст оказывает значимое воздействие на вьетнамскую молодежь. Помимо влияния на жизнь и работу, он также сказывается и на участии молодых граждан в национальной политической деятельности. Участие нового поколения в политических сетях определяется влиянием информационных технологий и цифровой трансформации, связанной с развитием Интернета, коммуникаций, журналистики и социальных сетей.

Ключевые слова: сетевизация, цифровизация, цифровая трансформация, социальное поведение, политическая деятельность, политическая сеть, гражданское участие, политическое участие, политические акторы, молодежь, стратегия развития, Вьетнам.

THE ROLE OF VIETNAMESE YOUTH IN THE NETWORKING AND DIGITALIZATION OF THE COUNTRY

Abstract. In recent years, networking and digitalization have had an increasing impact on the political and social life of countries. Thanks to the rapid development of information technology and global digital transformation, people's access to information and participation in political networks are increasingly expanding in a more democratic direction. In particular, since 2020, Vietnam has had a National Digital Transformation Strategy, which considers youth as one of the important forces contributing to the successful implementation of this strategy. The network and digital context have a great impact on Vietnamese youth. In addition to influencing life and work, it also affects participation in national political activities. Youth participation in political networks is determined by

the impact of information technology and digital transformation related to the development of the Internet, communications, journalism and social networks.

Keywords: *networking, digitalization, digital transformation, social behavior, political activity, political network, civic participation, political participation, political actors, youth, development strategy, Vietnam.*

За последние 10 лет цифровая трансформация стала важным направлением в Социалистической Республике Вьетнам. Это неизбежная и во многом объективная тенденция. Вопросы сетевизации и цифровизации стоят на повестке дня Вьетнама с 2016–2018 годов, когда страна осознала, что сталкивается с новыми вызовами и возможностями, свойственными четвертой промышленной революции, ядром которой выступают цифровизация и сетевизация как деятельности правительства, так и жизни страны. Однако только в 2020 году официально была утверждена Национальная программа цифровой трансформации до 2025 года с перспективой до 2030 года, предусматривающая две цели: формирование и развитие цифрового правительства, цифровой экономики и цифрового общества; создание предприятий в сфере цифровых технологий, способных выйти на глобальный уровень [1].

В условиях сетевизации и цифровизации участие населения в операционной системе страны приводит к многочисленным преобразованиям. Молодежь рассматривается в качестве важной силы, способной воспользоваться преимуществами научно-технической революции. В частности, именно новое поколение побуждает общество участвовать в процессах развития современных технологий, тем самым формируя цифровые виды деятельности, которые меняют способы работы и взаимодействия людей друг с другом. Это очень важный момент, так как по данным статистики, по состоянию на 2023 год число молодых людей во Вьетнаме составляет около 23 миллионов человек (примерно 22,5% населения и почти 36% трудоспособного населения) [2].

По мере развития высокотехнологичных инструментов социальные сети стали важным источником политической информации. Под влиянием Интернета молодые люди чаще, чем другие возрастные группы, используют социальные сети. Пользователи могут общаться с помощью таких виртуальных инструментов, как интернет-публикации и мгновенные сообщения; совместно создавать, распространять и обсуждать информацию. Ресурсные возможности медиаплатформ позволяют подрастающей генерации вьетнамцев чаще и больше взаимодействовать с информацией, делиться друг с другом различными знаниями и сведениями, выражая собственное мнение. Вследствие подобного рода преимуществ для молодежной среды социальные сети становятся доминирующими в сфере информирования.

Некоторые ученые утверждают, что политические знания могут быть представлены не только в речах политиков и средствах массовой информации, но и с помощью многих неформальных общественных взаимодействий [3, р. 1197–2016], которые также способны выступать

источниками информации. Эмпирически доказано, что социальные сети облегчают получение новых сведений [4, р. 70–82]. Тот же Facebook* обладает множеством различных форм передачи информации и этим расширяет свой охват всё большим числом пользователей (особенно среди молодежи). Это привело к тому, что, согласно публикациям в рекламных ресурсах Meta*, к началу 2023 года число пользователей Facebook* во Вьетнаме составляло около 66,2 миллиона человек [5].

С развитием онлайн-платформ интернет-газеты также создают свои фан-страницы для обмена материалами и прямыми ссылками на статьи. В результате пользователям нет необходимости устанавливать какое-либо специальное программное обеспечение для поиска актуальных сведений. А такие медиаплатформы как Facebook* позволяют пользователям публиковать информацию и делиться ею со своими друзьями и подписчиками в режиме реального времени. Скорость распространения сведений в социальных сетях чрезвычайно высока и в этом плане намного опережает традиционные СМИ.

Интернет все шире открывает доступ к знаниям, а тем самым снижает затраты (а также и объем необходимых ресурсов) для получения и сбора политической информации [6, р. 306–336]. Спектр информации охватывает многие направления и стал доступен обычным пользователям. Увеличивается количество новостных сайтов. Информация распространяется с быстротой и легкостью любым пользователем. В итоге друзья, семья и коллеги становятся хранителями сведений и в данном смысле больше не зависят от институционализированных систем СМИ или политических партий [7, р. 11–19].

Создавать контент в Интернете становится всё проще. С помощью блогов, сайтов, форумов и других похожих средств люди достаточно легко могут находить единомышленников, пересылать личные сообщения, активно и непосредственно участвовать в сферах собственных интересов [8, р. 1090–1108].

С обозначенной позиции важно, что деятельность властей Вьетнама по цифровой трансформации ориентирована на формирование цифрового правительства, цифровой экономики и цифрового общества. Она связана не столько с технологической трансформацией, сколько с социально-экономическими изменениями и государственными онлайн-услугами. Сферы, на которых фокусируются организации и отдельные лица, и которые наиболее очевидны в контексте национальной цифровой трансформации, касаются труда и занятости. Важнейшей целью цифровой трансформации во Вьетнаме является качественное развитие молодого поколения, при этом сказанное в большей степени относится к просвещению региональной молодежи.

В марте 2021 года во Вьетнаме было проведено исследование под названием «Готово ли поколение Z к цифровой эпохе?». Его результаты,

* Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

основанные на опросе 461 человека, показали, что большинство молодых людей осознают роль технологий в своей жизни. Примерно 84 процента респондентов сочли, что технологии играют положительную роль в их трудовой деятельности. Около 11 процентов опрошенных по-прежнему обеспокоены влиянием технологий на будущую занятость. Было названо три основных причины, которые тревожат молодежь: технологии обесценят роль молодых людей в производстве (51%); при цифровой экономике у молодежи не будет доставать нужных компетенций (26%); ее представители не смогут освоить необходимые навыки (12%) [9, р. 2–11].

После многих лет фокусировки внимания властей Вьетнама на развитии образования и обучения качество человеческих ресурсов в целом и молодых кадровых ресурсов улучшилось. К 2023 году около 30 процентов молодых работников страны имели дипломы и сертификаты, что способствовало повышению качества и производительности труда. А это особенно важно в контексте международной экономической интеграции и сильного влияния очередной промышленной революции. Структура молодежной рабочей силы изменилась в положительную сторону. В частности, большинство молодых людей трудятся в промышленности и сфере услуг (69,2%).

По Индексу развития молодежи (YDI) за 2016 год, охватывающему 183 страны, Вьетнам входит в группу стран с довольно высоким показателем — от 0,6 до 0,672 [10, р. 185–187]. В 2018 году Сообщество АСЕАН было разработано региональный Индекс развития молодежи, в котором Вьетнам занимает четвертое место со значением YDI 0,667 [11].

Согласно отчету Data Reportal, во Вьетнаме растет число пользователей Интернета. К концу января 2022 года оно превысило 73,1 миллиона человек, что эквивалентно примерно 73 процентам от общей численности населения (первое место в АСЕАН). Число пользователей социальных сетей достигло 76,95 миллиона человек (78,1% населения). Почти две трети интернет-пользователей моложе 30 лет и проживают в крупных городах [12].

* * *

Чем сильнее цифровая трансформация, тем жестче требования к применению соответствующих технологий. У молодежи есть преимущество в адаптации и использовании цифровых технологий, но учиться, работать и интегрироваться в современную среду (особенно в контексте новых жизненных ценностей в цифровом мире) непросто. Факторы, связанные с использованием передовых компьютерных технологий (в частности, требования к применению цифровых средств и соответствующих навыков или объективные факторы — условия проживания и состояние окружающей среды), не могут оставаться без должного внимания.

В документах XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама (2021 г.) подчеркивается важная роль нынешнего поколения молодых людей в политической жизни страны. Оно находится на первых позициях в сферах

индустриализации и модернизации, международной интеграции и строительства социализма, занимая свое особое место в центре стратегии по развитию и продвижению человеческого фактора. Забота о молодежи и ее совершенствование являются одновременно целью и движущей силой обеспечения стабильности и устойчивого развития страны.

Союз молодежи Вьетнама, выступая одной из пяти конституционных общественно-политических организаций в стране, координирует свою деятельность с государственными органами, народными организациями, трудовыми коллективами и семьями в целях заботы об образовании, обучении и защите молодых граждан страны. Наряду с этим Союз обеспечивает активное участие своих членов в государственном и общественном управлении под руководством Коммунистической партии Вьетнама.

Быстрое и непрерывное развитие Интернета изменило подход и к информационным потокам. По мере возникновения высокотехнологичных инструментов социальные сети стали важным источником политической информации. Это особенным образом коснулось и касается молодых людей, как активных участников виртуальных сообществ.

Характеристики и функции медиаплатформ создают условия для того, чтобы молодежь могла больше взаимодействовать с информацией, выражая в том числе собственное мнение. В итоге социальные сети становятся доминирующими в передаче информации. Однако, нужно учитывать, что информационный «бум» может вызвать и негативные последствия, вводя пользователей в состояние неуверенности и замешательства. Распространение ложных новостей отрицательно сказывается, с одной стороны, на безопасности общества, с другой — оказывает негативное влияние на формирование политических взглядов и убеждений молодых людей.

Сегодня вьетнамская молодежь прекрасно осознает свой «голос»: в частности, у нее есть собственный канал GenZ Voice в социальных сетях, где она может высказывать свое мнение. Естественным является тот факт, что молодых людей интересуют политика, суверенитет, глобальные проблемы и так далее, более того, при принятии решений того или иного уровня эти вопросы становятся аргументами [13]. В то же время необходимо учесть, что с помощью социальных сетей политические коммуникаторы могут легко охватить молодежную аудиторию.

Подрастающее поколение граждан Вьетнама становится всё более вовлеченным в политику вследствие увеличения массива новостей, публикуемых в различного рода социальных сетях, которые в актуальной реальности выступают средством объединения масс. Через онлайн-платформы были распространены и успешно реализованы многие коммуникационные кампании, в числе которых проект «Я иду на выборы» на «Вьетнамском телевидении» (VTV). Проект способствует тому, чтобы «омолодить» политическое пространство посредством эффективного охвата юного поколения, и ориентирован на избирателей в возрасте 18–34 лет, помогая им четче осознать

важность голосования как поступка зрелого и ответственного гражданина. Разработчикам проекта удалось добиться 43 миллионов просмотров и охватить платформы социальных сетей VTV Digital и VTV.

* * *

После почти 30-летнего присутствия в Интернете (с 1997 г.) и с более чем 60 миллионами пользователей Вьетнам стал 18-й страной в мире по процентному соотношению людей, пользующихся глобальной сетью. Это свидетельствует об открытости и динамизме страны в процессе интеграции в цифровой мир. Во Вьетнаме используются и продвигаются возможности социальных сетей, однако у подобной интернет-активности временами проявляется и обратная — отрицательная — сторона.

Использование политиками онлайн-площадок в качестве инструмента коммуникации с общественностью, создания своего имиджа или проведения политической кампании не является чем-то новым. Определенная часть пользователей социальных сетей в большей степени склонна уделять внимание сенсационной, негативной, противоречивой информации, чем делиться позитивной и правдивой. К тому же многие молодые люди исходят из того, что, поскольку Сеть виртуальна, то можно не нести ответственности за свои слова и действия. Подобное восприятие Интернета в сочетании с инструментами, созданными для привлечения пользователей медиаплатформ, делает проникновение токсичной информации в молодые умы не только более легким, но и опасным.

Ситуация с распространением фейковых новостей и ложной информации в Глобальной сети является достаточно сложной, поскольку многие молодые граждане не имеют полного представления об аспектах и различиях в политической, культурной и общественной жизни стран. Реакционные силы используют возможности медиаплатформ для пропаганды, клеветы и подстрекательства против государства и властей на всех уровнях. Достаточно известным трюком является создание «личных» аккаунтов в социальных сетях, редактирование технических параметров файлов для публикации фейковой информации и ложных новостей, использование резонансных событий и проблем, привлекающих общественное внимание, для обмана общественного мнения.

Заместитель министра информации и коммуникаций Вьетнама Нгуен Тхань Лам, рассказывая о результатах проверки нарушений TikTok (наиболее популярной социальной сети среди молодежи страны), заявил, что данная платформа может легко повлиять на мышление и «искажать восприятие и образ жизни молодых людей, разрушая культурные ценности нации» [14]. По мнению делегата Национальной ассамблеи Вьетнама Ле Тхи Нгок Линь, представляющей провинцию Бакльеу, появление медиаплатформ оказало и продолжает оказывать значительное воздействие на мысли и поведение социальных страт, включая молодежь [15].

* * *

В заключение отметим, что Вьетнам — одна из первых стран, принявших стратегию национальной цифровой трансформации. Это обстоятельство выводит его в ряд государств с высоким уровнем осведомленности о цифровых технологиях. Уже сегодня цифровизация оказывает на нашу страну глубокое влияние, охватывая все ее отрасли и социально-экономические сферы, способствуя повышению производительности труда, трансформации операционных и бизнес-моделей в сторону инноваций и тем самым повышая конкурентоспособность государства. Национальной программой цифровой трансформации Вьетнама поставлены следующие цели: страна должна войти в число 50 стран с наибольшим уровнем развития электронного правительства, цифровая экономика будет обеспечивать 30 процентов ВВП, ежегодный рост производительности труда составит не менее 8 процентов, всё население получит доступ к интеллектуальным услугам.

Цифровизация — это путь к достижению Целей устойчивого развития ООН. Участие политической системы и всего населения страны, синхронные действия на всех уровнях в технологической сфере являются факторами, обеспечивающими успешность цифровой трансформации. Для повышения роли молодых людей в реализации национальной цифровой трансформации Национальная программа уделяет особое внимание повышению осведомленности о цифровой трансформации и применению цифровых технологий в жизни всех граждан страны, при этом молодежь играет важную роль в содействии реализации цифровой стратегии.

Список литературы

1. Thủ tướng Chính phủ Việt Nam [Prime Minister of Vietnam]. (2020). Quyết định số 749/QĐ-TTg ngày 03/6/2020 về việc phê duyệt Chương trình Chuyển đổi số quốc gia đến năm 2025, định hướng đến năm 2030 [Decision № 749/QĐ-TTg dated June 3, 2020 on approving the National Digital Transformation Program to 2025, with a vision to 2030] (дата обращения: 23.05.2025).
2. Trần, Q.V. (2023). Gỡ nút thắt về chất lượng nhân lực trẻ: «Vàng hóa» lao động trẻ». [Untangling the bottleneck in the quality of young human resources: «Goldenizing» young workers]. URL: <https://www.vietnamplus.vn/go-nut-that-ve-chat-luong-nhan-luc-tre-vang-hoa-lao-dong-tre-post853426.vnp> (дата обращения: 23.05.2025).
3. Huckfeldt, R., & Sprague, J. (1987). Networks in context: The social flow of political information. *American Political Science Review*, 81(4).
4. Katz, E. (1961). The Social Itinerary of Technical Change: Two Studies on the Diffusion of Innovation. *Human Organization*, 20(2). DOI: <https://doi.org/10.17730/humo.20.2.322v6303331k1x37>
5. VNETWORK JSC. Internet Việt Nam 2023: Số liệu mới nhất và xu hướng phát triển [Vietnam Internet 2023: Latest data and development trends]. URL: <https://www.vnetwork.vn/news/internet-viet-nam-2023-so-lieu-moi-nhat-va-xu-huong-phat-trien/> (дата обращения: 25.05.2025).

6. DiMaggio, P., Hargittai, E., Neuman, W. R., & Robinson, J. P. (2001). Social implications of the Internet. *Annual review of sociology*, 27(1).
7. Pavlović, Z. (2021). In Search of the Theory of Values in the Political Culture Research. *European Journal of Political Culture*, (1).
8. Ekström, M., Fornäs, J., Jansson, A., & Jerslev, A. (2016). Three tasks for mediatization research: Contributions to an open agenda. *Media, Culture & Society*, 38(7).
9. PwC Vietnam (2021). Thế hệ Z đã sẵn sàng cho kỷ nguyên số? [Is Generation Z ready for the digital age?]. URL: <https://www.pwc.com/vn/vn/publications/vietnam-publications/digital-readiness-gen-z.html> (дата обращения: 24.05.2025).
10. Cường P.M., Điềm N.N., Dũng L.D., Phúc Đ.V. (2024). Việc làm của thanh niên Việt Nam trong nền kinh tế số [Employment of Vietnamese youth in the digital economy]. *Tạp chí Kinh tế và Dự báo [Economic and Forecast Magazine]*, 01. (In Vietnam)
11. Hà Linh (2021). Việt Nam thuộc nhóm quốc gia có điểm chỉ số phát triển thanh niên khá cao [Vietnam is in the group of countries with a fairly high youth development index score]. URL: <https://tcnn.vn/news/detail/52990/Viet-Nam-thuoc-nhom-quoc-gia-co-diem-chi-so-phan-trien-thanh-nien-kha-cao.html> (дата обращения: 23.05.2025).
12. Kepiosh (2022), Digital 2022 report on Vietnam. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-vietnam> (дата обращения: 23.05.2025).
13. Thu Phương. (2023). Văn hóa sử dụng mạng xã hội của giới trẻ hiện nay [Social media culture of today's youth]. *Báo Điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam [Communist Party of Vietnam Electronic Newspaper]*. URL: <https://dangcongsan.vn/tu-tuong-van-hoa/van-hoa-su-dung-mang-xa-hoi-cua-gioi-tre-hien-nay-637400.html> (дата обращения: 24.05.2025).
14. Lâm Thảo. (2023). Bộ Thông tin và Truyền thông công bố kết luận kiểm tra TikTok Việt Nam [Ministry of Information and Communications announced the conclusion of the inspection of TikTok Vietnam]. *Báo điện tử Nhân dân [Nhan Dan Electronic Newspaper]*. URL: <https://nhandan.vn/bo-thong-tin-va-truyen-thong-cong-bo-ket-luan-kiem-tra-tiktok-viet-nam-post776047.html> (дата обращения: 25.05.2025).
15. Đăng Nguyên. (2023). TikTok làm lệch lạc nhận thức, lối sống giới trẻ, làm băng hoại giá trị văn hóa của dân tộc [TikTok distorts the perception and lifestyle of young people and corrupts the cultural values of the nation]. *Báo điện tử Tổ Quốc [Fatherland Electronic Newspaper]*. URL: <https://baomoi.com/tiktok-lam-lech-lac-nhan-thuc-loi-song-gioi-tre-lam-bang-hoai-gia-tri-van-hoa-cua-dan-toc-r45492208.epi> (дата обращения: 26.05.2025).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса педагога высшей школы в условиях динамичных изменений, происходящих в современной системе образования России. Актуальность исследования обусловлена переосмыслением целей образования в соответствии с традиционными духовно-нравственными ценностями и суверенным путем развития страны. Автором проводится анализ понятия и структуры правового статуса преподавателя высшей школы, выделяются его обязательные составные элементы: права, обязанности, ответственность, требования и ограничения, а также гарантии и компенсации. Особое внимание уделено проблемам обеспечения эффективной профессиональной деятельности преподавателя, защиты его прав и законных интересов, снижению избыточной нагрузки и бюрократической отчетности, а также противодействию психологическому давлению. Предложены пути совершенствования правового регулирования с целью повышения престижа профессии и привлечения квалифицированных специалистов в образовательную сферу. **Ключевые слова:** педагогический центризм, правовой статус, высшее образование, педагог, преподаватель.

LEGAL STATUS OF HIGHER EDUCATION TEACHER IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. This article examines the legal status of higher education teachers amid dynamic changes occurring in the modern Russian education system. The relevance of this study stems from a rethinking of the goals of education in line with traditional spiritual and moral values and Russia's sovereign development path. The author analyzes the concept and structure of the legal status of higher education teachers, identifying its mandatory components: rights, duties, responsibilities, requirements and restrictions, as well as guarantees and compensation. Particular attention is paid to ensuring the effective professional performance of teachers, protecting their rights and legitimate interests, reducing excessive workload and bureaucratic reporting, and countering psychological pressure. Ways to improve legal regulation are proposed to enhance the prestige of the profession and attract qualified specialists to the educational sector.

Keywords: pedagogical centrism, legal status, higher education, teacher, lecturer.

В современном мире, который характеризуется динамичными изменениями и глобальными вызовами, образование приобретает особую значимость. Совершенствование системы просвещения становится основой устойчивого развития общества и гарантом его конкурентоспособности. Трансформация общественных отношений свидетельствует, что образование выступает в качестве системообразующего элемента, определяющего траекторию не только социально-экономического и культурного прогресса в целом, но и развития государства и общества. Наряду с глобальными факторами и актуальными изменениями на первый план выходит собственный выбор России в сфере как ценностных ориентиров и путей укрепления, так и консолидации общества. Перспективы экономического и духовно-нравственного развития нашей страны напрямую зависят от эффективности образовательных учреждений в обеспечении качественного процесса обучения, отвечающего потребностям и отдельного индивида, стремящегося к самореализации и личностному росту, и всего социума.

Высшее образование, как один из этапов траектории просвещения, играет ключевую роль в формировании интеллектуального потенциала нации. Именно высшие учебные заведения являются центрами генерирования новых знаний, развития научных направлений и распространения передовых технологий. Успешное функционирование системы высшего образования напрямую зависит от педагогического состава, его профессиональной компетентности, мотивации и готовности к непрерывному самосовершенствованию. Ключевая роль в этом процессе принадлежит педагогу. Поэтому в основе стратегии развития образования должен лежать принцип педагогоцентризма, который состоит в приоритетной роли учителя и наставника [4, с. 11–12].

Педагог не только передает знания, он выступает как наставник, воспитатель, организатор образовательного процесса, который помогает формировать критическое мышление, развивать творческие способности и прививать гражданскую ответственность обучающимся. В связи с этим возрастает актуальность вопроса о правовом статусе педагога высшей школы и его роли в современном образовательном процессе, повышения престижа педагогической профессии.

Личность педагога была и остается предметом рассмотрения в социологии, литературе, философии, психологии, педагогике, юриспруденции, что подчеркивает междисциплинарный характер сферы исследования. Высокое значение профессии учителя признавалось с древних времен. Сократ, Платон, Аристотель видели в воспитании и обучении главную задачу государства. Педагогика рассматривалась ими как один из наиболее важных и ответственных видов общественной деятельности, требующих от человека не только глубоких знаний, но и высоких нравственных качеств, мудрости и умения находить подход к каждому ученику. В разные исторические эпохи менялись подходы к обучению и воспитанию, но неизменным

оставалось признание ведущей роли педагога в формировании личности и развитии всего общества.

В обозначенном контексте попытаемся раскрыть понятие правового статуса педагога. Начнем со слова «статус», которое происходит от латинского status и означает «состояние, положение», — правовое положение, состояние [1, с. 664]. С.С. Алексеев констатирует, что содержанием правового статуса является юридическое положение субъекта, отражающее его «фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [2, с. 49]. Под правовым статусом преподавателя высшей школы предлагается понимать комплекс прав, обязанностей, ответственности, гарантий и ограничений, установленных законодательством, регулирующих образовательную деятельность, а также трудовыми договорами и локальными нормативными актами образовательных организаций, определяющий положение преподавателя в системе высшего образования, его роль в образовательном процессе и взаимоотношения с другими участниками образовательных отношений.

Таким образом, можно выделить обязательные элементы, составляющие правовой статус педагога: права и свободы; обязанности; ответственность; требования и ограничения; гарантии, компенсации, меры социальной поддержки.

Статья 47 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон) закрепляет, что в нашей стране признается особый статус педагогических работников в обществе и создаются условия для осуществления ими профессиональной деятельности. Понятие «особый статус» педагогического работника представляется оценочным. Это обусловлено общественным восприятием и признанием значимости данной профессии. Основанием для такого признания выступает как уровень профессиональной подготовки, компетенции и опыт педагогических работников, так и их роль в трансляции знаний, развитии умений и воспитании подрастающего поколения. Следовательно, наделение особым статусом подразумевает и повышенную ответственность педагога за осуществление своей профессиональной деятельности на высоком уровне, постоянное совершенствование своих навыков. Представляется, что пункт 2 статьи 47 Федерального закона фактически говорит о социальном статусе педагогического работника, работа которого непосредственно влияет на удовлетворение общественных интересов и потребностей.

Преподаватель высшей школы, являясь ключевой фигурой в системе образования, обладает широким спектром прав и свобод, направленных на обеспечение эффективного осуществления профессиональной деятельности и защиту его законных интересов. Общие права и свободы преподавателя высшей школы закреплены в Конституции Российской Федерации

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.01.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. № 53.

(далее — Конституция); специальные права и свободы учитывают особенности и специфику деятельности в сфере образования и предусмотрены Федеральным законом, а также Трудовым кодексом Российской Федерации (далее — Трудовой кодекс).

Федеральным законом специальные права и свободы условно разделены на две группы: *специальные академические и специальные трудовые*. Академическую группу составляют права, связанные с осуществлением педагогической деятельности (пп. 1–8 ч. 3 ст. 47), и права, направленные на обеспечение условий для реализации педагогической деятельности (пп. 9–13 ч. 3 ст. 47).

В отношении непосредственного выполнения педагогической деятельности она включает в себя свободу выбора и использования педагогически обоснованных форм, средств и методов обучения и воспитания, право на участие в управлении образовательной организацией, на защиту профессиональной чести и достоинства, а также иные права, непосредственно связанные с осуществлением образовательного процесса.

А в сфере создания условий обучения академическая группа обеспечивает преподавателю возможность реализовывать свои профессиональные права и свободы, предоставляя доступ к необходимой информации, материально-технической базе, а также гарантируя поддержку со стороны руководства образовательной организации.

Что касается специальных трудовых прав, то они регулируются главой 52 Трудового кодекса и учитывают особенности трудовых отношений в сфере образования. К данной категории относятся права на сокращенную рабочую неделю, удлиненный ежегодный оплачиваемый отпуск, досрочное назначение трудовой пенсии по старости и так далее.

Важной частью анализа правового статуса преподавателя является разграничение понятий «права» и «свободы». В этом контексте право представляет собой юридическую возможность совершения определенных действий, основанную на законе и предполагающую установленный порядок реализации. Свобода же, напротив, означает отсутствие юридического принуждения или ограничения в совершении таких действий. Например, преподавателю предоставлена свобода выбора и использования педагогически обоснованных методов обучения, однако она ограничена необходимостью соответствия квалификационным требованиям и соблюдения требований федеральных государственных образовательных стандартов. Таким образом, права возникают как ответ на ограничение определенных свобод, обеспечивая баланс интересов преподавателя, обучающихся и образовательной организации.

Наряду с правами, преподаватель несет определенные обязанности. С учетом теоретического подхода к характеристике элементов, составляющих правовой статус педагога, обязанности преподавателя также можно разделить на два вида: общие и специальные. Общие обязанности, вытекающие из Конституции и Трудового кодекса, распространяются на всех граждан

и работников, включая преподавателей высшей школы. Специальные академические обязанности предусмотрены частью 1 статьи 48 Федерального закона и отражают специфику педагогической деятельности.

К специальным обязанностям преподавателя относится осуществление обучения и воспитания обучающихся с учетом их индивидуальных особенностей, формирование у них гражданской позиции, развитие самостоятельности, инициативы и творческих способностей. Преподаватель обязан соблюдать нормы профессиональной этики, уважать честь и достоинство обучающихся, обеспечивать безопасность их жизни и здоровья в процессе обучения. Кроме того, в число его обязанностей входят постоянное повышение своего профессионального уровня, освоение новых образовательных технологий и методов обучения, а также участие в научно-исследовательской работе.

Здесь нельзя не упомянуть высказывание великого мыслителя Платона: «Если плохим мастером будет башмачник, то государство пострадает от этого только в том смысле, что граждане будут несколько хуже обуты, но, если воспитатель будет скверно выполнять свои обязанности, в стране появится целое поколение невежественных и плохих людей» [3, с. 135]. Деятельность педагога — не просто ремесло, а основа формирования нравственного и интеллектуального облика общества, где халатность в исполнении обязанностей приводит к серьезным неблагоприятным социальным последствиям.

В соответствии с частью 4 статьи 48 Федерального закона педагогические работники несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в порядке и случаях, установленных федеральными законами. К педагогическому работнику могут быть применены следующие виды юридической ответственности: *дисциплинарная, материальная, административная и уголовная.*

Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение трудовой дисциплины, неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, предусмотренных трудовым договором и должностной инструкцией.

Материальная ответственность подразумевает причинение материального ущерба образовательной организации, например, утрату или порчу имущества.

Административная ответственность предусмотрена за совершение административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства об образовании, санитарных норм и правил, пожарной безопасности и так далее.

Уголовная ответственность последует за совершение преступлений, связанных с нарушением прав и свобод обучающихся, присвоением или растратой имущества и тому подобного.

Для обеспечения эффективной профессиональной деятельности преподавателя высшей школы предусмотрены определенные гарантии и компенсации, направленные на защиту его прав и интересов. Действующая система гарантий и компенсаций для педагогических работников характеризуется двухуровневой структурой, определяемой территорией действия и сферой нормативного закрепления.

Федеральный уровень представлен гарантиями и компенсациями, установленными федеральным законодательством и распространяющимися на всю территорию страны, в то время как региональный уровень характеризуется установлением гарантий и компенсаций законодательством субъектов Федерации; их действие ограничено территорией соответствующего региона.

Законодательством предусмотрены определенные ограничения деятельности преподавателя высшей школы, направленные на предотвращение конфликта интересов, защиту прав и свобод обучающихся и обеспечение надлежащего исполнения ими своих обязанностей. Высокий статус работника образовательной сферы, его роль в функционировании государства и общества предполагают соответствующие моральные, правовые и нравственные требования к гражданам, избравшим стезю педагога.

Ограничения на занятие педагогической деятельностью обусловлены ее спецификой, содержание которой составляют обучение и воспитание граждан в соответствии с требованиями морали, общепризнанными ценностями уважения к закону и правам других лиц. Ограничения на занятие педагогической деятельностью предусмотрены как Федеральным законом, так и Трудовым кодексом. Условно их можно назвать цензами и выделить три разновидности: *образовательный, уголовно-правовой и медицинский*. Под ограничениями, связанными с возможностью работать в образовательных организациях, обозначаются и морально-этические требования, которые предъявляются к педагогическим работникам. Преподаватель обязан соблюдать нормы профессиональной этики, не допускать дискриминации, злоупотребления полномочиями, коррупции и других действий, подрывающих авторитет профессии.

* * *

Рассмотренные элементы правового статуса подчеркивают особую роль педагога, как носителя знаний и нравственных ценностей. Однако в практической реализации данного статуса выявляются существенные пробелы, которые приводят к снижению престижа профессии и оттоку квалифицированных кадров из системы высшего образования.

Исходя из этого немаловажного обстоятельства, обратим внимание на проблемы, связанные с повышением правового статуса педагога и престижа профессии преподавателя в целом, а также на поиск путей совершенствования юридического регулирования данной сферы.

Под повышением статуса педагога следует понимать комплекс взаимосвязанных мер, направленных на создание благоприятных условий для осуществления профессиональной деятельности, повышение престижа педагогической профессии и, как следствие, привлечение квалифицированных специалистов в образовательную сферу. Необходимость системных мер по повышению статуса педагога обусловлена рядом факторов: высокая ответственность за формирование интеллектуального и нравственного

потенциала нации, возрастающие требования к профессиональной компетентности педагога, сохраняющиеся проблемы в сфере оплаты труда и социальной защиты.

Одним из ключевых направлений совершенствования правового статуса педагога можно назвать повышение заработной платы и уровня социального обеспечения. Предоставление достойного материального вознаграждения и социальной поддержки является одним из ключевых механизмов повышения правового статуса педагогического работника. Низкая оплата труда, имеющая место большей частью в регионах, дестимулирует молодых специалистов от выбора профессии учителя, ориентируя их на более прибыльные сферы занятости. Минимизация региональных различий в оплате труда и внедрение объективной системы оценки результативности работы педагогов, обеспечивающей справедливое материальное поощрение лучших, представляется необходимым условием для повышения престижа профессии и привлечения перспективных кадров.

Приоритетным шагом для роста правового статуса педагогических кадров является обеспечение стабильной занятости специалистов, а также создание условий, способствующих формированию у преподавательского состава уверенности в завтрашнем дне. В контексте гарантий стабильности трудовых отношений особого внимания заслуживает Постановление Конституционного Суда от 15 июля 2022 г. № 32-П², которое выявило пробелы в трудовом законодательстве, касающиеся защиты педагогических работников от злоупотреблений со стороны работодателей при заключении срочных трудовых договоров. Суд подчеркнул высокую социальную значимость профессии учителя и необходимость всемерного содействия осуществлению ее представителями конституционных свобод и академических прав и повышению престижа педагогического труда.

Последовавшие законодательные поправки закрепили нормы защиты от необоснованного заключения краткосрочных трудовых договоров и произвольного определения работодателем сроков их действия, а также конкретизировали срок продления срочного трудового договора при избрании работника по конкурсу. Тем не менее *проблема заключения гражданско-правовых договоров вместо трудовых*, лишаящих педагогов реальных гарантий, остается нерешенной и требует дальнейшего изучения и законодательного регулирования.

Существующая практика заключения гражданско-правовых договоров (в частности, договоров возмездного оказания услуг) с педагогическими работниками создает ситуацию, при которой последние исключаются из сферы действия трудового законодательства. А это приводит к их правовой незащищенности. Кроме того, данный подход обуславливает отсутствие

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова» // Российская газета. 2022. № 169.

у педагогов, работающих на почасовой основе, чувства стабильности трудовых отношений и принадлежности к научно-педагогическому сообществу. В итоге в образовательной организации формируется категория педагогических работников, правовой статус которых не соответствует общепринятым стандартам и не обеспечивает защиту их прав и законных интересов. В подобных обстоятельствах реализация цели, направленной на защиту основ статуса педагогического работника, становится практически невозможной.

Ключевым фактором повышения статуса педагога выступает формирование привлекательных условий труда, под которыми подразумеваются как материальные составляющие, так и создание благоприятного психологического климата в коллективе, предоставление возможностей для профессионального развития и повышения квалификации, а также уважительное отношение к труду педагога со стороны общества.

Эффективность системы государственных гарантий, предоставляемых педагогическим работникам, детерминирована, с одной стороны, их формальным закреплением в нормативно-правовых актах, с другой — фактической исполнимостью и действенностью. Несоблюдение положений о социальной защите педагогов, особенно в части обеспечения жилищных прав, являющихся фундаментальным компонентом достойного уровня жизни, обуславливает снижение уровня доверия к государственным институтам и может оказывать деструктивное воздействие на мотивацию педагогических кадров и стабильность системы образования в целом.

Не менее важным аспектом является снижение избыточной нагрузки и бюрократической отчетности. Реализация академических прав и исполнение обязанностей предполагает значительные временные затраты, связанные не только с непосредственным образовательным процессом, но и с ведением обширной документации. Избыточная отчетность, составление многочисленных планов и графиков, заполнение журналов — всё это как в отдельности, так и в совокупности отвлекает педагога от непосредственного взаимодействия с обучающимися, снижает эффективность учебного процесса и способствует профессиональному выгоранию. Пересмотр требований к оформлению документации, оптимизация отчетности и планов позволит педагогам уделять больше времени подготовке к занятиям, индивидуальной работе с учениками и профессиональному развитию.

Необходимо учитывать высокий уровень стресса и психологического давления, которому подвержены педагоги в современной образовательной среде. Они сталкиваются не только с увеличением учебной нагрузки, но и с недооценкой их труда, что усугубляется конфликтами с обучающимися и их родителями.

Распространены случаи неуважительного отношения, унижения и различных форм травли, в том числе и в социальных сетях, негативно сказывающиеся на психологическом состоянии педагогов. Подобное отношение к педагогам находится в прямом противоречии со статьей 21 Основного закона,

которая гарантирует охрану достоинства личности и недопустимость его умаления ни при каких обстоятельствах.

В целях реализации данной конституционной нормы и в связи с необходимостью противодействия участвовавшим случаям агрессии в отношении учителей в декабре 2023 года были внесены изменения в Федеральный закон об образовании, направленные на расширение возможностей защиты педагогических работников от различных форм нападков, оскорблений и нарушения личных границ. Закреплено положение о недопустимости применения физического и (или) психического насилия по отношению как к обучающимся, так и к работникам сферы просвещения, в том числе предусмотрено установление в образовательных учреждениях соблюдение обучающимися требований к дисциплине на учебных занятиях и правил поведения.

Вместе с тем конкретизированный правовой механизм, обеспечивающий как стимулирование обучающихся к примерному поведению, так и оперативное реагирование педагога на допущенные обучающимися нарушения дисциплины, а равно и учет соблюдения обучающимися соответствующих требований в составе оценки освоения образовательной программы, до настоящего времени отсутствует [5, с. 142–150].

Исключение подхода к образованию как к сфере услуг представляет собой значимый шаг в повышении социального статуса педагога и укреплении престижа профессии. Декоммодификация образовательной деятельности, закрепленная на законодательном уровне, способствует формированию восприятия педагога не как поставщика услуг, ориентированного на удовлетворение запросов потребителя, а как профессионала, осуществляющего социально значимую миссию по формированию личности, развитию интеллектуального потенциала нации и обеспечению трансляции культурных ценностей. Несмотря на законодательные изменения 2022 года, ориентированные на разграничение образования и сферы услуг, особенно в отношении бюджетного финансирования, сохраняется тенденция упрощенного восприятия образования (особенно платного) как обычной услуги. Необходимо кардинальное переосмысление самой сути образования, его целей и методов.

Цифровизация образования открывает новые возможности для повышения качества и доступности обучения. Однако она порождает ряд проблем, связанных с правовым статусом педагога. Одним из ключевых вызовов является девальвация роли педагога как уникального источника знаний и эксперта в своей области. В условиях широкой доступности информации в цифровой среде появляется иллюзия, что преподаватель становится лишь навигатором по информации, а не носителем знаний и опыта.

Возрастают требования к цифровой компетентности педагога, следовательно, необходимо обеспечить систематическое и качественное обучение педагогов современным информационным технологиям и методикам их применения в образовательном процессе для сохранения баланса между

использованием технологий и живым общением между учителем и учеником. Важно исходить из того, что цифровые инструменты — это лишь средства, а не цель.

По результатам исследования правового статуса преподавателя высшей школы в Российской Федерации установлено, что этот статус представляет собой комплексный институт, включающий взаимосвязанные элементы: права, свободы, обязанности, ответственность, гарантии, компенсации и ограничения. Несмотря на нормативное закрепление, практическая реализация статуса сталкивается с рядом объективных трудностей.

Для повышения правового статуса преподавателя и престижа педагогической профессии необходим системный подход, охватывающий экономические (повышение заработной платы и социального обеспечения), организационные (обеспечение стабильности трудовых отношений и оптимизация отчетности), социально-психологические (создание привлекательных условий труда), идеологические (исключение подхода к образованию как к сфере услуг) и технологические (развитие цифровой компетентности) гарантии. Указанные меры, в совокупности, могут способствовать повышению престижа профессии преподавателя высшей школы и обеспечат реализацию целей образования как общественного блага, ориентированного на суверенное развитие Российской Федерации и формирование всесторонне развитой личности.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.- корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986.
2. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998.
3. Платон. Государство / Собрание сочинений, т. 1. М.: Издательство АСТ, 2016.
4. Кабышев С.В. О стратегических вопросах развития российского образования: точка зрения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1.
5. Кабышев С.В. Развитие системы образования: конституционный вектор идентичности // Государство и право. 2025. № 10.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ

***Аннотация.** Статья посвящена одной из проблем информирования избирателей организующими выборы избирательными комиссиями в современных условиях. Основное внимание уделяется подготовке и распространению избирательными комиссиями приглашений для электората. Делается вывод о необходимости дополнения некоторых норм действующего избирательного законодательства.*

***Ключевые слова:** избирательное право, избирательный процесс, информирование избирателей, электорат, приглашение избирателей.*

ON SOME ISSUES OF INFORMING THE ELECTORATE BY ELECTORAL COMMISSIONS

***Abstract.** The article is devoted to one of the problems of informing voters by election commissions organizing elections in modern conditions. The main attention is paid to the preparation and distribution of voter invitations by election commissions. It is concluded that it is necessary to supplement some provisions of the current electoral legislation.*

***Keywords:** electoral law, electoral process, voter information, electorate, voter invitation.*

В юридической литературе проблемы информирования электората во время избирательных кампаний неоднократно поднимались различными авторами, однако, на наш взгляд, вопрос информирования избирателей именно организующими выборы избирательными комиссиями в настоящее время требует более детального изучения. Как верно подчеркнула А.А. Думикян, ни одна предвыборная кампания не обходится без информационного сопровождения [1, с. 10].

Согласно статье 44 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» информационное обеспечение выборов и референдумов включает в себя информирование избирателей, участников референдума,

СОШНИКОВ Валентин Викторович — член Избирательной комиссии Самарской области с правом решающего голоса, аспирант Департамента частного права Института права Тольяттинского государственного университета, г. Самара

предвыборную агитацию, агитацию по вопросам референдума и способствует осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов и референдумов¹.

Из анализа норм упомянутого закона следует, что информирование избирателей и участников референдума осуществляют органы государственной власти, органы местного самоуправления, комиссии, организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, редакции сетевых изданий, физические и юридические лица в соответствии с настоящим Федеральным законом. Органы государственной власти, органы местного самоуправления не вправе информировать избирателей о кандидатах, об избирательных объединениях.

Избирательные комиссии обеспечивают информирование избирателей, участников референдума о сроках и порядке осуществления избирательных действий, действий, связанных с подготовкой и проведением референдума, о ходе избирательной кампании, кампании референдума, а также о кандидатах, об избирательных объединениях, выдвинувших кандидатов, списки кандидатов.

Э.Е. Забила, рассматривая информирование избирателей как гарантию реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации, отмечает, что мнения экспертов относительно понятия «информирование избирателей» раздроблены: существует несколько групп ученых, одни из которых рассматривают информирование электората как правовой институт, а другие — как подзаконный институт.

Иначе говоря, некоторые авторы считают, что информирование избирателей включает в себя материальные и процессуальные нормы, направленные на регулирование правовых отношений между различными субъектами права и избирательного процесса, возникающих в ходе избирательного акта (процедуры) с целью стимулирования участия избирателей в выборах и голосования за или против кандидатов.

Однако есть исследователи, полагающие, что информирование избирателей следует рассматривать как подчиненный институт информационного обеспечения избирательного процесса, нормы которого направлены на регулирование процессов информирования избирателей, осуществляемых в рамках избирательного процесса [2, с. 1232].

Одной из форм информирования избирателей о сроках и порядке осуществления избирательных действий, о ходе избирательной кампании, а также о кандидатах, об избирательных объединениях, выдвинувших кандидатов, списки кандидатов, организующих выборы избирательных комиссий, является подготовка и распространение приглашений для избирателей. В то же время, как гласит избирательное законодательство, практически никаких

¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 106.

требований по содержанию приглашений для избирателей законодателем не предусмотрено. Кроме того, что содержание информационных материалов должно быть объективным, достоверным, не должно нарушать равенство кандидатов, избирательных объединений.

Как показывает практика избирательного цикла 2025 года, отсутствие в российском избирательном праве конкретных требований по содержанию приглашений для избирателей может использоваться организующими выборы избирательными комиссиями вальсяжно, либо в интересах кого-то из участников избирательного процесса.

Например, во время избирательных кампаний по выборам депутатов представительных органов муниципальных образований Самарской области в нескольких муниципальных образованиях (в частности, Волжский и Пестравский районы) кандидаты в депутаты в приглашениях для избирателей, распространяемых организующими выборы избирательными комиссиями, были указаны не по алфавиту. Первые места в таких приглашениях занимали кандидаты от партии «Единая Россия», последние — от КПРФ.

Какими соображениями при проектировании текста приглашений для избирателей руководствовались организующие выборы избирательные комиссии, неизвестно. Но можно исходить из того, что, по устойчивому мнению, бытующему на протяжении многих лет в юридической литературе, первые места в списке кандидатов в избирательном бюллетене дают преимущество.

Некоторые исследователи считают, что это связано с когнитивной психологией: ранние элементы списка имеют большее значение, так как используются в качестве маркеров для сравнения с последующими элементами [3, р. 74–137], по предположениям других — преимущество первого кандидата основано на изначально конформистском подходе избирателя к кандидатам. По мере просмотра списка избиратели выделяют всё меньше ресурсов каждому кандидату из-за когнитивной усталости. В результате большое число положительных оценок достается кандидатам в начале списка, а это увеличивает вероятность их избрания [4, р. 213–236].

Из ответа на соответствующее обращение одного из депутатов Самарской Губернской Думы председатель Избирательной комиссии Самарской области В.Н. Михеев сообщил: «В рамках текущих избирательных кампаний ТИК было организовано изготовление приглашений для участия в голосовании избирателей, в которых содержалась в том числе информация о зарегистрированных кандидатах, выдвинутых по одномандатным избирательным округам. Федеральным законом „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ не определена последовательность размещения в данных информационных материалах сведений о кандидатах...»².

² Письмо Председателя Избирательной комиссии Самарской области В.Н. Михеева от 13.09.2025 за исх. № 01-21/1624.

Таким образом, с учетом позиции правоприменителя и сложившейся практики, следует сделать вывод о том, что для соблюдения равенства прав кандидатов законодателю необходимо предусмотреть четкие требования к содержанию приглашений для избирателей. На наш взгляд, более разумным будет использовать механизм, когда список кандидатов в приглашении для избирателей будет располагаться в алфавитном порядке, как это предусмотрено для избирательного бюллетеня.

Автор выражает надежду, что сделанные им выводы помогут в совершенствовании избирательного законодательства.

Список литературы

1. Думикян А.А. Информирование избирателей и предвыборная агитация в СМИ: проблемы разграничения понятий // Избирательное право. 2019. № 1.
2. Забила Э.Е. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации // Экономика и социум. 2023. № 6(109).
3. Henson R.N.A. Short-term memory for serial order: The start-end model. *Cognitive Psychology*, 1998. Vol. 36.
4. Krosnick J.A. Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys // *Applied Cognitive Psychology*. 1991. № 5.

Следующей статьей журнал «Гражданин. Выборы. Власть» завершает публикацию материалов финалистов и победителей Всероссийского конкурса «Атмосфера» в номинации «Научный фронт» сезона 2024–2025.

EDN: <https://elibrary.ru/ETHQSI>

М.В. ЛУНИНА
Ю.С. ОТТ
М.А. РОМАНОВ
Д.А. АВДЕЕВ

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Авторы статьи рассматривают историко-теоретические основы электоральной активности студентов, причины и факторы, влияющие на их участие в выборах, а также специфику реализации активного избирательного права. На основе социологического опроса студентов из 24 вузов России выявлены основные проблемы и проанализированы тенденции развития. Особое внимание уделено роли цифровой среды, социальных сетей и информационных «пузырей». Предложен комплекс мер по повышению электоральной активности.

Ключевые слова: электоральное поведение, студенческая молодежь, избирательное право, политическая грамотность, цифровая среда, информационные пузыри.

ELECTORAL BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH: FORMATION FACTORS AND DEVELOPMENT TRENDS

Abstract. The authors examine the historical and theoretical foundations of students' electoral activity, the reasons and factors influencing their participation in elections, and the specifics of exercising active voting rights. Based on a sociological survey of students from 24

ЛУНИНА Марина Валентиновна — студент Института государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень

ОТТ Юлия Сергеевна — студент Института государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень

РОМАНОВ Михаил Александрович — студент Института государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, член Избирательной комиссии Тюменской области с правом решающего голоса, руководитель Тюменского регионального отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, г. Тюмень

Russian universities, the main problems are identified and analyzed, along with development trends. Special attention is paid to the role of the digital environment, social networks, and information bubbles. The paper proposes a set of measures to increase electoral activity.

Keywords: *electoral behavior, student youth, voting rights, political literacy, digital environment, information bubbles.*

Студенческая молодежь уже давно выступает одним из важных политических акторов не только в России, но и во всём мире, однако при этом наблюдается противоречие между потенциальной значимостью студенческой молодежи как электоральной группы и ее реальной вовлеченностью в избирательный процесс.

Работы, в которых анализируется электоральная активность студентов, в основном датируются началом 2010-х годов. Они не теряют свою значимость в теоретическом и методологическом смысле, однако ввиду объективных причин сделанные исследователями выводы не в полной мере соответствуют нынешней действительности. В связи с этим исследование электорального поведения студенческой молодежи приобретает особую востребованность, а также требует комплексного подхода, учитывающего как внутренние мотивационные факторы, так и внешние социально-экономические, политико-правовые и иные условия. Анализ факторов, влияющих на студентов, позволяет выявить причины низкой вовлеченности этой социальной группы в избирательный процесс и разработать эффективные меры для повышения их электоральной активности.

Теоретико-исторические основы участия студенческой молодежи в выборах

Политическая культура представляет собой многокомпонентный феномен социально-политической реальности, интегрирующий в себе комплекс установок, ценностей, убеждений и символических значений, которые определяют характер политического поведения индивидов и социальных групп. Одним из основополагающих компонентов политической культуры является электоральная культура [1, с. 44–48]. Электоральная культура (или электоральное сознание [2, с. 45–55]), в свою очередь, представляет собой сложившуюся в ходе исторического развития систему представлений и установок, определяющих характер участия граждан в выборах.

Политическую культуру и электоральную активность как вид политического участия можно назвать одними из качественных критериев изучения современных политических режимов. Схожее утверждение можно найти в работе «Политическое участие молодежи в полиэтничных регионах России (на примере Сибирского и Северо-Кавказского Федеральных округов)» [3, с. 289–303], где авторы помимо прочего упоминают, что политическое участие — это важный критерий изучения не только современных, но и исторических политических режимов.

Молодые люди в целом и студенты в частности — наиболее динамичные субъекты политического процесса, обладающие существенным потенциалом трансформации общественно-политических установок [4, с. 45–62]. Данная демографическая страта, характеризующаяся высокой степенью социальной мобильности и инновационной восприимчивости, выступает не только в виде численно значимой, но и качественно необходимой части электората, представляющей собой носителя перспективных моделей политического поведения и ценностных ориентаций.

Молодежь обладает уникальной способностью быстро адаптироваться к меняющимся социально-политическим условиям, что делает ее особенно значимым актором в процессах политической модернизации и демократической трансформации общества, а также в условиях кризисов. Рассуждая о данном факторе, А.В. Мартынова выделяет как основополагающий критерий поведенческих паттернов молодежи ее демографическую характеристику [5, с. 139–151]. О высокой степени адаптивности молодого поколения говорят и зарубежные авторы, отмечая, что у молодых людей «есть выдающаяся способность адаптироваться в новой окружающей среде, получать новейшие знания и осваивать новые технологии» [6].

Рассматривая студенческую молодежь как специфическую идентификационную страту (социальный слой), необходимо акцентировать внимание на том, что данная социально-демографическая общность представляет собой консолидированную группу индивидов, не только объединенных возрастными параметрами, но и детерминированных особой спецификой интеллектуальной деятельности, уникальными социально-бытовыми условиями существования, характерными поведенческими паттернами и психологическими диспозициями, а также общностью аксиологических ориентаций в рамках единого культурно-образовательного пространства.

К схожей мысли о первостепенном влиянии общности деятельности и условий жизни приходит и А.П. Воробьев, определяя студенчество как «совокупность индивидов, объединенных возрастом, спецификой труда, особыми условиями жизни, поведением и психологией, общими ценностями и идеями» [7, с. 26].

Следует отметить, что электоральная активность студенческой молодежи в нашей стране имеет богатую и разнообразную историю, охватывающую несколько исторических периодов от Российской империи до современности.

Истоки политической активности молодежи в России можно проследить с эпохи декабристов. Хотя движение декабристов не было напрямую связано с электоральной активностью студенчества, оно заложило основы политического участия молодого поколения. Декабристы (преимущественно молодые офицеры и дворяне), получившие образование в лучших учебных заведениях империи, боролись за либеральные реформы, включая отмену крепостного права и введение конституционного правления. Несмотря на поражение восстания, их идеи оказали значительное влияние на развитие общественной мысли в России, особенно среди образованной молодежи.

Во второй половине XIX века, после реформ Александра II, наблюдается рост политической активности студенчества. Многие студенты присоединились к народническому движению, стремясь «идти в народ» и просвещать крестьянство. В университетах формировались тайные общества и кружки, в которых обсуждались политические и социальные вопросы. Периодически происходили студенческие демонстрации и забастовки, отражавшие недовольство учащейся молодежи существующим порядком. Особую роль в политической мобилизации студенчества сыграл протест Петербургского университета против путятинских реформ в 1861 году, который стал первым значимым примером организованного студенческого выступления.

Как замечает М.А. Кудрявцева, студенческое движение в России имело ярко выраженный политический характер начиная с конца XIX века, когда студенты активно участвовали в антиправительственных выступлениях, включая масштабную забастовку 1899 года против присяги Николаю II [8, с. 39–43]. Этот протест заложил основу для дальнейшего развития активизма в студенческой среде. Зимой 1901–1902 годов произошли масштабные студенческие забастовки, в которых приняли участие более 30 тысяч студентов, что, по мнению М.А. Кудрявцевой, демонстрирует высокий уровень политической мобилизации учащейся молодежи в период революционного кризиса. Эти выступления показали способность студенчества к массовой самоорганизации и координации политических действий.

В советскую эпоху характер политической активности студенчества существенно изменился. В 1920–1930-е годы Всесоюзный коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ или комсомол), охватывавший почти всю молодежь страны, стал основным каналом профессионального развития для молодого поколения. В вузах вводились обязательные курсы по марксизму-ленинизму, формирующие идеологическую базу студенчества. Политическая активность молодежи была институционализирована через комсомол.

В послевоенный период, особенно во время хрущевской оттепели, наблюдалось некоторое оживление студенческой активности: появились дискуссионные клубы и литературные объединения. Также важную роль играли менее формальные виды участия в политике. В частности, диссидентское движение часто объединяло именно студентов, занимавшихся выпуском самиздата и правозащитной деятельностью. В 1970–1980-е годы молодежь участвовала в политической жизни в основном формально — через комсомольские организации и обязательные политинформации. Однако существовали небольшие группы студентов, интересующихся альтернативными политическими идеями и распространяющих запрещенную литературу.

В постсоветский период, особенно с 2000-х годов по настоящее время, наблюдается заметный рост политической и электоральной активности российской студенческой молодежи. Ее политическое участие проявляется преимущественно в конвенциональной форме, то есть в рамках существующих институтов и процедур. Современные формы активности включают

в себя молодежный парламентаризм, участие в общественных объединениях и интернет-активность. Важность последней возрастает с каждым годом, так как с развитием цифровых технологий значительная часть политического дискурса молодежи переместилась в онлайн-пространство, а социальные сети и интернет-платформы стали важным инструментом политической коммуникации и мобилизации [9, с. 51–56].

Сейчас студенческая молодежь выступает как социальная группа, проявляющая наибольшую восприимчивость к демократическим ценностям, что объясняется меньшей подверженностью ее сознания устоявшимся политическим стереотипам и относительной независимостью от традиционных социальных установок.

Таким образом, ключевыми задачами современного этапа развития политической системы России являются создание действенных механизмов вовлечения студенчества в избирательные процессы и его последующая демократизация.

Причины и факторы электорального поведения студенческой молодежи

Для того чтобы обосновать электоральное поведение студентов, необходимо разграничить между собой такие детерминанты, как «причины» и «факторы». Так, причины напрямую обуславливают электоральное поведение, а факторы, в свою очередь, лишь отражают определенную зависимость между электоральным поведением и целым рядом социально значимых явлений.

Анализ электорального поведения студенческой молодежи как особой социально-демографической группы требует детального рассмотрения факторов, определяющих их политический выбор. В рамках современной политологии утвердилась дихотомическая типология этих факторов, подразделяющая их на две фундаментальные категории.

Первая категория представлена объективными факторами, которые характеризуются пролонгированным периодом воздействия и существуют независимо от волеизъявления и деятельности самих студентов.

Вторая категория состоит из субъективных факторов, непосредственно связанных с личностными особенностями молодых избирателей и спецификой их индивидуального восприятия политической действительности.

На такие же группы разделяет факторы и А.П. Воробьев, относя к первой «возраст, пол, этническую принадлежность, социальное происхождение, статус, образование, влияние семьи и ближайшего окружения, внутреннюю и внешнюю политическую обстановку. Вторая группа включает индивидуальные психологические качества избирателя, его воспитание, культуру, воздействие СМИ, специфику влияния политических организаций» [10, с. 214–218].

Возраст выступает одним из ключевых факторов формирования электорального поведения студенческой молодежи. Каждый возрастной этап характеризуется специфическим набором ценностей и установок, определяющих

восприятие социально-политической действительности. Студенты, впервые получающие активное избирательное право в 18 лет, нередко демонстрируют электоральную пассивность ввиду несформированности политических предпочтений и отсутствия опыта участия в выборах. Однако верно и обратное: иногда юношеский максимализм трансформируется в политическое участие и, наоборот, угасает с возрастом из-за влияния иных факторов.

Дифференциация студентов на мужчин и женщин также имеет существенное влияние внутри группы. Студентам разных полов часто свойственны типичные гендерно-обусловленные манеры поведения: женщинам — более мягкое и конформное поведение, мужчинам — более прямолинейное и конфликтное. При этом прямая корреляция между феминностью и конформностью [11, с. 14–15], маскулинностью и конфликтностью отсутствует. В современном обществе, а в особенности в открытой для инноваций студенческой среде, традиционные гендерные роли иногда размываются. Кроме того, такая социальная роль как студент сама не является гендерно-обусловленной.

Образование, а вернее, направление подготовки можно назвать самым очевидным фактором, влияющим на электоральное поведение в студенческой среде. Тем не менее образование и электоральная активность не имеют стопроцентной корреляции: юристы, политологи и иные специалисты не всегда осведомлены о вопросах избирательного права.

Из-за в целом низкого уровня политической культуры в обществе множество студентов также подвергается влиянию со стороны семьи или друзей во время выборов. Несмотря на то, что влияние фактора семейственности и социального воздействия можно назвать одним из самых низких за всю историю, оно всё еще сохраняется.

Политическая ситуация относится к ряду неоднозначных факторов ввиду слабой заинтересованности в политике большей части российского общества. Однако весомую долю его политически активной части составляют именно студенты. Так, тенденции к демократизации в конце 1990-х и начале 2000-х годов позитивно влияли на электоральные ожидания студентов и активность их политического участия.

Нельзя не отметить также влияние средств массовой информации и цифровых технологий. СМИ — от газет и журналов до радио и телевидения — долгое время были главным средством агитации на выборах. Однако ныне традиционные СМИ всё чаще уступают цифровым аналогам. То, какую информацию человек получает о выборах, кандидатах, партиях, их программах, напрямую влияет на его заинтересованность в выборах, которая часто прямо пропорциональна его осведомленности. В эпоху многообразия информации и неограниченного доступа к Интернету формируются новые явления: интернет-дискуссии, информационные «пузыри», политический юмор, сообщества в социальных сетях и так далее.

Личностные характеристики можно назвать главным субъективным фактором, обуславливающим различия в электоральном поведении студентов.

Воздействовать напрямую на субъективное мировосприятие человеком окружающей действительности невозможно, поэтому именно личностные характеристики толкают студентов как к индивидуальному гражданскому героизму, так и к абсентеизму [12, с. 45–51]. Этот фактор, испытывающий на себе комплексное влияние остальных, можно назвать отражением студенческих электоральных ожиданий.

Комплексное исследование указанных факторов наиболее релевантно, поскольку они охватывают ключевые аспекты, формирующие политические предпочтения студенческой молодежи, и позволяют прогнозировать ее политическое участие.

Реализация избирательного права студенческой молодежью

Традиционно избирательное право рассматривается в двух значениях: в широком и узком. В широком смысле избирательное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе образования (формирования) органов публичной власти. Под избирательным правом в узком смысле понимается субъективная возможность реализации права избирать (активное право) и права избираться (пассивное право).

Активное избирательное право определяется как право дееспособного гражданина, достигшего 18 лет, не содержащегося в местах лишения свободы по приговору суда, принимать участие в выборах органов публичной власти, голосуя за ту или иную кандидатуру или же политическую партию (блок) [13].

Очевидно, что для наиболее эффективной реализации студенческой молодежью их активного избирательного права наличие у них знаний об избирательном законодательстве является чрезвычайно важным. Результаты социологического опроса показали, что всего 14 процентов опрошенных высоко оценивает свой уровень знаний, — большинство студентов (66%) определяет такой уровень средним.

Для того, чтобы реально оценить уровень знаний студенческой молодежи в области избирательного права России, респондентам были заданы 5 соответствующих вопросов. Так, в вопросе «Требуется ли наличие высшего образования для кандидата на должность Президента Российской Федерации?» большинство студентов (67%) ответили неправильно и лишь 33 процента дали верный ответ. Ни в одном нормативно-правовом акте России не закреплено такое требование для кандидата на должность Президента Российской Федерации, как наличие высшего образования.

На вопрос «Сколько избирателей может быть зарегистрировано на одном избирательном участке?» 43 процента респондентов ответили верно, остальные (57%) — неверно. В соответствии с частью 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие

в референдуме граждан Российской Федерации» на одном избирательном участке может быть зарегистрировано не более 3 тысяч избирателей.

В вопросе «Какое количество подписей должен собрать кандидат на должность Президента Российской Федерации, выдвигаемый в порядке самовыдвижения?» большинство студентов (54%) дали неправильный ответ, 46 процентов студентов — верный. В соответствии с частью 1 статьи 36 Федерального закона от 10 января 2003 года «О выборах Президента Российской Федерации» кандидат, выдвинутый в порядке самовыдвижения, обязан собрать в свою поддержку не менее 300 тысяч подписей избирателей, при этом на один субъект Федерации должно приходиться не более 7500 подписей избирателей, место жительства которых находится на территории данного региона.

На вопрос «Каковы основания для повторного голосования на выборах Президента Российской Федерации?» преобладающее большинство студентов (93%) ответили неверно и всего лишь 7 процентов дали правильный ответ. Согласно части 1 статьи 77 Федерального закона от 10 января 2003 года «О выборах Президента Российской Федерации» основанием для повторного голосования на выборах Президента является ситуация, при которой в избирательный бюллетень было включено более двух зарегистрированных кандидатов и ни один из них по результатам общих выборов не был избран; а также, согласно части 5 статьи 77 указанного Федерального закона, — если после выбытия зарегистрированных кандидатов останется только один зарегистрированный кандидат, который получил менее 50 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

На вопрос «Какая избирательная система используется при выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации?» большинство (62%) респондентов ответили неверно, остальные (38%) — верно. При выборах депутатов законодательного органа субъекта Федерации используется любая избирательная система, предусмотренная региональным законодательством.

Исходя из результатов опроса можно сделать вывод о том, что подавляющая часть студенческой молодежи не имеет достаточных знаний в области избирательного права России. Примечательно, что большинство респондентов (80%) получают юридическое образование и, несмотря на сопричастность к «академической корпоративной культуре», обусловленной освоением различных юридических и социальных наук, также имеют явные пробелы в знаниях о теоретических основах электоральных процедур всех уровней.

По результатам опроса в выборах принимают участие 1779 студентов, что составляет 85 процентов от общего числа опрошенных. Реализацию своего активного избирательного права большинство студентов мотивируют гражданским долгом (29%) и желанием повлиять на будущее страны/региона (35%). В то же время особый интерес к выборам проявляет 20 процентов опрошенных студентов. 41 процент респондентов предпочли ответ «скорее интересуюсь»,

что свидетельствует о наличии умеренно-высокого интереса студентов к выборам. Интерес студенчества к выборам проявляется в том числе в его участии в молодежных движениях и организациях. Такая активность наблюдается у 8 процентов проголосовавших в социологическом опросе. 12 процентов студентов также являются частью молодежного движения или политической организации, однако не принимают там активного участия.

Важно отметить, что как при наличии, так и при отсутствии интереса к выборам, наиболее популярными источниками информации о них среди студенческой молодежи являются социальные сети, мессенджеры (35%) и интернет-СМИ (28%), что напрямую свидетельствует о высокой степени цифровизации студенческой молодежи и утрате традиционными методами агитации лидирующих позиций в формировании политического мировоззрения студентов.

Из результатов опроса следует, что большая часть опрошенных студентов полностью (19%) или скорее (68%) доверяет обозначенным источникам информации о выборах. Это позволяет говорить о том, что студенты не склонны проверять информацию, следовательно, большая их часть находится в создаваемом их предпочтениями информационном «пузыре», который формируют алгоритмы социальных сетей.

Непопулярность среди студентов такого источника информации о выборах, как разговоры с друзьями и родственниками, подтверждается ответами на вопрос «Как часто вы обсуждаете выборы (избирательные кампании) с друзьями или близкими?». Самыми частыми ответами являются редко (40%) и иногда (33%).

Очевидно, что в условиях цифровизации особую роль в политическом выборе студенческой молодежи играют социальные сети. Так, лишь для 17 процентов опрошенных студентов социальные сети не играют никакой роли. Остальные студенты определяют роль социальных сетей в своем политическом выборе как небольшую (28%), скорее большую (35%) и очень большую (20%). Четверть (25%) опрошенных студентов также подписаны на кандидатов и политические партии в социальных сетях.

Современные электоральные проблемы студенческой молодежи и меры, направленные на повышение электоральной активности студенческой молодежи

Анализ данных опроса показывает, что основными причинами неучастия студентов в выборах являются:

неосведомленность о кандидатах и их программах (31%) — это наиболее распространенная причина, отражающая недостаток доступной и понятной информации о выборах; молодежь часто не знает, за кого голосовать, что связано с ограниченным интересом к политике и слабой работой информационных каналов;

организационные сложности (25%) — нехватка времени или неудобство процесса голосования также существенно влияют на явку; для студентов это может быть связано с учебной нагрузкой, однако, учитывая наличие избирательных участков в вузах, проблема организационных сложностей связана в том числе с низкой осведомленностью и нежеланием принимать участие в выборах, не являясь при этом самостоятельной проблемой;

недоверие к значимости голоса (23%) — существенная часть респондентов считает, что их голос не влияет на исход выборов; это может быть следствием общего недоверия к избирательной системе и восприятия ее как непрозрачной, учитывая общее выражение недоверия на уровне 27 процентов;

отсутствие интереса к политике (21%) — молодежь часто аполитична, что связано как с личными предпочтениями, так и с влиянием информационных «пузырей», а также с усталостью от политики в последние годы на фоне внешнеполитического кризиса.

Кроме основных проблем, находящихся в сложной взаимозависимости, существуют и иные трудности, косвенно влияющие на снижение политического участия студенческой молодежи в выборах. Отдельно стоит выделить возраст активного избирательного права (18 лет). Преобладающее число студентов (67%) считают, что в изменении избирательного возраста нет необходимости. Однако оставшиеся 23 и 10 процентов опрошенных отдадут предпочтение его повышению до 21 года и снижению до 16 лет, соответственно. Так, ве́домость студентов и возможность манипуляции их мнением через социальные сети, а также низкий уровень политической грамотности приводят к тому, что их участие в электоральных процедурах не выражает реальной политической воли. Вместе с тем у других студентов политические предпочтения формируются значительно раньше, в 16 лет. Однако среди респондентов людей с четкой политической позицией более чем в два раза меньше, чем тех, кто считает необходимым повышение возраста активного избирательного права. Большая часть респондентов находятся в возрастной группе от 18 лет до 21 года, что иллюстрирует преобладание среди них критического отношения к собственному уровню политической грамотности.

Нельзя не упомянуть и проблему неравномерного участия в выборах различных уровней: 49 процентов респондентов реализуют свое активное избирательное право на выборах Президента России, 19 процентов — главы субъекта Федерации, а активность на выборах депутатов Государственной Думы, законодательного органа субъекта Федерации и органов местного самоуправления находится на уровне 10–11 процентов. Так, большая часть студентов наделяют ответственностью за внутреннюю политику в стране исключительно Президента, а в регионе — практически одного лишь главу субъекта. Такое отношение к выборам обуславливается как низким уровнем политической и электоральной грамотности, так и неэффективностью традиционных способов агитации в субъектах и муниципалитетах из-за их неоднородного развития.

Анализ развернутых ответов респондентов выявил, что наиболее упоминаемыми препятствиями для электоральной активности студентов [14, с. 356–358] являются недостаточная информированность о кандидатах и их программах, территориальные сложности при голосовании (особенно для иногородних студентов), а также общее недоверие к избирательной системе, сомнения в прозрачности процедуры голосования, низкий уровень политической культуры и недостаток времени у студентов для участия в выборах.

Заслуживают внимания некоторые пожелания по повышению электоральной активности студентов, выдвигаемые респондентами. Больше всего инициатив поступило по поводу организации интерактивных образовательных мероприятий (семинары, дебаты, ролевые игры). Также поступили предложения, касающиеся усиления информационной кампании через социальные сети, привлечения молодых кандидатов (25–35 лет) и создания политических движений, отвечающих запросам молодежи. Некоторые респонденты заявили о необходимости повышения прозрачности избирательного процесса и организации встреч с действующими политиками. Прозвучало предложение об интеграции политического просвещения в образовательный процесс и развитие молодежного парламентаризма.

Иными словами, студенчество имеет сформированный общественный запрос на повышение степени своего участия в политике при поддержке государства [15, с. 59–62].

Заключение

Подводя итоги комплексного исследования электорального поведения студенческой молодежи, можно сформулировать несколько значимых выводов.

Во-первых, теоретико-методологический анализ показал, что студенческая молодежь представляет собой уникальную социально-демографическую группу, характеризующуюся высокой степенью общественной мобильности и инновационной восприимчивости.

Во-вторых, проведенное социологическое исследование выявило существенные детерминанты электорального поведения студенческой молодежи и продемонстрировало их дифференциацию в зависимости от различных воздействующих факторов.

В-третьих, в ходе исследования выявлен комплекс взаимосвязанных проблем, включающий низкий уровень политической грамотности, информационную изоляцию в социальных сетях, патерналистские установки в политическом сознании, неравномерное участие в выборах различных уровней и недостаточную эффективность традиционных методов политической коммуникации.

В-четвертых, в условиях информационного общества наблюдается синергетический эффект слияния традиционных и инновационных факторов, детерминирующих электоральное поведение студенческой молодежи. Цифровизация политической коммуникации — многостороннее явление, создающее как новые возможности для вовлечения молодежи в избирательный

процесс, так и новые риски, связанные с формированием информационных «пузырей», политической дезориентацией, дезинформацией.

Результаты проведенного всероссийского социологического опроса показали, что причиной низкой явки студентов, в особенности на выборы в органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления, является неосведомленность о кандидатах, а также «недоверие к избирательной системе». Основным источником информации об избирательных кампаниях являются социальные сети и интернет-СМИ, доверие к которым крайне высоко. Традиционные методы политической агитации, в свою очередь, устарели и почти утратили свое влияние на студенческую аудиторию.

Исследование показывает, что знакомство с избирательной системой и правом нужно начать еще в школе, чтобы у потенциального абитуриента была осведомленность о выборах и их значимости в жизни гражданина. Подобные практики реализуются в университетах, где проходят выборы глав советов обучающихся, научных обществ и иных студенческих объединений.

Одним из эффективных способов повышения электоральной активности студенческой молодежи может стать демонстрация честности и прозрачности выборов в виде беспрепятственного участия студентов в качестве наблюдателей на избирательных участках, ведения прямой трансляции подсчета голосов, массового привлечения студентов к проведению экзит-поллов. Кроме того, деятельное участие студентов при создании для них необходимой мотивации может облегчить организацию выборов, снизив расходы на их проведение, что является особенно актуальным на уровне субъектов и муниципалитетов.

Учитывая высокую степень доверия студентов к социальным сетям, информирование студенческой молодежи о выборах должно происходить и в цифровой среде.

Следует также поддерживать молодежный парламентаризм и политический активизм: проводить стипендиальные и грантовые конкурсы для кандидатов в муниципальные депутаты, частично покрывая расходы на избирательные кампании; экстраполировать удачный опыт формирования молодежных дум и администраций в некоторых регионах России и сделать такие молодежные представительские органы более популярными. Активные волонтеры, члены молодежных представительских органов, наблюдатели, избиратели и агитаторы могут получать различные льготы (например, льготы на проезд в общественном транспорте, скидки на покупку канцелярских товаров и образовательной литературы, техники), что повысит их мотивацию к участию в такой деятельности.

Таким образом, проведенное исследование позволило не только выявить ключевые особенности и проблемы электорального поведения студенческой молодежи, но и определить основные направления совершенствования механизмов их вовлечения в избирательный процесс с учетом современных социально-политических реалий.

Список литературы

1. Сайганова Е.В. Специфика электорального поведения молодежи в условиях политической культуры общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. № 2.
2. Головин Д.А., Павельева Т.Ю. Политическое сознание студенческой молодежи и особенности электорального поведения в молодежной среде города Москвы // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 1.
3. Железняков А.С., Литвинова Т.Н. Политическое участие молодежи в полиэтничных регионах России (на примере Сибирского и Северо-Кавказского Федеральных округов) // Россия реформирующаяся. 2017. № 15.
4. Мочалин А.В. Эволюция электорального поведения в процессе социализации молодежи российской страны // Социодинамика. 2016. № 10.
5. Мартынова А.В. Мотивы участия / не участия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4(116).
6. Campbell A. The American Voter / A. Campbell, P.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes. New York: John Wiley & Sons, 1960. 573 p.
7. Воробьев А.П. Электоральное поведение студенческой молодежи в условиях современной России: на примере Республики Бурятия: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Улан-Удэ, 2013.
8. Кудрявцева М.А. История становления и развития студенческих движений в России // Science Time. 2023. № 12(119).
9. Киняшева Ю.Б. Возможности политической мобилизации граждан в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4.
10. Воробьев А.П. Электоральная активность студенческой молодежи // Вестник БГУ. 2011. № 6.
11. Сергеева З.Н. Конформистское отношение студенческой молодежи к избирательному процессу // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4.
12. Бушенева Ю.И. Социально-политические основания российского электорального абсентеизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 11. № 32.
13. Авдеев Д.А. Российское конституционное право [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д.А. Авдеев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт дистанционного образования, Институт государства и права. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. 276 с.
14. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности Российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3(24).
15. Королева Д.Е. О факторах повышения электоральной активности молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2021. № 14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, член Избирательной комиссии Тюменской области с правом решающего голоса, руководитель Тюменского регионального отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России; AVDEEV Dmitry Alexandrovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University, Member of the Election Commission of the Tyumen region with the right to vote, Head of the Tyumen Regional Branch of the Interregional Association of Constitutionnalists of Russia; ronner@mail.ru

ГАВРИЛЕЦ Юрий Николаевич, доктор экономических наук, научный руководитель лаборатории математической социологии Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации; GAVRILETS Yuri Nikolaevich, Doctor of Economics, Scientific Supervisor of the Laboratory of Mathematical Sociology, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Researcher in Science and High Technologies of the Russian Federation; yurkag@mail.ru

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, кандидат политических наук; GASANOV Ismail Bairamovich, Candidate of Political Sciences; gassanov@list.ru

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, начальник отдела мониторинга законодательных инициатив и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса; GOLOVIN Aleksei Gennad'evich, Candidate of Law, Head of the Department for Monitoring Legislative Initiatives and Systematization of Legislation of the Legal Department of the Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Full State Councilor of the Russian Federation, 3rd class; aggolovin@mail.ru

ИЛЬИН Николай Иванович, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Академии криптографии РФ, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), заслуженный деятель науки РФ; ILYIN Nikolai Ivanovich, Doctor. Sci., Professor, Corresponding Member, Academy of Cryptography of the Russian Federation, Chief Scientific Officer, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Honored Scientist of the Russian Federation; ni_ilin@mail.ru

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации; KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional

and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; svkabyshev@gmail.com

КУДРОВ Александр Владимирович, кандидат физико-математических наук, руководитель лаборатории вероятностно-статистических методов и моделей в экономике Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); KUDROV Alexander Vladimirovich, Candidate of Physics and Mathematical Sciences, Head of the Laboratory of Probabilistic-Statistical Methods and Models in Economics, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences (CEMI RAS); kovlal@inbox.ru

ЛУНИНА Марина Валентиновна, студент Института государства и права Тюменского государственного университета; LUNINA Marina Valentinovna, Student of the Institute of State and Law, Tyumen State University; iammarinalunina@mail.ru

МИТУСОВА Инна Александровна, соискатель ученой степени доктора юридических наук юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук; MITUSOVA Inna Alexandrovna, Candidate of the Academic Degree of Doctor of Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Law; mitusovainna@yandex.ru

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Новосибирского государственного университета экономики и управления; MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management; makarzew@mail.ru

МИХАЙЛОВ Михаил Викторович, член Экспертного совета Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; MIKHAILOV Mikhail Viktorovich, Member of the Expert Council of the Central Election Commission of the Republic of Tatarstan, Master's Student, Kazan (Volga Region) Federal University; m.mikhailov77777@icloud.com

НУГУМАНОВА Лилияна Фаритовна, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ»; NUGUMANOVA Liliyana Faritovna, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Resource Management, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI; LFNugumanova@kai.ru

ОТТ Юлия Сергеевна, студент Института государства и права Тюменского государственного университета; OTT Julia Sergeevna, Student of the Institute of State and Law, Tyumen State University; Julia.ott23@yandex.ru

ПАВЛУШКИН Алексей Владимирович, ведущий научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук; PAVLUSHKIN Alexey Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Leading Research Fellow of the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; pavlexnet@mail.ru

РОМАНОВ Михаил Александрович, студент Института государства и права Тюменского государственного университета; ROMANOV Mikhail Alexandrovich, Student of the Institute of State and Law, Tyumen State University; mihail_romanov_2004@mail.ru

САДЫКОВ Рамиль Риназович, член Экспертного совета Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан, магистрант ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ»; SADYKOV Ramil Rinazovich, Member of the Expert Council of the Central Election Commission of the Republic of Tatarstan, Master's Student, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI; ramilsadykov00000@icloud.com

СЕРАВИН Александр Игоревич, кандидат политических наук, исследователь факультета политологии ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; SERAVIN Alexander Igorevich, Candidate of Political Sciences, Researcher, Faculty of Political Science, Federal State Budgetary Institution of Higher Education Saint Petersburg State University; electoral.politic@gmail.com

СЕРЕГИНА Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); SEREGINA Ekaterina Sergeevna, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОШНИКОВ Валентин Викторович, член Избирательной комиссии Самарской области с правом решающего голоса, аспирант Департамента частного права Института права Тольяттинского государственного университета; SOSHNIKOV Valentin Viktorovich, Member of the Election Commission of the Samara Region with the right to vote; Postgraduate Student of the Department of Private Law, Institute of Law of Togliatti State University; soshnikoff.valentin@yandex.ru

ХЫА Хюи Хоанг, аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; HUA Huy Hoang, Postgraduate Student of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; hoanghh.hcma2@gmail.com

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Grand PhD in Jurisprudence; I.Chistoborodov@mail.ru

ШЕРСТОБОЕВ Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; SHERSTOBOEV Oleg Nikolaevich, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; sherson@yandex.ru

ЮСУБОВ Эльман Сулейманович, кандидат юридических наук, доцент, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; YUSUBOV El'man Suleimanovich, Candidate of Law, Docent, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University, Honored Lawyer of the Russian Federation; elman1958@yandex.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д. Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации. Статьи, не отвечающие настоящим требованиям, не рецензируются и не возвращаются.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 1(39)
2026**

ЯНВАРЬ–МАРТ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала – 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 27.02.2026.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
по заказу ООО «ОСТ ПАК НТ»
125319, г. Москва, ул. Академика Ильюшина, д. 16, этаж Цоколь 0,
в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»,
142100, Московская обл., г. Подольск, Революционный просп., д. 80/42